

Сергей Александрович Нефедов

История Древнего мира

Сергей Александрович НЕФЕДОВ

История Древнего мира

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для многих читателей эта книга не требует особого предисловия – ее можно читать просто как «роман истории». Это действительно увлекательный роман, особенность которого заключается в том, что он написан по «учебной программе». Эта программа значительно шире программы обычной школы, и по этой книге могут заниматься учащиеся гуманитарных лицеев и студенты институтов – те, для которых история не является основной специальностью. Для любителей истории книга С. А. Нефедова представляет собой настоящий клад – они могут найти здесь много нового и интересного – не только факты, но и концепцию, помогающую понять историю. Современные российские учебники обычно лишь пересказывают события и мало что объясняют; *эта книга объясняет историю*.

Конечно, историю можно объяснять, лишь опираясь на мощную и хорошо разработанную теорию исторического процесса. Автор не пишет о происхождении используемой им концепции, и именно это обстоятельство побудило меня написать это краткое предисловие. Основа этой книги – концепция знаменитой французской школы «Анналов», и в частности, так называемая теория «вековых тенденций» (или «демографических циклов»). В основе концепции «Анналов» лежит объяснение исторических событий через посредство демографических, экономических и экологических закономерностей. Эта теория разработана в трудах знаменитых ученых, таких, как Фернан Бродель, Эрнест Лабрусс, Франсуа Симиан, Пьер Шоню; в ее создание внесли свой вклад известные европейские и американские историки Майкл Постан, Вильгельм Абель, Курт Хеллинер, Карло Киполла, Рондо Камерон. В своих основных чертах эта концепция сформировалась достаточно давно, почти полвека назад; она получила название " La Nouvelle Histoire " – «новая историческая наука».

«Очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера, – писал Фернан Бродель. – А между тем, новая историческая наука уже существует, непрерывно совершенствуясь и видоизменяясь...» С тех пор как были написаны эти слова, прошло

больше сорока лет, и концепция «новой исторической науки» стала классикой западной историографии; она вошла в учебники и энциклопедии. У школы «Анналов» появились «родственники» в других странах – «новая научная история» в Англии и «новая экономическая история» или «клиометрия» в Америке. Поскольку демографические и экономические закономерности описываются математическими уравнениями, то американские «клиометристы» предприняли попытку выразить исторические процессы с помощью математических моделей. Простейшая из используемых ими моделей – это логистическое уравнение, о котором говорится в приложении к этой книге.

Конечно, учебник, написанный с позиций западной историографии, может вызвать естественные вопросы у российского читателя. Долгий период изоляции от мировой исторической науки не прошел даром, и теперь у нас, как когда-то во Франции, «очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера». Но времена меняются, и постепенно приходит новое понимание окружающего нас мира. Будем надеяться, что книга С. А. Нефедова внесет свой вклад в это новое видение исторической реальности.

Академик Российской Академии Наук,
директор Института истории и археологии
УрО РАН
В. В. Алексеев

Глава I. Мир охотников

МИЛЛИОН ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

И был вечер и было утро: день первый.

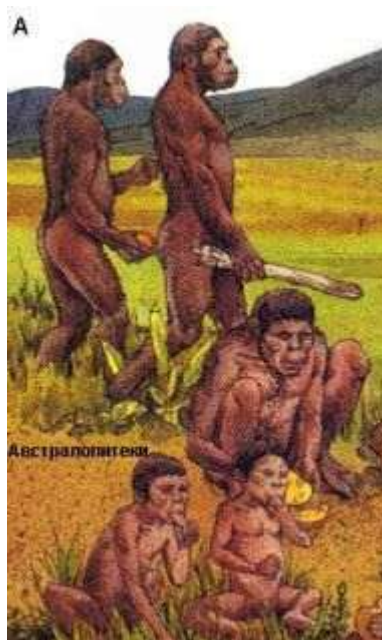
Бытие, 1, 5.

Знойное африканское солнце сияло над саванной, над зеленой кромкой джунглей и песчаными отрогами Олдурвайского ущелья. То здесь, то там виднелись стада антилоп и жирафов; подобно движущимся холмам бродили гигантские носороги, не боявшиеся даже хозяев саванны – саблезубых тигров и пещерных львов. И где-то здесь, в саваннах и джунглях Восточной Африки, обитали предки людей, обезьяны-австралопитеки, умевшие одинаково ловко лазить по деревьям и передвигаться на двух ногах по земле. Они были низкорослые, коренастые, обросшие шерстью, с темной кожей и мощными челюстями. Они владели страшным для других зверей оружием – дубиной; удар зажатой в длинной руке дубины был подобен удару львиной лапы. Дубина была первым изобретением обезьян на их пути к власти над миром зверей. Затем появились копье и огонь, подарившие им господство над саванной. Размахивая копьями и факелами, стая загоняла обезумевших от ужаса антилоп к обрыву – туда, где, под кручей стояли самые опытные охотники, добивавшие покалеченных животных. Потом на месте побоища разводили костер, жарили на огне целые туши и рвали руками горячее мясо. Насытившись, забирались в свою пещеру и дремали до следующего дня, следующей охоты.

Ни носороги, ни обитавшие на севере огромные мамонты не могли противостоять стаям обезьян; опаснейшим врагом стаи были не носороги и львы, а другие стаи. В голодный год стаи шли облавою друг на друга, под каменными топорами хрустели черепа, и победители, привычно размахивая копьями, загоняли побежденных к обрыву. Под обрывом,

как всегда, разводили костер и поедали добычу, а кости побежденных раскалывали и высасывали так же, как кости антилоп.

Так продолжалось из года в год и из века в век. Менялся климат, с севера наступали ледники, менялась окружающая природа, менялись и сами обезьяны; их руки стали короче, челюсти уменьшились, а голова увеличилась в размерах. Австралопитеков сменили питекантропы, а питекантропов – неандертальцы, но ни те, ни другие не были похожи на людей. Они были ширококостными и очень сильными, со скошенными челюстями и огромным нависающим над глазами валиком. Они оставались обезьянами – хотя эти обезьяны и научились одеваться в шкуры. Лишь чудо могло превратить обезьяну в человека.

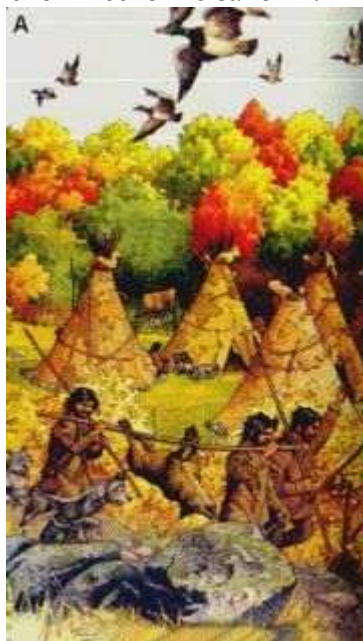
СОРОК ТЫСЯЧ ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

И сказал Бог: "Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему..."
Бытие 1,2.

Все так же сияло над саванной солнце; так же зеленели деревья и поблескивали вершины гор на горизонте. Все так же двигалась по равнине цепь загонщиков; но в этой цепи теперь шли не обезьяны, а люди. У них были те же каменные топоры и копья, но они совсем не походили на обезьян, они были высокими, стройными и умели говорить. Должно быть, какое-то чудо, какая-то случайная мутация привела к тому, что из чрева обезьяны появился первый человек. Какое-то время люди и неандертальцы жили рядом и, может быть, даже грелись у одного костра в хорошо известной археологам палестинской пещере Табун. Но потом произошло то, что должно было произойти: недостаток пищи породил между людьми и неандертальцами войну не на жизнь, а на смерть. Быстро размножавшиеся роды людей расселялись со своей прародины на новые земли и всюду сталкивались с неандертальцами – хозяевами этих мест. Двигавшиеся поперек саванны цепи охотников загоняли неандертальцев к обрыву; под обрывом добивали уцелевших и только молодых женщин оставляли себе. Новые поколения шли дальше на юг, запад, восток, им требовались все новые земли – и они прогоняли обезьян в леса и горы. Через десять тысяч лет с неандертальцами было покончено; человек завоевал свою планету. Лишь некоторые восточные народы, австралийцы и айны, сохранили небольшую примесь неандертальской крови – результат смешения побежденных и победителей.

Наступила эпоха господства человека; саванны, степи и тундры были поделены между

охотничьими родами. Продвигаясь всё дальше на север, люди перешли скованный льдами пролив и оказались в Америке; они заселили огромный новый материк, на который не ступала нога их предков-обезьян. Даже самые сильные были не в состоянии сопротивляться новым властителям мира: огромных мамонтов и носорогов загоняли к обрыву точно так же, как антилоп. Охотники поджигали траву и обрекали на смерть все живое; их стойбища были буквально завалены костями многих тысяч бизонов и лошадей. Неуклюжие мамонты были истреблены до последнего; вместе с ними погибли мастодонты, американские лошади, верблюды, ленивцы, мускусные быки, пекари и десятки других видов животных. Люди убивали животных, чтобы насытиться, чтобы выжить: их становилось всё больше и им требовалось всё больше пищи; они заселили всю землю и взяли от нее всё, что могли. В поисках пропитания они – так же, как их предки-обезьяны, – собирали съедобные растения и выкапывали клубни палкой-копалкой. Затем они научились ловить рыбу, выжигать лодки-долбленки и использовать сети. Пятнадцать тысяч лет назад они изобрели лук, позволивший охотиться на птиц и мелких зверей. Эти открытия давали временное облегчение, голод отступал, но затем население увеличивалось – и голод возвращался. В конце концов, уничтожив десятки видов животных, люди обратились против самих себя: охотничьи группы стали загонять друг друга к обрыву точно так же, как это когда-то делали обезьяны. Рядом с аккуратно расколотыми и высосанными костями мамонта археологам стали попадаться столь же тщательно высосанные кости людей. Человек был частью природы – и природа диктовала ему свои жестокие законы.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

*Количество населения неизбежно
ограничивается средствами существования.
Томас Мальтус.*

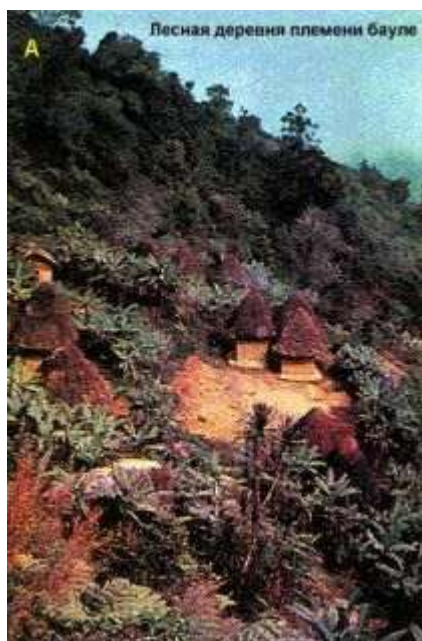
Задолго до того, как человек стал господином мира, хозяевами саванны были стаи львов. Львы тоже были охотниками и так же, как люди, охотились стаей. После охоты все вместе поедали добычу; все вместе воспитывали львят и жили одной большой семьей. Стая имела свою территорию и постоянно сражалась за нее с другими стаями; эти сражения были столь жестокими, что рано или поздно заканчивались гибелью стаи; победители убивали львов и забирали к себе молодых львиц.

Люди жили подобно львам и волкам – это был образ жизни охотников. Львица приносит каждый год по несколько львят, которые требуют пищи; женщина рождает детей,

которые хотят есть. В последнее время численность населения Земли увеличивается на два процента в год, и можно предположить, что охотники размножались примерно так же. В таком случае численность охотничьего рода за полвека возрастет в 2,7 раза, а за столетие – примерно в 7 раз. Можете ли вы представить, что произойдет в следующие столетия? Через двести лет род вырастет в 52 раза, а еще через двести – в 2700 раз! Разумеется, этим бесчисленным новым поколениям не хватит пищи и места под солнцем. И они будут сражаться за эту пищу – так же яростно, как сражались львы.

Страшная сила, которая гонит людей на поле боя, называется **ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ДАВЛЕНИЕМ**. Попросту говоря, демографическое давление – это голод, это величина, обратная потреблению пищи на душу населения. К примеру, в Европе потребление пищи вдвое больше, чем в Индии, – это значит, что демографическое давление в Индии вдвое выше, и это значит, что Индия находится под постоянной угрозой голода и внутренних войн.

Представьте себе территорию, принадлежащую охотничьему роду: равнину с пасущимися на ней стадами, лес с его грибами и кореньями, богатую рыбой речку. Вся эта земля с её пищевыми ресурсами – это **ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НИША** рода, и когда род увеличивается в размерах, он давит на стенки этой ниши, пытается их раздвинуть. Экологическую нишу можно расширить, сделав какое-нибудь изобретение, смастерив гарпун, чтобы ловить рыбу – изобретения, расширяющие экологическую нишу, называются **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМИ ОТКРЫТИЯМИ**. Можно сделать лук, напоить стрелы ядом и, уничтожив соседний род, захватить его земли – это тоже расширение экологической ниши. Дубина, огонь, копье, каменный топор, лук – всё это были Фундаментальные Открытия, позволявшие обезьянам и людям расширять свою экологическую нишу, постепенно овладевая всей планетой. Совершая эти открытия, человек вместе с тем изменял самого себя – и, хотя его внешность почти не менялась, но обычаи и поведение становились непохожими на унаследованные от предков. Иной раз эти перемены бывали столь велики, что можно говорить о рождении **НОВОГО ВИДА** людей – причем зачастую этот новый вид оказывался враждебен другим людям; овладев новым оружием и гонимый голодом, он начинал против них войну за жизненное пространство. С другой стороны, оказывая давление на стенки экологической ниши, человек, в свою очередь, ощущал ответное давление – это был голод, мор, это были нападения других родов, это было демографическое и военное давление извне. Общая сила этого давления измерялась теми потерями, которое оно наносило роду, – коэффициентом смертности взрослого населения. Демографическое давление, наряду с потреблением пищи, измерялось также коэффициентом голодной смертности; военное давление – коэффициентом военной смертности. Давление окружающей среды принимало облик смерти – и, чтобы противостоять ему, нужно было сплотиться в единый коллектив, род или стаю. **НУЖНО БЫЛО ЖИТЬ ВМЕСТЕ.**

РОД

*Вместе собирайтесь! Вместе договаривайтесь!
Единым да будет ваш замысел, едиными – ваши сердца!*
Ригведа.

Что значит жить вместе? Это значит вместе идти в цепи загонщиков и плечом к плечу стоять в сражении; это значит вместе есть у костра горячее мясо и в случае нужды без колебания отдавать свою долю попавшему в беду другу и брату. «Люди эскимосского стойбища, – писал известный полярник Расмуссен, – жили в состоянии столь ярко выраженного коммунизма, что не было даже никаких особых охотничьих долей. Все трапезы совершались вместе, как только было убито какое-либо животное...»

Коммунизм, Равенство, Братство были великими обычаями охотников всех времен. Охотник не мог жить в одиночку: источником пищи людей Каменного Века была коллективная загонная охота. Одиночка был обречен на смерть и, сражаясь за жизнь, люди сплывались всё тесней и тесней – так, чтобы каждый чувствовал руку друга и брата рядом со своей рукой.

Род – так называлось то великое целое, которое появлялось от соединения тел и душ. Все мужчины рода считались братьями, и это братство не зависело от обстоятельств рождения. Братья-мужчины были неразлучны, они вместе охотились, вместе ели и вместе спали. Их единство доходило до самоотречения: скифские братья клялись, что в случае необходимости умрут один за другого. «И мы действительно так поступаем, – говорил скиф Токсарис, герой одного из древних писателей. – С того времени, как мы, надрезав пальцы, накапаем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, ничто не может разлучить нас».

Единство не оставляло места для себялюбия и лукавства; прямота, честность, открытость были необходимыми качествами охотника. «Бог сотворил этих простых людей без пороков и хитрости», – писал испанский епископ Лас Касас об американских индейцах. Хитрость и обман порождали недоверие и несогласие, а малейшие разногласия перед лицом окружающих опасностей могли привести к гибели. Поэтому слово охотника было во все времена словом чести.

Люди Каменного Века не знали, что такое богатство и власть. Родовичи были равны друг другу и все вместе решали свои дела. Выборным вождям негде было проявить себя, потому что не было ни распрей, ни смут, не было тех, кого они должны были бы судить и

наказывать. Тяжелейшим наказанием считалось публичное осмеяние виновного – и этого было вполне достаточно, чтобы он исправился или умер от стыда. Чувство стыда, боязнь публичного осмеяния, честолюбие – вот те качества, которые завещаны нам людьми Каменного Века. Честолюбие в те времена заменяло богатство, и люди были готовы пойти на риск, чтобы удостоиться сдержанной похвалы сородичей.

Единство и сплоченность ценились превыше всего, ничто не должно было разъединять мужчин рода: ни распри, ни доля добычи, ни соперничество из-за женщин. Брак формально существовал: каждый мужчина должен был привести в род женщину, которая считалась его женой – первой женой. Но, как это принято у австралийцев, у каждого мужчины были также вторые, третьи, четвертые жены – жены братьев и побратимов. Алеуты называли жену брата «аягань» («моя жена») или «аягатанах» («заместительница жены»). Мужчины часто обменивались женами и детьми – почти половина детей эскимосов, живших у залива Рипалс, воспитывалась в чужих семьях. Друзья, «товарищи по песне», даже формально имели общих жен, братство мужчин всегда выливалось в общность жен. Даже сейчас во многих азиатских странах ещё не забыт старинный обычай предоставления женщины гостю.

Постоянный обмен женщинами, детьми, пищей дополнялся обменом подарками – тем немногим, что составляло личную собственность охотников: каменными ножами, бумерангами, поясами из человеческих волос. Род был един и всё достояние его было общим, это особенно проявлялось во время родовых празднеств. Совместное угощение, молитвы общему предку, экстатические танцы и беспорядочная любовь символизировали единство рода. Род был олицетворением единства, и только единство могло спасти людей в час испытаний, единство, выносливость и терпение. Это было главное, и поэтому вся жизнь Рода была посвящена воспитанию сплоченности, выносливости и терпения в предвидении того рокового часа, когда всё это потребуется на охоте или в бою.

ВОСПИТАНИЕ ВЫНОСЛИВОСТИ

*В одно время выпросили они у
матери младшего брата на охоту,
завели в лес и оставили там.
Из русской сказки .*

Не так-то легко назвать человека братом и вручить ему свою жизнь. «Братья», мужчины рода, должны быть смелыми, выносливыми и сильными, должны быть настоящими товарищами на охоте и в бою. Они составляли ядро рода, «мужской союз» с его

суровыми, таинственными обрядами. Вступить в этот союз, стать «братом» и полноправным мужчиной было дано не каждому, и подрастающих юношей ждал тяжелейший жизненный экзамен – инициация.

«Свожу-ка я каждого своего сына в лес, узнаю, к чему они способны», – говорит отец в русской сказке. Инициации обычно проводились в лесу, в особой хижине, внутри увенчанного черепами частокола. Из этой хижины суждено было вернуться не всякому, вход в неё изображал пасть чудовища, и вырваться из этой пасти могли лишь настоящие мужчины. Во время испытаний им запрещалось кричать, но всё же многие путешественники по Океании с ужасом описывали вопли, раздававшиеся из этой хижины. «Видимым символом такого посвящения является рассечение кожи спины от шеи вниз», – рассказывал один из очевидцев. Иногда под кожу пропускали ремни, на которых мальчиков подвешивали. В раны втирали перец, передние зубы выбивали, чтобы «придать лицу сходство с дождевыми тучами». Ногтями протыкали отверстие в носовой перегородке, потом заставляли танцевать на углях и обмазывали тело известью, чтобы оно имело вид трупа, проглоченного чудовищем.

«Тятенька, теперь прощай, я не ваш! – говорит мальчик, уводимый на инициацию. – Я теперь к чуду лесному отправляюсь на пожирание!». Женщины ложились лицом вниз и выпускали крики отчаяния: некоторым юношам, действительно, не суждено было вернуться. У австралийцев ещё сохранились свидетельства тех времен, когда слабых убивали; другие погибали от ран. Трупы погибших рассекали, мальчиков заставляли проползти под ними, ослепляли с помощью перца и заставляли молчать. Перенесшие все это назывались у ариев «дваждырождёнными», что почти соответствовало действительности.

После окончания испытаний приходил черед тайной науки. Юношей учили обычаям рода, передаваемым по наследству охотничьим навыкам, «языку зверей». Они становились мужчинами-охотниками, но не могли жить вместе с родом, пока не женятся, не приведут в род женщину. Юноши-холостяки жили в «мужских домах» в глубине леса, сами охотились и сами готовили пищу. Это было продолжением жизненной школы – этап, на котором они должны были приобрести самостоятельность; лишь в случаях крайней необходимости им разрешалось красть продукты в роду. Фольклор сохранил множество воспоминаний об этих разбойниках, «семи богатырях», живущих в лесу. Сохранились и описания современных «мужских домов» в Океании: «Дом этот стоит на столбах; некоторые столбы вырезаны в виде мужских и женских фигур. Бревно, по которому забирались к входной двери, также представляло обнажённую мужскую фигуру. Входные двери были занавешены, чтобы ни одна женщина не могла заглянуть в глубь дома... и не подвергалась, таким образом, смерти».

Женщинам запрещалось подходить к мужскому дому, но в то же время там часто можно было видеть девушку, «Василису Прекрасную», живущую с «семьёй богатырями». Эта девушка принадлежала обычно к тому же роду, и ее отношения с «братьями» носили особый характер: она считалась для них не женой, а сестрой, и появлявшихся у нее детей сразу убивали. Холостяки должны были найти себе жен из других родов – таков был древний закон экзогамии, унаследованный людьми от их предков. В поисках невест юноши устраивали любовные экспедиции, которые в Океании назывались «улатиле»: они прокрадывались к стоянкам другого рода и долго выжидали момента для знакомства. Девушки отвечали им взаимностью и иногда сами, тайком от матерей, группами приходили к стоянкам холостяков. Эти экспедиции были не вполне безопасны, особенно для юношей, ведь отношения между родами зачастую были враждебными. Любовные игры в кустах иногда прерывались нападениями отцов и братьев девушек. Иногда холостяки «умыкали» невест. Однако обычно дело решалось мирно, путем обмена: кто-нибудь из братьев похищенной невесты отвечал тем же и брал себе в жены сестру похитителя. И вот, приведя в стойбище свою невесту, «дваждырождённый» юноша, наконец, становился настоящим мужчиной, братом всех мужчин стойбища. Время обучения и испытания заканчивалось, и впереди открывалась новая жизнь, жизнь воина и охотника, хозяина лесов и степей.

ЖИЗНЬ РОДА

*Будучи объединены общим скотом,
общими мыслями, они вместе боролись.*
Ригведа.

Мужчины были хозяевами в этой жизни, потому что они кормили род – от их охотничьей удачи зависела жизнь каждого. Женщины лишь изредка принимали участие в больших охотах, основными их занятиями были собирательство и выкармливание детей. Мужчины погибали на охоте и в войнах – поэтому женщины должны были рожать каждый год, и самые плодовые женщины пользовались наибольшим уважением у мужчин. Детей было очень много, но воспитывали далеко не всех: численность рода ограничивалась размерами его угодий. Дети подвергались жестокому естественному и искусственному отбору, и чем больше рождалось детей, тем более выносливыми и сильными были те, кто доживал до совершеннолетия.

Отбор начинался с момента рождения: еще недавно индейцы купали своих новорожденных зимой в холодной воде. Иногда в первые дни их не кормили и не одевали, зачастую дети ходили голыми до 10-12 лет. Отбор юношей завершался жестокими инициациями, и австралийцы откровенно объясняли эти обряды желанием уменьшить население. Отбор девушек производился менее строго: девушки предназначались для обмена и рано или поздно уходили от своих родителей. Поскольку их рождалось гораздо больше, чем требовалось для обмена, то большинство новорожденных девочек сразу же убивали. Заболевших девочек алеуты убивали вплоть до шестилетнего возраста.

Со временем девочка становилась девушкой, а потом – женой. Австралийские охотники всецело распоряжались своими женами, могли одалживать их другим мужчинам, обменивать на других женщин или на вещи. Муж мог оставить жену, не давая по этому поводу никаких объяснений. Но вместе с тем мужчина должен был заботиться о своей жене и защищать её, если же он отказывался это делать, то за женщину вступались родовичи. Вдовы и старухи находились на иждивении рода, который уважал их жизненный опыт. Мужчины обычно не доживали до старости, и хранителями преданий и мистических тайн, колдунами и шаманами часто были женщины. Женщины находились в какой-то непостижимой для мужчин связи с природой, своим колдовством старухи вызывали живительный дождь и побуждали животных плодиться. Таинственная колдунья, повелительница звериного племени, превратилась в русских сказках в Бабу-Ягу. “Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом – и вдруг, откуда только взялись – побежали всякие звери, полетели всякие птицы...” Старуха могла дать добрый совет, излечить от болезни, но могла и околдовать, наслать порчу, стоило ей только завладеть волоском или ноготком жертвы. В Австралии колдун привязывал этот волос к копьёметалке вместе с пером сокола и жиром человека, а потом пел, повторяя имя жертвы, пока волосок не падал на землю. Это страшное колдовство обычно губило человека, как только он узнавал о нем.

Шаманки могли многое: “вынюхать преступника”, узнать волю предка, превратиться в ворону и отогнать птиц – злых духов. Но ритуалы охотничьего культа обычно выполняли шаманы-мужчины. Они рисовали на земле контуры зверей и, распевая заклятия, метали в них копыя. Иногда охотники разыгрывали целые спектакли в шкурах животных с танцами и песнями. На стенах пещер они рисовали пораженных копиями лошадей и бизонов, эти рисунки образовали целые галереи, наподобие знаменитой галереи в пещере Монтеспан. Изображения бизонов, лошадей, мамонтов, сцены загонной охоты, пронзённый копьём бизон и распростёртый рядом охотник, утыканный копиями макет медведя – все это говорит о том, что пещеры были охотничьими храмами рода. Люди молились неведомому богу удачи, молились исступленно, выпрашивая для себя добычу и жизнь.

Наутро они выходили на охоту, одинаково рослые и сильные, похожие на американских индейцев, хозяев прерии. Рядом с охотниками бежали полудикие собаки – их

друзья и помощники, тоже знавшие толк в загонной охоте. Пятнадцать тысяч лет назад человек заключил союз с собакой-волком, и они стали охотиться вместе, помогая друг другу. Люди и волки обладали одинаковыми качествами хищников: быстротой и выносливостью, зоркими глазами, тонким слухом и чутким обонянием. Они одинаково привыкли таиться в засадах, выслеживать, убивать и, вероятно, чувствовали себя сродни друг другу. Вьетнамские тахтай считали волков своими младшими братьями, а обитавшие в Великой Степи арии называли себя Народом Волка. И недаром образ Древнего Человека, сохранившийся в глубинах нашей памяти – это фигура одетого в шкуры охотника, стоящего рядом с собакой-волком. Этот образ господствовал над миром, пока снова не пришла эпоха чудес. В девятом тысячелетии до нашей эры наступило время перемен – таких, каких ещё не случилось пережить человеку и его предкам...

Глава II. Мир земледельцев

ПРИШЕСТВИЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

*Во времена Шень-нуна небо пролилось
на землю просом. Шень-нун вспахал
землю и посеял семена.*

История Чжоу.

Чудо произошло где-то в степях и предгорьях Передней Азии, в Палестине или в Северной Месопотамии. Эти места не отличались богатым животным миром, и здесь не было хорошей добычи для копий – но зато в здешних степях росла дикая пшеница. Местные жители кормились собирательством: женщины срывали колоски пшеницы и растирали их на каменных зернотерках. Постепенно они заметили, что оброненные около жилищ зерна весной дают всходы, и стали бросать их специально, на взрыхленную мотыгой почву. На холмах Палестины заколосились первые пшеничные поля и – о, счастье! – оказалось, что небольшое поле может прокормить весь род. Ведь для охоты требуются обширные пространства: двадцать квадратных километров для пропитания одного охотника. Если же засеять эту землю зерном, то можно прокормить сотни, тысячи людей. Это было великое Фундаментальное Открытие, экологическая ниша расширилась в сотни, в тысячи раз! На первых земледельцев снизошло неслыханное изобилие, начался Золотой Век человеческой истории.

Как странно выглядел этот мир в глазах пропахшего потом и кровью охотника. Ушла в прошлое эпоха отчаянной борьбы за существование, эпоха голода и яростных схваток – каменный топор против копья с обожжённым концом. «Причина в том, какой год, – писал древний китайский философ. – Если год урожайный, то люди становятся гуманными и добрыми...» В те времена все годы были урожайными: земли было достаточно и девственные равнины плодоносили как бы сами собой:

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела... Добра недостаток

Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли.

Так передавал легенду о Золотом Веке древнегреческий поэт Гесиод. «Тогда осуществились принципы всеобщей справедливости, – говорит китайский трактат „Лицзы“, – в Поднебесной всё было общим, выдвигали мудрых и способных, поступали честно, поддерживали согласие и мир. Вот почему старики имели приют, взрослые находили применение, малолетних заботливо воспитывали, за всем был присмотр – за старыми вдовцами и вдовами, сиротами, бездетными стариками, немощными. Каждый мужчина имел свое занятие, девушки могли своевременно выйти замуж. Продукты нельзя было бросать на месте, но и не было необходимости прятать их у себя. Считалось зазорным не участвовать в труде, но трудились не для себя лично. Поэтому злые намерения не осуществлялись. Не было обмана, не было воровства и разбоя, поэтому не запирались наружные двери домов. Все это называлось Великим Единением».

Изобилие изменило характер людей: они стали добрыми, и такой же доброй казалась им окружающая природа:

Не было на земле несправедливости,
Не разбойничал крокодил,
Не кусалась змея,
Во времена предвечных богов...

Так говорит древнегреческая сказка. «Тогда можно было безбоязненно дергать за хвост тигров, наступать ногой на змей, – добавляет китайская легенда. – Приветливой была весна, солнечным лето...»

Таков был мир в Золотом Веке, в IX-V тысячелетиях до нашей эры. Он был мал, прост и безыскусен. Люди тогда довольствовались достатком в пище и не представляли, что такое роскошь: она появилась гораздо позже. Знаменитый мудрец Хань Фэй писал, что в древности жили в хижинах из неотесанных брёвен, питались низкосортным зерном, ели и пили из грубой глиняной посуды, одежду не меняли, пока она полностью не износится. Всего этого было вполне достаточно, чтобы люди чувствовали себя счастливыми: ведь они были сыты, весна была приветливой и солнечным было лето.

В Золотом Веке не было ни богатых, ни бедных – все были равны друг другу, и не было места зависти. Когда-то в древние времена загонной охоты, люди усвоили традиции коллективизма, равенства и братства – эти традиции продолжались и в Золотом Веке. Коллективную охоту сменила коллективная работа в поле, которое так и называлось: Общее Поле, по-китайски, «гунь-тянь». Как и раньше, пища потреблялась сообща или делилась на примерно равные доли. «У них заведено возделывать поля всей родней, – писал римский географ об индийцах, – а после уборки урожая каждый получает достаточное количество продуктов питания на год.» Со временем деревни разрастались, и начинала ощущаться нехватка земли – тогда производились «выселки»: собирали молодежь и переселяли ее на свободные земли охотничьих племен. Каждое новое поколение снималось с родительских очагов и шло дальше, к новым землям. Шло со стадами скота, вьючными животными и воинами во главе колонны. Это было Великое Расселение Земледельцев, Великий Исход Нового Человечества. Охотников-"индейцев" уничтожали, или прогоняли, или принимали к себе – все равно; они почти не существовали для нового человечества. Они могли жить в своих горах и джунглях до тех пор, пока горы и джунгли не понадобятся Новому Человеку. Они могли перенять земледельческие навыки, стать Новыми Людями и принять участие в Великом Исходе, в рождении новых народов и цивилизаций.

К шестому тысячелетию до нашей эры земледельцы достигли долин Дуная, Инда и Ганга, им открылись обширные пространства Индии и Европы. На морских побережьях с земледелием познакомились племена рыболовов; вместе с рыбацкими лодками драгоценные

зерна стали путешествовать вдоль морских берегов, приобщая к великому открытию всё новые и новые народы. Древнейшими мореплавателями Запада были финикийцы, оставившие свои следы на всех побережьях Европы – вплоть до далекой Британии; они поклонялись солнцу и учили местное население строить святилища из огромных камней – мегалитов. Хозяевами восточных морей были предки современных индонезийцев, аустронезийцы – загадочный, неизвестно откуда пришедший народ, тоже возводивший мегалиты и расселившийся по азиатскому побережью вплоть до Китая и Японии. Китайская легенда говорит, что первыми на берег сошли Фу-си и Нюй-ва, дети бога земледелия Шень-нуна; это были люди моря с человеческими головами и телами морских змей-драконов. Аустронезийцы поклонялись змее-дракону и украшали головами дракона свои большие каноэ. У всех земледельческих народов Востока змея-дракон считалась символом дождя и урожая: змеи выползали на поле перед дождем, и, чтобы вызвать дождь, люди приносили им жертвы. В жертву крокодилу-дракону часто предназначалась самая красивая девушка племени, жрецы привязывали ее на берегу реки и ждали, когда крокодил придет за своей «невестой». Змеи были слугами богини плодородия, Великой Матери, прародительницы рода. Возделывание земли было делом женщин, которые кормили семью и которым принадлежало решающее слово во всех делах. Эпоха господства мужчин ушла в прошлое вместе с войнами и голодом; женщины возглавляли род и счет родства велся по женской линии – от Великой Матери-прародительницы. В Золотом Веке мужчины уже не умыкали невест – наоборот, невеста выбирала жениха и приводила его к своему очагу. Это была удивительная эпоха мира, любви и доброты, она осталась в памяти людей, как легенда об утраченном рае, о далекой счастливой жизни.

Когда-то давным-давно,
Не было ни змей, ни скорпионов,
Не было ни страха, ни ужаса,
Человек не имел врагов...

СОЛНЦЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

*Некогда, во времена наших предков,
люди любили друг друга чистой и
верной любовью и в мире царила доброта...*
Роман о розе .

В есна была приветливой и солнечным было лето... Щедрое солнце Золотого Века сияло над колосющимися полями и деревнями, разбросанными по равнинам и нагорьям. Осенью колосья наливались зерном, и весь род выходил на жатву: жнецы становились в один ряд и, распевая хвалу Великой Матери, срезали колосья деревянными серпами с кремниевыми вкладышами. Потом переносили зерно в общий амбар у родового храма, мололи каменными пестами зерно, пекли из муки лепешки, варили пиво и готовились к Празднику Урожая.

Согласно древним обычаям,
Мы бьем во все барабаны.
Кудесницы пляшут пляски,
Сменяя одна другую,
Поют прелестные девушки -
Как они беззаботны!
Весной цветут орхидеи,
Осенью – хризантемы,
Так и обряды наши

Тянутся непрерывно...

Так описывал жизнь тех времен китайский поэт Цюй Юань. На праздниках угощали друг друга жареным мясом – земледельцы привыкли к растительной пище, и мясо считалось деликатесом. Для торжеств закалывали часть родового стада: излишек зерна позволил прикармливать овец, коз и коров; постепенно они стали ручными и паслись на пастбище у деревни. В степях Аравии посевы гибли от засух, и местные племена занимались исключительно скотоводством; в VII тысячелетии они прошли со своими стадами в саванны Сахары. Огромные стада вскоре истребили растительность и через несколько тысячелетий Сахара превратилась в пустыню. На севере скотоводы освоили Великую Степь, простиравшуюся от Дуная до Амура; в IV тысячелетии здесь были приручены дикие лошади, тарпаны, ставшие верными слугами человека.

В то время, как пастушеские племена расселялись по степям на запад и на восток, земледельцы Передней Азии учились возделывать новые культуры и осваивали новые ремесла. Они научились ткать лен и стали носить льняную одежду – короткие юбки и набедренные повязки. Корзины из прутьев стали обмазывать глиной и обжигать на костре – так появилась первая керамика. Затем были созданы печи для обжига и гончарный круг; гончары стали ремесленниками, жившими при храме и получавшими содержание от общины. В огромных вкопанных в землю керамических сосудах хранили общинные запасы зерна – это делалось для того, чтобы уберечь его от полчищ мышей. На открытых токах зерно охраняли кошки, ставшие любимцами земледельцев – так же, как собаки были верными друзьями охотников. Во всех своих переселениях земледельцы везли с собой кошку и заботливо предоставляли этому южному зверьку самое теплое место в доме. В то время, как охотники обитали в передвижных юртах или временных шалашах, земледельцы жили в домах – это было еще одно изобретение того времени. Первые дома в Палестине строили из необожженных глиняных кирпичей; это были маленькие строения в одну комнату; ни окон, ни дверей ещё не было; вход занавешивался шкурой животного, а очаг располагался во дворе. Плоские крыши крыли тростником и обмазывали глиной – такие хижинки можно и сейчас найти в деревнях Востока; вплоть до нашего времени они остаются прибежищем бедноты. В центре селения располагался маленький родовой храм с глиняной фигурой Великой Матери и алтарем для жертвоприношений; возле храма находилась площадка для народных собраний.

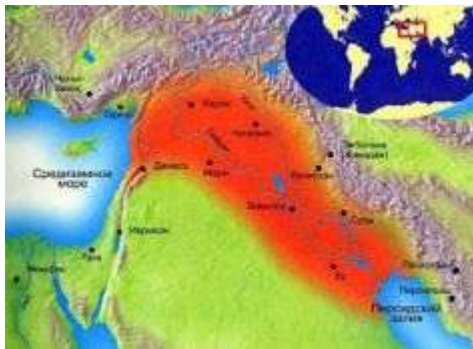
Общиной руководили выборные вожди-жрецы, которые мало чем отличались от простых крестьян. «Когда Юй правил Поднебесной, он сам шагал впереди с сохой и заступом, бедра у него были тощими, на голених не было ни волоска», – говорит предание о древнем вожде китайских племен. Со временем легенды превращали этих вождей в богов, им ставили храмы и приносили жертвы. В те времена было легко стать богом, мир населяло множество богов и духов, и люди боготворили деревья, камни, животных. Богом стал и первый кузнец Гефест. Медь и бронзу научились плавить еще в VII тысячелетии, но эти металлы были редкостью, а немногочисленных кузнецов считали колдунами и демонами. Произнося чудесные заклятья, колдуны плавил металл и ковали из него топоры, мечи и украшения для вождей. В IV тысячелетии в Месопотамии появилось еще одно новшество – влекомая быками четырехколесная повозка. Потом был изобретен плуг – и мир земледельцев, наконец, принял предначертанный ему облик: под щедрым солнцем пахарь идет за парой волов, напевая старую песню о зерне и поле; высоко в небе ему вторит жаворонок; пахарь отрывается от плуга и, утирая пот, смотрит в небо:

Просыпайтесь, люди вместе с птицами,
Выводите быков, беритесь за плуги,
Зовите своих друзей, не теряйте времени.
Пойдемте все вместе возделывать нашу землю...

РОЖДЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*Не желай дома ближнего своего,
не желай жены ближнего своего,
ни поля его, ни вола его...*

Исход, 20, 17.

Когда-то давно, шесть тысяч лет назад, равнина Двуречья была страной непроходимых, заросших тростником болот. В период разлива две большие реки, Тигр и Евфрат, полностью заливали эту равнину, и над водой выступали лишь кроны высоких пальм. Двуречье было необитаемо – здесь не могли жить люди, и лишь по краям долины, в предгорьях, ютились маленькие деревеньки первых земледельцев. На берегах ручьев крестьяне выращивали рожь и пшеницу, а на склонах гор пасли овец и коз. Четыре или пять тысячелетий над предгорьями сияло солнце Золотого Века, и пахарь мирно трудился на своей ниве под пение жаворонка. Но, в конце концов, пришло время невзгод: земледельческие деревни разрослись, и поля уже не могли прокормить крестьян; начались распри из-за земли, и проигравшие были вынуждены уходить куда глаза глядят, на болотистую равнину. Вероятно, именно такая судьба побежденных досталась народу шумеров – «черноголовых», как они себя называли впоследствии. В V тысячелетии до нашей эры среди болот появились первые шумерские деревни: десяток крытых тростником хижин и крохотное святилище на насыпном холмике. Чтобы отвоевать у болот пашню, шумерам приходилось рыть осушительные каналы и насыпать дамбы – создавать первые ирригационные системы. Это был тяжелый и долгий труд, однако результаты превзошли все ожидания – орошаемые поля давали удивительные, сказочные урожаи: брошенное в землю зерно приносило 60 зерен. К шумерам вернулся Золотой Век, и они принялись освобождать от водяного плена свою новую родину.

Деревни шумеров жили той же жизнью, что и крестьянские общины других стран Южной Азии. Пока земли было достаточно, общинники вместе осушали поля, вместе пахали и вместе собирали урожай. Эти унаследованные от охотников древние обычаи коллективизма не вызывали сомнений во времена благополучия и достатка, когда хватало всем и все были сыты. Но постепенно община разрослась, и в неурожайные годы стала ощущаться нехватка хлеба. Крестьяне стали задумываться над своей жизнью, и лучшие работники стали говорить, что при совместной работе многие ленятся. «Если трудиться сообща, то работа будет двигаться медленно, – говорит китайский трактат, – найдутся такие, кто будет работать не в полную силу. Если же разделить землю, то работа пойдет быстрее и ленившихся не будет». Действительно, ведь пахать землю – это не охотиться загоном, здесь можно работать и одному – и всё, что ты вырастишь, будет твоим, «каждому – по труду его». Поля были поделены между семьями на одинаковые участки, но, чтобы сохранить справедливость, эти участки время от времени переделались. «Тучными землями не разрешалось радоваться кому-то одному, от плохих земель не разрешалось страдать кому-то одному, поэтому раз в три года обменивали поля и жилища». Родовому храму было выделено большое поле, и общинники обрабатывали его сообща; зерно с этого поля

хранилось про запас и выдавалось нуждающимся; им кормились жившие при храме ремесленники и жрецы; из него варили пиво для родовых празднеств. Со временем земля храма тоже стала делиться на наделы: с одного надела урожай шел жрецу, с другого – ремесленнику, с третьего – про запас.

Между тем, время шло, население возрастало и после каждого передела участки мельчали. Малодетные семьи стали возражать против переделов; они требовали закрепить наделы за хозяевами с тем, чтобы глава семьи сам делил свой участок между сыновьями. Постепенно переделы прекратились: земля превратилась в **ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ**.

Появление Частной Собственности открыло дорогу к великим переменам в жизни людей. Родовая община распалась на семьи, и семьи отгородились друг от друга глухими заборами. На смену прежней общности жен и свободной любви пришла суровая семейная мораль. После изобретения плуга семью кормил пахарь-мужчина, поэтому он стал хозяином и господином; женщина постепенно превратилась в служанку и собственность. В одних семьях детей было мало, в других – много, и после разделов отцовской земли участки получались неодинаковыми. В общине появились бедные и богатые. Бедняки не могли кормиться со своих крохотных наделов, они брали зерно в долг у богатых соседей – так появилось ростовщичество. Несостоятельные должники, в конце концов, продавали свою землю заимодавцам и искали пропитания как могли. Многие из них шли работать в храм; храмовые земли теперь возделывались рабочими отрядами из обедневших общинников и чужаков-пришельцев. Некоторые арендовали землю у зажиточных соседей, другие пытались прокормиться ремеслом, становились гончарами или ткачами. В селах появились ремесленные кварталы и рынки, где ремесленники обменивали свои товары на хлеб. Разросшиеся поселки превращались в многолюдные города – и вместе с этим превращением менялся облик эпохи. На смену тихим деревням Золотого Века приходил новый мир – мир городов, в котором соседствовали богатство и бедность, добро и зло, ненависть и любовь. Философы XX века назовут этот мир **БУРЖУАЗНЫМ ОБЩЕСТВОМ**.

БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВО

*Отныне деньги делают человека,
а у бедняка нет и чести.*

Алкман.

Теперь эта страна выглядит бесплодной и необитаемой пустыней. Плоская глиняная равнина уходит в дрожащее марево горизонта и смыкается там с голубым безоблачным небом. Кое-где возвышаются глиняные холмы с покатыми склонами; их много на этой равнине, и пастухи-арабы называют их «холмами потопа». Эти холмы – это заплывшие глиной развалины древних, существовавших до «потопа» городов.

Когда-то на улицах этих городов шумела толпа, сновал рабочий люд, кричали торговцы. К речной пристани причаливали большие парусные ладьи, связанные из длинных, загибающихся к носу и к корме стволов просмоленного тростника. Эти корабли привозили товары из дальних стран, с берегов Персидского залива и из Индии. У пристани располагался рынок, где торговали рыбой, тканями, зерном, рабами. По рынку разгуливали обнаженные проститутки: для многих женщин это был единственный способ заработать кусок хлеба. Дальше от рынка улицы становились более тихими; они тянулись между глухими стенами домов, лишь кое-где прорезанных калитками. Калитка обычно вела в прихожую, а из нее – во внутренний дворик, где у богачей располагался бассейн. На двор выходили жилые комнаты с деревянной галереей по второму этажу; мебель была только в богатых домах, простые горожане сидели и спали на циновках. Обычной одеждой горожан были льняные юбки, короткие у мужчин и более длинные у женщин; впрочем, бедняки зачастую вообще не имели одежды и ходили нагими. Головы обычно брили; жрецы и знать носили роскошные парики,

служившие одновременно головным убором и украшением.

В центре города возвышался храмовый комплекс с зиккуратом – огромной ступенчатой пирамидой с ведущими на вершину лестницами. В святилище на вершине зиккурата обитала богиня города, и каждый год в праздник Нового года верховный жрец, энси, поднимался в святилище, чтобы вступить с ней в священный брак.

Великой Матерью крупнейшего города Двуречья, Урука, была Иштар, богиня любви и плодородия. По легенде, Иштар любила юного бога весны Таммуза, умиравшего осенью и воскресавшего весной – после того, как Иштар спускалась в ад и спасала своего возлюбленного. Шумеры верили в ад и рай и так же, как все люди, искали вечной жизни. Легенды рассказывают, как энси Урука, Гильгамеш, сошел в подземное царство, чтобы узнать от умершего друга о том, что же происходит после смерти. Друг не сумел его обнадежить, и лишь нимфа Сидури подсказала, как нужно жить: «Гильгамеш, куда ты стремишься? Жизни, которую ты ищешь, ты не найдешь. Ты же, Гильгамеш, лучше наполняй свой желудок, веселись день и ночь, ежедневно устраивай празднества, пляши и ликуй. Пусть твои платья будут чисты, голова вымыта водой. Смотри на младенца, которого ты держишь в руках и пусть жена твоя радуется в твоих объятиях».

По этому рецепту жили многие – те, кто мог позволить себе одеваться и пировать. Буржуазные кварталы Урука дышали благополучием; здесь были сады, пиршественные залы и школы, где учились дети. Буржуазное общество создало искусство, науки и письменность. Писцы тростниковой палочкой наносили рисунки на глиняные таблички: колос означал «ячмень», нога – «ходить», тростник, по-шумерски «ги», означал «возвращать» (тоже – «ги»). Вскоре рисунки превратились в иероглифы и возникла настоящая письменность. Это было великое открытие, позднее позаимствованное другими народами. Затем появились частные школы («э-дуба»), где детей из богатых семей учили грамоте и арифметике – науке, незаменимой при исчислении долгов или измерении полей. Буржуазия шумерских городов владела обширными землями, занималась ростовщичеством и торговлей. Самые богатые и знатные составляли совет старейшин, который вместе с народом выбирал верховного жреца, энси. Знать владела доходными храмовыми должностями и фактически управляла общиной: народное собрание лишь отвечало криками «хэам» («да будет») или «наам» («да не будет») на поставленные ему вопросы. Деньги правили всем; за деньги можно было откупиться от убийства и купить раба: в годы голода бедняки продавали в богатые дома своих детей.

В народное собрание допускались лишь те, кто владел собственностью – в основном это были крестьяне, имевшие землю в окрестностях города. Однако разделы участков между сыновьями приводили к измельчению наделов и разорению крестьян – так было во всех странах Азии. Золотой Век подошёл к концу, и отовсюду приходили свидетельства перемен. «В древности... усилий не прилагали, а для жизни хватало, – писал великий китайский философ Хань Фэй-цзы, – народ был малочисленный, а запасов было в избытке... Ныне же иметь пять детей не считается слишком много, поэтому-то народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах, трудится изо всех сил, а пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба...» Численность населения настолько возросла, что община уперлась в стенки своей экологической ниши, демографическое давление всё возрастало, и началось **СЖАТИЕ**. Сжатие означало возвращение голода и войн. Настало время Всеобщей Борьбы за кусок хлеба; ремесленники изо всех сил боролись с конкурентами, крестьяне отчаянно боролись на своих крохотных наделах за урожай. В конце концов, многие из них становились жертвами ростовщиков; разорившиеся бедняки шли в город, нанимались поденными рабочими, просили милостыню на площадях. Тем, кому не подавали милостыню, оставались умирать или грабить; они собирались в шайки и творили разбой на дорогах. Сжатие нарастало, и вместе с ним менялся облик городов: все выше становились заборы, все глуше стены, жилища превращались в крепости, а города окружались рвами и валами. Люди стали носить оружие и перестали – как раньше – подавать руку первому встречному. Озлобление и ненависть наполнили мир людей – наступило время грехопадения.

ВРЕМЯ ГРЕХОПАДЕНИЯ

*Причина в том, какой год. Если
год урожайный, то люди
становятся гуманными и добрыми.
Если же год неурожайный, то люди
становятся негуманными и злыми.*

Мо-цзы.

"Некогда, во времена наших предков, как свидетельствуют писания древних, люди любили друг друга чистой и верной любовью, а не сластолюбивой и корыстной, и потому в мире царила доброта... Земля не была тогда возделанной, а оставалась украшенной дарами Бога и плодоносила сама по себе, обеспечивая всех пропитанием... Все были равны и ничего не имели в собственности... Люди жили сообща, не зная ни принуждения, ни цепей, мирно и честно...

Но появилась Ложь с копьём наперевес, а с нею Грех и Несчастье, которые не знают меры; Гордыня, столь же презирающая меру, явилась со своей свитой – Алчностью, Завистью, Сластолюбием и прочими пороками. Они выпустили из преисподней Бедность, о которой до сих пор никто не знал... Вскоре эти злодеи завоевали всю землю, посеяв раздоры, распри, войны... И как только род людской оказался во власти этой банды, он переменялся; люди стали творить зло, распространяя ложь и обман, они привязались к собственности и разделили даже землю, а затем стали сражаться за неё и захватывать, кто сколько может; самым сильным достались и самые большие доли..."

Так передает легенду о грехопадении средневековый «Роман о розе». Сжатие нарастало, и на смену Золотому Веку шел Век Железный:

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им...
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то,
Правду заменит кулак...

Так писал о новой эпохе греческий поэт Гесиод. Время и борьба формировали нравы Железного Века. Во всех частях света мудрецы и философы наблюдали и записывали горестные последствия грехопадения.

«Природа людей такова: при измерении каждый норовит захватить себе часть потяжелее, при обмеривании каждый норовит захватить себе часть побольше», – так говорил знаменитый китайский философ Шан Ян. «Они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, – вторил ему на другом конце света апостол Павел. – Они исполнены зависти, убийства, обмана, злонравия...»

Сжатие и голод преобразили уютный мир буржуазного общества, на смену тихому накопительству пришла яростная борьба за существование, и брат ежедневно говорил брату: «Это – моё». Голод всегда делал людей жестокими: основанные на коммунистическом равенстве и братстве роды охотников с копьями наперевес загоняли друг друга к обрыву. В Каменном Веке люди объединялись для борьбы – в Железном Веке они сражались за жизнь в одиночку, и потерпевшие поражение умирали от голода рядом с дворцами победителей. Существовал обычай «оживления» умирающих: «Дочь мою уведи и оживи, – говорила мать ростовщику, – и да будет она твоей рабыней; мне же дай серебра, чтобы я могла поесть». В богатых домах было множество рабов и наложниц, и в то время как умирающие лежали на дорогах, из-за глухих стен раздавались звуки музыки: там пировали и веселились. Обнаженные девушки танцевали среди явств и бьющих вином фонтанов: «Ты же, Гильгамеш, наполняй свой желудок, веселись день и ночь, ежедневно устраивай празднества,

пляши и ликуй...»

ПРИШЕСТВИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

*Царь Ур-Намму установил
Справедливость в Стране,
воистину он изгнал зло, насилие и
раздор. Бедняк не был отдаваем
во власть богатого.*
Кодекс Ур-Намму.

В середине III тысячелетия наполнявшая города ненависть, наконец, прорвалась вовне. Начались войны между шумерскими общинами, войны не на жизнь, а на смерть. Как не похожи были эти первые войны земледельцев на прежние стычки охотничьих родов. Города опоясались несколькими рядами стен с зубчатыми башнями и глубокими рвами. Ежегодно после сбора урожая ополчения соседних городов встречались в кровавых битвах. На поле боя выходили тысячи воинов; они строились плотными рядами, выставляя из-за щитов копья с медными наконечниками. Медь, бывшая прежде редкостью и украшением, стала металлом войны и оружием победы. Богатые и знатные одевали медные шлемы и сжимали в руках медные топоры; вожди-жрецы шли в бой на неуклюжих колесницах, запряженных ослами.

Перед фалангой «медных воинов» рассыпным строем бежали нагие бедняки – у них были только пращи, которыми они метали во врагов обожжённые на огне глиняные шарики. Град камней барабанил по щитам и шлемам; потом начиналась жестокая сеча, под боевыми топорами рассыпались щиты и трескали кости. Пленных не брали; побеждённые бежали под защиту стен своего города, и начиналась осада, которая редко приводила к успеху: у шумеров еще не было осадной техники. Простояв несколько месяцев под стенами города, победители уходили, чтобы после сбора урожая начать всё сначала. Когда город, наконец, удавалось взять штурмом, начиналась кровавая расправа: мужчины, дети, старики, старухи падали под боевыми топорами; улицы и площади были завалены трупами. Женщин насиловали и вязали ремнями; их ждала участь рабынь и наложниц: им предстояло ублажать своих новых хозяев, танцевать и петь для них песни.

Такова была жизнь в Шумере в середине III тысячелетия до нашей эры. Сжатие выплеснулось в мир всеобщей войной, насилием и смертью. Всеобщая война, наконец, открыла глаза людям, и они осознали, что нельзя сражаться за жизнь в одиночку, нужно оставить распри и сплотиться плечом к плечу, нужно быть милосердными к ближнему своему, надо поддержать ближнего, чтобы он поддержал тебя. Среди людей появились пророки, призывавшие к милосердию и любви; они показывали на небо и утверждали, что их устами говорит бог. Вероятно, первым таким пророком, предшественником Христа и Мухаммеда, был Энметена из города Лагаша. Около 2350 года до нашей эры Энметена провозгласил с вершины зиккурата своего храма о начале Великой Справедливости.

Позднее, когда отшумели битвы и революции, Справедливость стала великим обычаем Востока, вошедшим в его плоть и кровь. В день Справедливости над царским дворцом поднимали золотой факел, и, завидев его, жители городов и деревень поднимали факелы у себя, передавая долгожданную весть дальше. Справедливость означала освобождение рабов и отмену долгов, бедняки могли получить назад свои проданные за долги поля – и жизнь начиналась снова под сенью великой Справедливости. Иногда о Справедливости забывали – тогда появлялись новые пророки, снова указывающие на небо: Христос, Маздак, Мухаммед. Они говорили людям одно и то же: «Все люди братья», «возлюби ближнего своего, как

самого себя», «кто не работает – тот не ест». Пророки утвердили веру в Бога, поддерживающего справедливость, и люди стали отождествлять справедливость с богами – богами небесными и земными.

Пришествие Справедливости было вместе с тем пришествием Земного Бога – монарха или царя. Бог охранял справедливость на небе, царь – на земле. Наследники великого пророка и революционера Энметены стали царями, следившими, «чтобы сироте и вдове сильный человек ничего не причинил». Царя звали «великим человеком», «лугалем», и первоначально лугалями становились жрецы, энси, которым на время войны вручалась военная диктатура вместе с титулом «великого человека». Когда война стала постоянной и всеобщей, лугаль превратился в царя; монархия вышла к народу, обутая в солдатские сапоги. Война определяла всю жизнь общества – и монархам пришлось брать на себя управление хозяйством храма, а затем регулировать жизнь частных хозяйств. Цари завели чиновников-писцов, проводивших переписи людей, земли и хлебных запасов; чиновники следили за работой на полях и собирали налоги.

В прежние времена суд вершила знать по своей прихоти – цари дали народу законы, вырезанные на камне. «Тогда-то, меня, Хаммурапи, назвали по имени, – гласит вступление к законам царя Хаммурапи, – дабы справедливость в стране была установлена, дабы погубить незаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого, дабы плоть людей была удовлетворена...» Отныне царь стал «живым законом», хранителем справедливости.

Около 2315 года царь города Аккада Саргон после кровопролитной войны объединил Двуречье и провозгласил себя «Лугалем Страны». По легенде, Саргон был сыном водоноса, и изображения рисуют его как простого воина во главе крестьян-ополченцев. Саргон прославился своими победами, его звали «царем битв», он завоевал земли «от Верхнего до Нижнего моря» и достиг «Страны захода солнца». Саргону и его сыну Римушу приходилось бороться с мятежами нежелавшей расставаться с властью городской знати, «сильных людей». В этой борьбе цари впервые прибегли к репрессиям: «5600 сильных мужей были выведены на истребление или заключены в лагеря». Истребив «сильных», внук Саргона Нарам-Суэн (2236-2000) провозгласил себя богом; он надел двурогую корону богов, и писцы ставили перед его именем знак бога. Бог-царь стал мужем богини Иштар и в каждый праздник Нового года на глазах ликующей толпы поднимался на вершину зиккурата, чтобы вступить с богиней в священный брак.

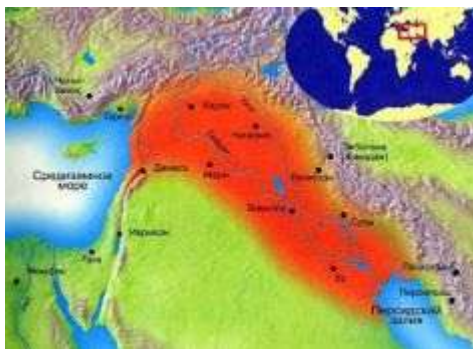
Саргон Великий и его наследники создали Империю – мощное государство, основанное на царской власти, государственном регулировании и справедливости. Символом этого государства был бритоголовый чиновник-писец в льняной юбке, с висящей на груди печатью. Сидя на циновке во дворе храма, писцы отмечали на глиняных табличках количество сданного рабочими отрядами зерна, площадь убранных полей, выдачу пайков. Крестьяне, имевшие свою землю, отчитывались перед писцами в уплате налогов и отработке повинностей. С тех пор, как царь объявил себя богом, жрецы тоже стали чиновниками; их задачей было восхвалять царя, служить богам и оказывать поддержку бедным. Абсолютная власть царя, государственное регулирование, социальное обеспечение и вместе с тем всеобщая бедность – все эти хорошо знакомые нам черты говорят, что основанная Саргоном Великим Империя была **СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИМПЕРИЕЙ**. Никакое другое государство не могло существовать в условиях постоянного голода и войн: голод и войны порождают военную диктатуру и карточную систему. Сжатие, голод и войны всегда порождали социалистические монархии, буржуазная демократия могла существовать лишь во времена сытости. Порядки времен голода непохожи на порядки благополучных времен – и это надо хорошо понимать людям XX века, живущим в совсем другом мире. В III тысячелетии на Ближний Восток пришел голод – и история Востока стала историей социалистических монархий. Царь-бог стоял на вершине зиккурата рядом со жрицей, исполнявшей роль богини любви, а внизу ликовала подбадриваемая жрецами толпа полуголодных бедняков. Бедняки верили, что царь даст им справедливость и хлеб – и царь желал добра своему народу, но бедняков было слишком много, а с гор напирали орды

варваров...

ИМПЕРИЯ И ВАРВАРЫ

*В руины обратятся города,
«Черноголовые» в своих домах погибнут,
Не обработает поля мотыгой пахарь,
И в степь стада не выведет пастух.*

Плач о гибели Ура .

К югу от долины Двуречья простиралась выжженная солнцем Аравийская степь, а к северу – горы Ирана. В степи и в горах было нельзя сеять хлеб, поэтому там всегда царил голод, и жившие там пастухи хранили суровые обычаи древних охотников. Они были столь же выносливы, агрессивны и столь же привычны к войне, как охотники Каменного Века. Гонимые голодом пастушеские племена часто вторгались в Двуречье; иногда захватывали какой-нибудь город, иногда селились на свободных землях. Племена Аравии были семитами, предками евреев и арабов; на Иранском нагорье жили кутии, жестокое и воинственное племя, «не знавшее божественных законов».

В то время как жители гор и степей из поколения в поколение проходили жестокий отбор на выносливость, привыкали есть сырое мясо и пить кровь поверженных врагов, земледельцы со времен Золотого Века утратили воинственность и почти разучились убивать. В борьбе за справедливость великие цари уничтожили всех «сильных мужей», и в стране остались лишь покорные крестьяне, получавшие пайки из рук писцов. В начале XXII века Империя не выдержала удара северных варваров; кутии овладели Двуречьем, разрушили многие города и сожгли села. Почти столетие страна оставалась во власти варваров; должно было пройти время, пока народятся новые поколения, которые поднимутся на борьбу. К концу XXII века деревни снова стали многолюдными, а города поднялись из руин; снова началось Сжатие и голод подняли народ на восстание против кутиев. Восстание возродило Империю, к власти снова пришли цари, охранявшие справедливость. Чтобы дать хлеб народу, царь Ур-Намму (2112-2094) призвал десятки тысяч крестьян на восстановление ирригационных каналов; были восстановлены храмы, и писцы снова сидели на токах, принимая зерно у рабочих отрядов. В это время мало кто имел свое поле: большинство тружеников пахали землю в составе отрядов. Символом новой Империи стал колоссальный зиккурат в городе Уре, построенный царем Шульги; так же, как цари прежних времен, Шульги стоял на вершине зиккурата в двурогой короне бога, а у подножия снова ликовала толпа. История повторялась в своем величии и трагизме: в 2022 году на Империю снова обрушилось варварское нашествие.

Новыми страшными врагами были пришедшие из аравийских степей семиты-амореи. Царь Шу-Суэн, мобилизовав «рабочие отряды», построил поперек равнины огромную «Стену, отдаляющую амореев» – но варварам удалось прорваться. Благословенная страна превратилась в пожарище. «Людьми, а не черепками покрыта окрестность; стены зияют, ворота и дороги завалены телами», – повествует «Плач о гибели Ура». Большая часть шумеров была истреблена варварами, и народ, создавший первую цивилизацию нашей

планеты, навсегда исчез со страниц истории. Немногие уцелевшие постепенно приняли язык завоевателей-семитов; они жили в развалинах городов и платили варварам тяжелую дань. Понемногу страна снова наполнилась людьми, через двести лет деревни снова стали многочисленными, а города – многолюдными. Варварские вожди к тому времени познакомились с преданиями Империи и стали подражать её царям. В 1764 году один из них, царь Вавилона Хаммурапи, объединил Двуречье и объявил о возрождении Империи. Снова были восстановлены каналы и храмы, и снова народ молился стоящим на вершине зиккурата царям. Однако время приносит перемены – «рабочие отряды», обрабатывающие земли храмов, исчезли; эти земли теперь сдавались в аренду. Коллективный труд в земледелии был признан непроизводительным – люди убедились, что, «если трудиться сообща, то найдутся такие, кто будет работать не в полную силу». С другой стороны, Хаммурапи уничтожил долговое рабство, царь совершенно запретил частную торговлю и продажу земли в частном секторе. Империя сохраняла социалистический характер, и над царским дворцом в Вавилоне по-прежнему горел факел Справедливости.

Шесть столетий, прошедших со времен Саргона Великого были наполнены борьбой Империи с окружавшими её варварскими племенами. Шумеры называли свою страну просто Страной – как будто в мире не было других цивилизованных государств, были только варвары и Страна. Впрочем, они хорошо знали о существовании городов на северо-западе: в Сирии, в Малой Азии и на побережье «Верхнего моря». Это были такие же храмовые города, как в Шумере, ими управляли вожди-жрецы, а местные писцы пользовались шумерскими иероглифами. Но была ещё Другая Страна, о которой шумеры не знали вплоть до времен Хаммурапи. Далеко на юго-западе, там, где заходит солнце, посреди пустыни текла большая река, и на берегах её возвышались белоснежные города, храмы и пирамиды.

Сейчас нам придется на время перенестись в эту Другую Страну.

СТРАНА ПИРАМИД

Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому что в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами.

Геродот.

Другая Страна была очень похожа на Страну Шумеров. Большая река неторопливо несла свои воды к морю; на берегах реки стояли храмы, и храмовые рабочие в льняных юбочках обрабатывали поля; во дворе храма сидели на корточках бритоголовые писцы и вели отчетность. Так же, как в Шумере, страной управлял царь-бог, собиравший десятки тысяч рабочих на строительство дамб и возводивший похожие на зиккураты пирамиды.

Эта страна называлась Кемет, Египет, а большая река – Хапи, Нил. Каждый год в начале июня река разливалась и, поднимаясь на десять метров, затопляла долину. Над водой оставались лишь стоящие на холмах деревни и храмы, соединённые узкими полосками дамб. В ноябре вода спадала, оставляя после себя чёрный слой плодородного ила, из-за которого страна и называлась Кемет – «Черная земля». В декабре на поле выходили рабочие отряды, рыхлили черную землю мотыгами и сеяли пшеницу. В марте серпами с кремниевыми зубьями срезали колосья и относили снопы на храмовый двор.

Когда-то давно Египет был разделен на храмовые города-государства, «номы». В разных городах поклонялись разным богам: солнцу-Ра, небу-Нут, быку Апису, крокодилу

Себеку. Богами плодородия были Исида и Осирис; по легенде, Осирис был убит злым богом пустыни Сетом и затем воскрешён своей женой и сестрой – Исидой. Когда первый фараон, Мина, объединил страну, он провозгласил себя богом Гором, сыном Осириса. Мину изображали с мотыгой в руках: этот царь мобилизовал многие тысячи крестьян и огородил дамбами нижнее течение Нила. Прежние болота превратились в плодоносящие поля, и страдавшие от голода бедняки были обеспечены хлебом; благодарный народ почитал фараона как бога. Наследники Мины также называли себя богами и возводили себе при жизни заупокойные храмы; эти храмы постепенно увеличивались в размерах и, в конце концов, превратились в огромные возвышающиеся над долиной пирамиды. Пирамида Хеопса, одно из чудес света, имела высоту 150 метров; для ее строительства были мобилизованы рабочие отряды со всей страны; сто тысяч рабочих, сменяясь каждые три месяца, возводили пирамиду 30 лет. Сын Хеопса, Хефрен, построил ещё одну гигантскую пирамиду рядом с пирамидой отца; у ее подножия возлежал сфинкс – колоссальный каменный лев с лицом фараона. Вокруг великих пирамид простирался город мертвых: вдоль улиц этого города стояли гробницы вельмож, хранившие их мумии – как, фараон, его слуги надеялись на жизнь после смерти. Они надеялись воскреснуть, подобно Осирису; и их тела должны были быть готовы к этому воскрешению – поэтому из них делали нетленные мумии.

Великие стройки довели народ до изнеможения, и фараоны были вынуждены уменьшить размеры своих гробниц. Царская власть постепенно слабела; правители областей, номархи, превратились в полусамостоятельных князьков; они создавали собственные заупокойные храмы с сотнями жрецов и рабочих. Никто не помышлял о строительстве новых дамб и о хлебе для бедноты – а, между тем, население всё возрастало. В конце концов, голод привел к восстанию. «Царь захвачен бедными людьми, – писал жрец Ипувер. – Детей знатных разбивают о стены... Мумии выкинуты из гробниц... Простолудины стали владельцами драгоценностей... Каждый город говорит: „Да будем мы бить имущих среди нас...“ Мор по всей стране. Кровь повсюду».

Древнее Царство фараонов погибло в огне восстаний, и страна распалась на номы. Война, голод и мор погубили большую часть населения; для возрождения деревень и городов потребовались многие десятилетия. Через двести лет, когда города вновь стали многолюдными, фараон Ментухотеп I объединил страну и восстановил древнюю Империю. Были построены новые ирригационные системы и новые храмы; цари вновь наделяли крестьян землей и возводили пирамиды. Это время вошло в историю как эпоха Среднего Царства; оно совпало со временем возрождения Двуречья при Хаммурапи. Так же, как в Двуречье, в Египте в это время уже не было рабочих отрядов; земли храмов обрабатывали трудившиеся на индивидуальных наделах «царские люди». «Царские люди» получали от храма довольствие, посевное зерно, орудия труда, а затем сдавали в храмовые амбары весь урожай. Время от времени население деревни выстраивали в шеренги и подвергали «смотру»; писцы и жрецы шли вдоль рядов и проверяли, кто где работает; молодежь распределяли по «профессиям», кого – в солдаты, кого – в ремесленники, кого – в земледельцы. Так же, как Империя Двуречья, египетская Империя была социалистическим государством, где вся жизнь шла по указаниям писцов. Никто не знает, с каких пор существовал этот порядок и как долго он существовал – когда появилась письменность, всё было уже так, как заведено. Так продолжалось из века в век, крестьяне возделывали поля, а писцы сидели во дворе храма, записывая отчетность на листах болотного тростника, папируса. Так продолжалось до XVI столетия, когда произошла катастрофа.

"И вот, не знаю почему, бог был к нам неблагосклонен, – писал жрец Манефон. – Неожиданно из восточных краев люди неизвестного племени предприняли дерзкий поход на страну и легко, без боя, взяли ее штурмом. И, победив ее правителей, они безжалостно сожгли города и разрушили до основания храмы богов, а с населением обращались самым враждебным образом, одних убивая, у других уводя в рабство детей и жен... А все их племена назывались Гиксос, то есть «цари-пастухи».

Откуда же пришли эти «цари-пастухи», завоеватели половины мира?

Глава III. Арийский порядок

АРИЙСКИЙ ПРОСТОР

*Мир натрое царь Феридун разделил:
Часть – Запад и Рум, часть – Китай и Туран,
А третья – Пустыня Бойцов и Иран.
Фирдоуси. "Шахнамэ".*

Там, где они жили, небо было всегда голубым, бездонным и чистым. Это была страна необъятных равнин, поражавшая воображение древних поэтов:

Как море! Огромно!
И ровный песок – без конца!
И в даях не видно людей!

Это была Великая Степь, простиравшаяся через весь северный материк, Евразию. Народы, жившие там, звали ее Арьяна-вайча – Арийский простор. С севера степь пересекали большие реки: Дан (Дон) и Великая Раха (Волга). Они вытекали из негостеприимных северных лесов, за которыми простиралось Молочное море – покрытый льдами Северный океан.

Степь была величественна и прекрасна, но народы, жившие в ней, была париями древнего мира. Когда-то, во времена Великого Исхода, когда Новое Человечество двигалось на плодородные земли Востока и Запада, часть племён была вытеснена этим движением в Великую Степь. Здесь они смешались с охотниками-туземцами и породили «народ свободных» – ариев.

Степь была огромна, но бесплодна, и лишь в редких речных долинах можно было заниматься земледелием. Здесь возникали маленькие деревни из рубленых домов, их жители возделывали землю и пасли скот на окрестных просторах. Скотоводство было основным занятием древних ариев: сначала, в IV тысячелетии, они разводили овец и коз, позже к этому стаду добавились лошади и коровы. Летом степняки питались почти исключительно молоком домашних животных, зимой – преимущественно мясной и растительной пищей. Но хлеба в степи всегда было очень мало, а стада зачастую становились жертвой снежных буранов и эпидемий. Двадцать квадратных километров пашни кормили тысячи земледельцев, в степи же на такой территории мог выжить лишь десяток скотоводов. Именно выжить, потому что, по казахской пословице, их скот принадлежал любому бурану и сильному врагу. Китайские летописи пестрят упоминаниями о голоде среди степных племен: «Умерло из каждого десятка три человека, а из каждого десятка скота пало пять голов... Земля на несколько тысяч ли стояла голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство из них умерли или пали...»

Такова была жизнь в степи – там могли выжить лишь самые сильные и выносливые. Скотоводы вели столь же тяжелую борьбу за жизнь, что и охотники, и их суровые обычаи были унаследованы от древних охотников Великой Степи. Родившегося ребёнка бросали в снег или в холодную воду – если он выживал, то становился богатырем. Дети сызмальства приучались к охоте: «Мальчики, как скоро смогут сидеть верхом на баране, стреляют из лука

пташек и зверьков... и употребляют их в пищу». Инициации были просты: в 15 лет юношу опоясывали поясом мужества и отправляли в набег на соседей. Если он возвращался и приносил голову врага, то становился настоящим «дваждырождённым» мужчиной, если не возвращался – никто не вспоминал о нем. Жизнь человека была мимолетной, как облачко на небе, и чтобы удержать ее, надо было постоянно убивать других: перенаселённость и голод заставляли сражаться за скот и пастбища. «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ», – говорил скиф Токсарис, герой одного из древних писателей. «Они напали на людей, не ожидавших их прихода и обратили всех в бегство... многих из способных носить оружие они убили, других увели живьем... И тотчас же начали сгонять добычу, собирать толпой пленных, грабить шатры и на наших глазах насиловали наших жён и наложниц...» Так рассказывает Токсарис об обычных событиях степной жизни. Привычка убивать стала столь естественной для всех, что в этих набегах участвовали и девушки, получавшие то же воспитание, что и юноши. Греки называли их амазонками, «господами мужей» или «мужеубийцами». Греческий историк Геродот писал, что амазонки живут за Доном, у арийского племени савроматов. «У савроматов, – свидетельствует Геродот, – девушка не выходит замуж, пока не убьет врага».

Мужчина, не добывший в бою голову врага, подвергался позору и лишался доли добычи. Отважные и удачливые бойцы, наоборот, были окружены почетом. «Сильные едят жирное и лучшее, устаревшие питаются после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых почитают мало», – говорит китайский историк. «Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь, – добавляет Геродот. – Череп врага обтягивают снаружи сыромятной кожей и употребляют вместо чаши... делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры...»

Жизнь ариев целиком зависела от мужества и удачи. Каждый мужчина был воином, и чем больше наложниц и рабов он захватывал в набегах, тем больше была его семья и богаче дом. Рабов ослепляли или перебивали им члены, чтобы они не могли бежать. Часто в рабах не было необходимости, и пленных приносили в жертву богам и умершим – так истреблялись целые роды и племена, лишь молодых женщин оставляли в живых и присоединяли к своему роду. Наложницы были нужны, чтобы рожать воинов, – ведь сила семьи была в сыновьях. При этом было не очень важно, чьи это сыновья: «Каждый из них берет в жены женщину, но живут они с этими женщинами сообща, – писал Геродот об ариях-массагетах. – Когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, он вешает свой колчан на ее кибитку и затем спокойно общается с этой женщиной».

Выходя замуж, женщины-амазонки становились домохозяйками, «госпожами дома», и лишь в крайних случаях возвращались к оружию. Зато они господствовали над мужчинами в религиозных обрядах: жрецами-шаманами были преимущественно женщины, которые передавали своим дочерям шаманские и знахарские познания. Из сока мухоморов они готовили «священную сому», напиток богов, приводивший в экстаз и богов, и смертных. Сому возливали в огонь и пили на религиозных церемониях. Воины, принесшие голову, носили шаманские уборы из птичьих перьев и пили сому перед сражениями. Подобно германским берсеркам, они впадали в священное бешенство и были почти непобедимы в битвах. «Буйные ветры понесли меня вверх, ведь я напился сомы, понесли меня вверх соки сомы, и пять народов показались мне пылинкой...», – поется в гимнах индийской Ригведы. Под звуки этих гимнов шаманы обращались к богам, к необъятному Небу и огромной Земле. Под эти гимны начинался и заканчивался путь ариев. Жизнь воинов не была долгой, слабые погибали раньше, сильные – позже. В могилу к ним клали их оружие, их слуг и в ноги – самую молодую, самую любимую наложницу. Самым сильным и смелым ставили храмы и поклонялись их духам. Если же мужчина доживал до старости, то его приносили в жертву. «Если кто из них доживал до глубокой старости, – говорит Геродот, – то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть для них – величайшее блаженство».

Этот страшный обычай скрывает глубокую трагедию степной жизни: изнемогая в отчаянной борьбе за существование, арии не могли содержать стариков. Но ещё более трагическим был другой обычай: маленьких детей закапывали в могилу вместе с рано умершей матерью. Такие захоронения довольно часто встречаются в Великой Степи. Из глубины темных веков они подсказывают людям, что благополучие не вечно и что обычаи времен голода непохожи на обычаи времен сытости. «Среди них случается позорный обычай, что сын берет иногда всех жён своего отца», – с негодованием писал один средневековый монах. Между тем это обыкновение, так называемый левират, объясняется всего лишь стремлением спасти женщин от голодной смерти, выжить в вечной борьбе – так же, как объясняются и все остальные обычаи ариев.

Жён отца и его хозяйство наследовал обычно младший сын. Старшие сыновья отделялись заранее и жили своими семьями. Все эти семьи братьев, дядей, племянников составляли арийский род. Изолированная семья неизбежно гибла в степи, род же мог постоять за себя, в него входило несколько десятков семей и около сотни мужчин-воинов. Род имел собственное ополчение и собственного вождя, выбираемого из числа лучших бойцов. Так же, как в глубокой древности, мужчины рода исповедовали законы братства и соблюдали знаменитый арийский обычай совместных трапез-"сесситий". Со временем, когда угоды становились тесными, от старшего рода отделялись младшие. Группа родственных родов объединялась в племя, а племена – в союзы племен. Вождь союза «раджа», или «рекс», избирался из старшего, «царского» рода. По преданию, эти выборы проходили на сходке у реки Дона (на языке скифов слово «дон» означало просто «река»). Царь не был единоличным правителем, рядом с ним существовали «совет первейших» и народное собрание. Демократия была единственно возможным политическим устройством в степи: принуждение и неравенство порождают недовольство, а недовольные могут изменить в минуту опасности, – поэтому Свобода, Равенство, Братство были обычаями Великой Степи, такими же естественными, как левират. В случае нарушения этих обычаев происходило то, что произошло в XVI веке с Тахир-ханом казахским: «Так как Тахир имел крайне грубый характер, большинство эмиров и воинов стали обижены на него и разошлись», – писал персидский летописец Хайдер Рази.

Арийская свобода, обычаи амазонок и жертвоприношения стариков – всё это объяснялось одним и тем же драматическим фактором: перенаселенностью Великой Степи, избыточным демографическим давлением. Испокон веков население степи пыталось вырваться на плодородные равнины – но безуспешно. Окраины степи были густо заселены земледельцами, и на каждого арийского берсерка там приходилось несколько десятков лучников в одинаковых холщовых одеждах. Великая Степь напоминала котел с толстой чугунной оболочкой. Эта оболочка могла выдержать любое, самое страшное давление, а за ней, далеко на юг, простирались благодатные страны. Там царил Золотой Век, и никто не мог даже представить себе, что в Северной Пустыне ежедневно гибнут целые племена, что люди там поклоняются мечу и исповедуют заповедь «убей первым».

И вот в XVIII столетии произошла катастрофа. Паровой котел взорвался, и страшная взрывная волна покатила по цветущим полям Золотого Века.

ВОЛНА

*Вот идет народ от стран северных и
народ великий поднимается от краев
земли... Шумит, как море, их голос...*

Иеремя, 6:22-23

Причина этого взрыва оставалась загадкой для многих поколений историков, вплоть до 1974 года, когда советские археологи на раскопках в зауральских степях сделали открытие, перевернувшее привычные представления о прошлом. Никто не ожидал увидеть *это* именно здесь, посреди Великой Степи, и открывшееся зрелище произвело впечатление

даже на опытных археологов. На берегу реки Синташта в древнем кургане было погребено страшное оружие ариев – «золотая ратха великого Индры», древняя боевая колесница.

Древняя индийская легенда говорит, что боевую колесницу создал брат царя богов Индры, Тваштар. Он переделал известную в Двуречье низкую повозку, сделал ее легкой и запряг в нее лошадей, водившихся только там, в Великой Степи. Это было Фундаментальное Открытие – открытие, позволяющее расширить экологическую нишу. Из изгнанников арии превратились в народ, избранный богом. И этот народ, привыкший убивать, двинулся на завоевание мира.

Тогда взял он бурю, свое великое оружие,
На колесницу встал он, на непобедимый ветер бури,
Запряг в нее четырех коней, взнуздal их:
Губителя, Беспощадного, Наводняющего, Крылатого...
Зубы их наполнены ядом,
Скакать умеют они, ниспровергать знают они.*

Несколькими волнами, одна за другой, арии обрушились на окружавшие их земледельческие племена. Старый Свет помнит множество легенд о борьбе арийских завоевателей с туземцами, с древним и таинственным Народом Дракона. Легенды повествуют о ненасытных чудовищах, о принесенных им в жертву красавицах и о героях, умевших летать, о Персее и Андромеде, о Георгии Победоносце, о Роже и Анжелике, о Добрыне и Змее-Горыныче, о Ду-юе и сестре дракона. Смысл этих легенд всегда один: благородный герой убивает змея-дракона и освобождает красавицу. Дракон – это божество побежденных народов, и герой убивает дракона тысячу раз в Европе, в Индии, в Китае – по всему фронту арийского наступления:

–...Геракл одолел возрождающиеся головы гидры, зарыл ее в землю и навалил на это место тяжелый камень...

–...Ты, Индра, убил первородного змея и уничтожил колдовство злых колдунов...

–...Убили таго змея, взяли змееву галаву и, пришовши к яго хате, яны разломили галаву и став белый свет...

Герой убивает змея тысячу раз, и иногда он действительно освобождает красавицу, – ведь мы помним, что красавиц приносили в жертву драконам! А чтобы убедиться, что герой умеет летать, достаточно вспомнить одежду из перьев, которую носили берсерки.

Красивые легенды рассказывают о реальной истории, о Великой Битве ариев с Народом Дракона. И хорошо известные всем скульптурные композиции – хищная птица со змеей в когтях – это тоже разбросанные по всему миру памятники Великой Битвы.

Божеством-родоначальником, тотемом завоевателей считалась Пурпурная Птица, Феникс, и это Феникс держит в когтях змею – тотем покоренных народов.

Подобно взрывной волне, Арийская Волна распространялась во все стороны света, охватив, в конце концов, всю Евразию. О судьбе народов, населявших до нашествия Западную Европу, не сохранилось ни одного письменного известия. Они погибли в темноте веков, не донеся до нас ни одного стога. К концу XIV века Европа опустела до самых Пиренеев, земледельческие поселки исчезли. Европейская равнина превратилась в огромное арийское пастбище, над которым возвышались курганы победителей.

Такие же курганы возвышались над равниной Китая. Жестокие завоеватели наполняли огромные ямы сотнями принесенных в жертву пленных и ставили посреди трупов колесницу – это было жертвоприношение колесницы, «чэ-ма кэн». В XVII веке колесницы прорвались в долину Инда. Здесь были цветущие города и многочисленные деревни, крепости, храмы, школы. «В один день Индра и Агни разрушили 99 городов дасью», - поется в гимнах Ригведы. Раскапывавшим эти города археологам открылась страшная картина: в домах, на улицах, на площадях – повсюду лежали скелеты их защитников.

В середине XVIII века Волна подступила к сердцу ближневосточной цивилизации, Двуречью. Многоязыкое, вобравшее в себя скопище покоренных народов, «войско Манды» год за годом штурмовало могучие стены Вавилона – но Империя ожесточенно сопротивлялась. Завоеватели отошли на средний Евфрат, построили здесь крепости и основали царство Митанни. Малая Азия была захвачена племенами хеттов; хетты сожгли города, истребили всех, кто сопротивлялся, и обратили уцелевших в рабство. В степях на востоке полуострова они построили огромный город-лагерь Хаттусу. Каждый год тысячи хеттских колесниц выходили из Хаттусы и обрушивались на окружающие страны; хетты истребляли население и сжигали деревни; пленных сажали на кол и ослепляли. Десятки тысяч мирных жителей под свист бичей гнали в Хаттусу; здесь их делили между воинами. Отдельные отряды колесничных воинов проникали далеко на юг и, увлекая за собой местные племена, образовывали новые орды. В начале XVII века варвары ворвались в Египет, разрушили города и храмы и, разорив страну, устроили свое гнездо в дельте Нила, в Аварисе. Наконец, в 1595 году наступила развязка долгой драмы. Полчища хеттов и митаннийцев объединились и двинулись на Вавилон; великий город был взят штурмом и обращен в руины. Империя Хаммурапи погибла; население было вырезано или уведено в плен. Города и деревни лежали в развалинах, песок засыпал каналы, и цветущая некогда страна медленно превращалась в пустыню.

АРИЙСКИЙ ПОРЯДОК

Горе побежденным.

Тит Ливий.

Каким был мир после катастрофы? Пустынные заросшие лебедой поля, высохшие каналы с белеющими на дне костями, трупы на дорогах и в развалинах домов, черные пепелища городов и деревень, храмы с проломленными стенами, низвергнутые статуи богов, запустение и разруха...

Изредка на равнине встречались сложенные из каменных глыб башни – жилища тех, кто остался в живых. В новом мире можно было жить только в башнях и уцелевшие крестьяне, объединившись, строили себе маленькую крепость, в которой переживали набеги. Каждый год то с одной, то с другой стороны налетали отряды колесниц, широким фронтом пересекавшие равнину. Воины жгли поля и требовали дань – незаплатившие обрекали себя на осаду и голод. Голод и мор свирепствовали повсюду; разлагавшиеся трупы вызывали

болезни; чума опустошала деревни и города-лагеря.

Завоеватели жили в городах-лагерях, в Хаттусе, Аварисе, в Хане на среднем Евфрате. Рядовой воин имел десяток-другой рабов, которые обрабатывали для него поля в городской округе. Завоеватели-скотоводы называли этих рабов «головами» и почитали за скот; в Китае их называли народ-скотина, «чуминь», в Спарте – «илоты», в Риме – «клиенты». «Головы» часто использовались как монета; ими возвращали долги и платили штрафы. Каждый воин имел несколько рабынь-наложниц, причём закон разрешал сожительствовать одновременно с рабыней и её дочерью, начиная с 10-12 лет. За пределами городской округи в каменных башнях жили зависимые крестьяне, они платили тяжелую дань и у хеттов назывались «царскими рабами»; в Спарте это были «пэриеки», а в Риме – «плебеи». Арийский порядок был везде одинаков, несмотря на расстояния и века. Лишь благородные завоеватели и их потомки имели право называться «свободными» и участвовать в народном собрании, избиравшем царя. Цари были первыми среди равных, они правили вместе с собранием «свободных» и возглавляли их на войне. Благородные воины владели виллами и наложницами – но предпочитали радостям мирной жизни войну; война была их образом жизни, единственным занятием для «настоящих мужчин». Это была война-охота, нечто вроде спорта – ведь противники были беспомощны перед боевыми колесницами. «Свободные» сражались на колесницах по трое: один управлял конями, другой колот копьем, третий стрелял из лука. Каждую весну тысячи колесниц выходили из городов-лагерей – это выглядело, как праздник, воины украшали свои шлемы пышными султанами и пели боевые гимны. Лавина двигалась туда, где еще можно было грабить и жечь – на упорно встающие из пепла города Сирии или на уцелевший в северном Двуречье торговый город Ашшур. Кое-где на окраинах ещё сохранялись последние крепости цивилизации – и одной из этих крепостей были Фивы, небольшой городок на юге Египта.

ИМПЕРИЯ ВСТАЕТ ИЗ ПЕПЛА

*И вот князья этих стран приползли на
своих животах, чтобы нюхать землю
перед силой его величества...*

Анналы Тутмоса III.

На юге Египта, там, где Нил делает небольшую излучину, располагался Фиванский оазис. Сюда не дошли колесницы гиксосов, здесь сохранились храмы и города, это было последнее прибежище жрецов и фараонов. Согласившись платить дань, фиванцы сумели использовать передышку, которую им дали варвары, они переняли оружие противника и оснастили свою армию колесницами. Через сто лет после катастрофы египетские войска двинулись на север, гиксосы были разгромлены и бежали в Азию.

Началась эпоха Нового Царства. Постепенно восстанавливались города и храмы, снова наполнялись трудовым людом деревни. По-прежнему проводились смотры «царских людей», и идущие вдоль шеренг писцы говорили, кому идти в земледельцы, а кому – в армию. Армия фараонов сражалась в Сирии и с каждым годом все дальше отбрасывала варваров от границ Египта. При фараоне Тутмосе III Египетская Империя вступила в бой с повелителями Востока – митаннийцами и хеттами. Двести лет поля Сирии сотрясали битвы колесничных армий; тысячи колесниц, сталкиваясь, разлетались в куски и хоронили под обломками воинов. Цивилизация одержала победу над варварами; в 1312 году в битве при Кадеше фараон Рамзес II нанес хеттам решающее поражение.

Хетты XIV века были уже не те, что в эпоху войн-охот трехсотлетней давности; они до какой-то степени окультурились и переняли многие обычаи покоренных народов. У них

были храмы и самодержавные цари, писцы и законы – но войны с султанами по-прежнему каждую весну выезжали на колесницах из ворот Хаттусы. Египтяне в свою очередь позаимствовали обычаи хеттов; их солдаты безжалостно убивали и грабили, а по возвращении армия гнала за собой десятки тысяч пленных. Их продавали на рынках, и они были столь дешевы, что даже садовник или пастух мог купить себе раба. Сотни рабов вместе с другой добычей подносились в дар храмам – в особенности храмам фиванского бога Амона. Храм Амона в Карнаке близ Фив был одним из чудес света, а его главный зал изображал собою весь мир: колоссальные колонны в виде увенчанных цветами стеблей папируса поддерживали небесный свод с луной, солнцем и звездами. Стены храма были покрыты золотом, а от Нила к главным воротам вела аллея каменных львов – сфинксов.

Великолепные храмы были символом Нового Царства, так же, как великие пирамиды – символом Древнего Царства. Величие храмов заставляло народ падать ниц перед Амоном-Солнцем и его сыном, фараоном. Сестра фараона считалась «супругой Амона», она обитала в полутьме храма и на золотом ложе вступала в священный брак с богом, роль которого исполнял сам фараон. Амон-Солнце был богом справедливости, защитником бедных, предшественником Христа; сотни его храмов стояли по всей стране, и народ приходил к нему как к заступнику, «спасающему робкого от гордого». Однако фараону Эхнатону показалось недостаточно быть сыном Солнца – он провозгласил себя самим Солнцем и приказал вырубить имя Амона с каменных плит. Народ подчинился Эхнатону, но после его смерти всё вернулось на круги своя; Эхнатон остался в истории как сумасбродный тиран и муж прекрасной царицы Нефертити, точеная головка которой стала символом воплощенного в камне изящества.

XV и XIV столетия остались в памяти поколений, как время великолепных храмов, блестящих побед, благополучия и сытости. Вельможи и сановники купались в роскоши, одевались в изысканные белоснежные одежды и носили пышные ниспадающие на плечи парики. Пиршественные залы усыпались цветами, и полуобнаженные рабыни танцевали среди золота и благовоний. Но вот в разгар торжеств всё смолкало: среди гостей появлялся бритоголовый жрец с изображением мумии в руках. Он шел среди пирующих и повторял каждому: «Смотри на нее, пей и наслаждайся жизнью! После смерти ты ведь будешь таким!»

Жрец понимал, что благополучие не вечно – когда-нибудь наступает конец.

КОНЕЦ ИМПЕРИИ

*Другое время настало после того,
пустые годы...*

Большой папирус Харрис.

После эпохи побед началось время испытаний. В XII веке на Ближний Восток обрушилась Вторая Волна; через полтысячелетия после первого взрыва Великая Степь наполнилась новыми поколениями, и паровой котел снова не выдержал давления. На юге арии завладели обширным нагорьем, которому дали свое имя – Иран. На востоке племена чжоу овладели долиной Хуанхэ; на западе дорийцы прорвались в Грецию и основали свой знаменитый город, Спарту. Многоязыкое скопище племен обрушилось на Малую Азию; Хаттуса, ещё недавно державшая в страхе окружающие народы, погибла в языках пламени. Двигаясь вдоль побережья на кораблях и колесницах, орда «народов моря» прорвалась к границам Египта – но египетской армии удалось отразить нашествие. Это была последняя великая победа фараонов, берег моря был покрыт трупами врагов и обломками кораблей. Но затем наступили «другие времена, пустые годы», о которых сохранилось мало известий. В стране был голод, власть фараонов постепенно слабела, из пустыни наступали варвары-ливийцы. Как и шумеры, египтяне были миролюбивым народом; постоянное воспитание покорности властям лишило их остатков былой воинственности. В XII веке армию стали пополнять наемниками-ливийцами, и со временем в долине Нила появились

целые военные поселения варваров. Около 950 года ливийцы подняли мятеж и захватили власть, а затем поделили страну между своими вождями на «варварские королевства». Началась кровавая эпоха смут и войн – «египетское средневековье». С юга в страну вторгались эфиопы, с севера – ассирийцы; повсюду царили голод и эпидемии; ирригационная система вышла из строя. Голод и войны погубили большую часть населения, города обратились в развалины, деревни стояли пустыми. Лишь на юге, в Фивах, жрецы сумели спасти храмы и остатки культуры; они правили непосредственно от имени бога, испрашивая указания у оракула Амона. Правда, при этом жрецы не забывали и о себе: они поделили между собой храмовые доходы и стали передавать свои должности по наследству.

К VII веку варвары, наконец, усвоили египетские традиции; ливийский вождь Псамметих I объединил страну и около 650 года попытался восстановить тысячелетнюю Империю. Снова восстали из пепла храмы и города; снова писцы устраивали «смотри» и принимали зерно у «царских людей». Но в 527 году пришли новые завоеватели, персы, а еще через двести лет – Александр Македонский, а потом – римляне. Крестьяне, казалось, не замечали всего этого: они пахали свои поля и сдавали урожай на тока. Поля регулярно переделялись, писцы следили за тем, что и когда сеять, и забирали большую часть урожая в пользу храма или фараона. Фараон – неважно, грек или римлянин – был богом этой страны, и ему поклонялись в храмах. Когда население достигало определенных пределов, начинались голод и восстания. Каратели – греки или римляне – вырезали деревни и заставляли уцелевших крестьян снова пахать свои поля. Завоеватели жили в своем городе, Александрии – так же, как некогда гиксосы жили в Аварисе; они строили дворцы и купались в роскоши, а полуголодная страна терпеливо несла свою ношу. Так продолжалось века, пока, в конце концов, в мир не пришел Христос – но это была уже другая страница истории.

РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Я – Синаххериб, великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии... От Верхнего моря, где закат солнца, до Нижнего моря, где восход солнца, всех черноголовых склонил я к моим стопам...

Анналы Синаххериба.

Теперь нам придется вернуться в Двуречье времен катастрофы, когда на руинах Вавилона росла полынь, и песок затягивал пересохшие каналы. На какое-то время жизнь среди развалин почти замерла; писцы Вавилона погибли, и мы ничего не знаем об этих «темных веках». Лишь в XIV столетии появились скудные сведения о новом мире – и оказалось, что его хозяевами были касситы, пастушеское племя, принесенное в Двуречье Большой Волной. Касситы были колесничными воинами, они собирали дань с жившего в башнях местного населения и, подобно хеттам, каждый год отправлялись в набег на соседние страны. Между тем, на равнине понемногу восстанавливались старинные храмовые города – Вавилон, Урук, Ниппур; они пользовались самоуправлением, и, как когда-то в давние времена, в них правили знатные и богатые. История началась сначала: катастрофа вернула мир к тем временам, когда демографическое давление было низким, к временам свободных храмовых общин. Должно было пройти время, пока новое Сжатие, голод и войны не породят новую монархию.

Благодаря какой-то случайности на севере Двуречья уцелел обломок древней цивилизации, торговый город Ашшур. Здесь сохранился старинный храм, а местные вожди-жрецы – так же, как когда-то в Шумере, – боролись за власть со знатью и именовали

себя царями. Ашшур завел колесничное войско и отчаянно сражался с варварами, перенимая при этом варварские методы ведения войны – истребление тысяч пленных и угон мирных жителей. Постоянные войны разоряли ещё не оправившуюся от катастроф страну; только-только ожившие города снова и снова обращались в руины. В конце XII века на Двуречье обрушилось новое нашествие. Жившие в аравийских степях племена арамейцев приручили верблюда и создали «верблюжью кавалерию». Обходя укрепленные города, отряды арамейцев жгли деревни и вырезали население; вскоре большая часть Двуречья была заселена варварами, города пришли в упадок, и лишь Ашшур продолжал сопротивление завоевателям. В эту эпоху войн и нашествий внезапно произошли удивительные перемены, резко изменившие жизнь людей, – наступил Век Железа.

По преданию, первыми кователями железа были загадочные халибы, обитавшие в середине II тысячелетия в горах Армении. В те времена – да и много позже, вплоть до средних веков – печи не давали температуры, достаточной для плавки железа; металл получали в тестообразном состоянии с примесью шлака – но халибы придумали способ избавиться от шлака с помощью длительнойковки. Почти полтысячелетия халибы ревниво хранили свой секрет, ставили заставы в горах и убивали непрошенных соглядатаев. Металлургия железа была великой тайной и великим открытием – ведь железная руда была повсюду; железо было гораздо дешевле меди, и стоило приоткрыться завесе тайны, как новый металл распространился бы по всему свету и преобразил жизнь людей. Это произошло в конце II тысячелетия; настало время железных топоров, пил и мотыг, люди одержали еще одну победу над природой, позволившую им с легкостью корчевать леса и поднимать целину. Однако главным изделием кузнецов оказались не пилы и не мотыги – преклонив колени и принеся жертву богам в присутствии царя и его воинов, кузнецы ковали мечи. Железный меч стал символом власти, объектом поклонения, божеством: варвары Великой Степи втыкали меч в землю и поклонялись ему, как богу. Настало время железных мечей.

Первыми обладателями мечей стали горцы Армении, урарты; в VIII веке они спустились с гор и стали, подобно хеттам, опустошать окружающие страны. Ашшур оказался на краю гибели; Сжатие, война и голод привели здесь к власти военную диктатуру. Царь Тиглатпаласар III (745-727) спешно вооружил свое войско железными мечами; он создал «царский полк» – первый корпус воинов-профессионалов; на смену народному ополчению пришла регулярная армия, содержавшаяся на царские деньги, прекрасно вооруженная, обученная и скованная железной дисциплиной. Это было Фундаментальное Открытие, переворот в военном деле; «царский полк» стал непобедимым оружием на поле брани. «Вот оно, войско ассирийцев, – говорил библейский пророк Исайя, – легко и скоро оно придет, не будет у него ни усталого, ни изнемогающего, ни один не задремлет и не заснет и не снимется пояс с чресел его, и не разорвется ремень у обуви его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса колесниц его – как вихрь».

Создание вооруженной железными мечами регулярной армии породило волну ассирийских завоеваний. Урарты были отброшены в горы, ассирийцы овладели Сирией и Вавилонией, оккупировали Египет и разграбили знаменитые фиванские храмы. Ассирийские цари создали новую великую Империю, охватившую почти весь Ближний Восток. Эта империя была построена на крови: ассирийцы воевали с варварами методами варваров, разрушали деревни, вырубали сады, засыпали каналы. «Я отсек головы воинов и сложил из них пирамиду перед городом, – хвалился один из ассирийских царей. – Я сжигал в огне мальчиков и девочек... Оставшихся в живых пленных я сажал на колья вокруг города, а остальным выкалывал глаза». Так же, как хетты и урарты, ассирийцы пригоняли из походов десятки тысяч мирных жителей и селили их на опустошенных войной землях. Этих поселенцев называли «люди страны»; они получали одинаковые наделы, платили «десятину» урожая и поставляли рекрутов в царскую армию. В VII веке «люди страны» составляли большую часть населения Империи; своими победоносными походами ассирийцы

перепахали весь Ближний Восток, перемешали народы, уравнили богатых и бедных и превратили всех в «людей страны». Над однородной крестьянской массой были поставлены чиновники-писцы, получавшие небольшие пайки; в провинции назначались наместники из числа дворцовых евнухов.

Символом великой Ассирийской Империи стала Ниневия – новая столица, возведенная под шелканье бичей десятками тысяч пленных. «Я заново отстроил древние улицы, расширил те, которые были слишком узки и сделал город таким же блестящим, как само солнце», – писал царь Синаххериб. Дворцы Ниневии превосходили всё, существовавшее до того времени; сюда была собрана вся роскошь Востока, а башни и стены города покрывала кожа, содранная с побежденных врагов. У восточных ворот города в клетках на собачьей цепи сидели пленные цари и толкли в ступах вырытые из могил кости своих предков. «Город льва, львицы и львенка», – так называл пророк Наум наводившую страх на народы Ниневию.

Ассирийские цари считали себя наследниками древних царей Двуречья – и окружающий их мир был полон воспоминаниями о прошлом. Ашшур сохранил в своих стенах великие традиции древности: царь был вместе с тем верховным жрецом, энси, и каждый Новый Год он входил в храм, чтобы получить от бога небесный мандат. В Ашшуре, Вавилоне и других «священных городах» сохранялось самоуправление и народное собрание; там, как в далекой древности, правили богатые и знатные. Так же, как в древности, цари боролись со знатью за контроль над храмовым хозяйством, а горожане упорно отстаивали свою свободу от повинностей. «Даже собака свободна, когда она входит в Вавилон», – писали вавилоняне ассирийскому царю. В ответ на требование денег знатные устраивали заговоры и убивали царей, а цари осаждали непокорные города. В 688 году войска Синаххериба взяли штурмом и сожгли Вавилон, но одиннадцать лет спустя царь Асархаддон приказал восстановить великий город. В 627 году вспыхнуло новое восстание, это восстание совпало с новой волной варварских нашествий.

В то время как Ассирийская Империя боролась с буржуазными городами, в Великой Степи происходили перемены, грозившие цивилизации страшной опасностью. В конце VIII века наследники ариев, скифы, совершили новое Фундаментальное Открытие: они научились стрелять из лука, сидя на лошади. Этот подарок судьбы превратил скифов в страшное для окружающих народов племя конных лучников. Увлекая за собой покоренные народы, скифы двинулись на завоевание мира; на земледельческие страны обрушилась Третья Волна. Основной удар на этот раз пришелся на Европу, которая была затоплена бежавшим от скифов обитателями причерноморских степей – киммерийцами. Около 660 года скифы прорвались через Кавказ в азербайджанские степи и подчинили местные мидийские племена; здесь образовалось новое многоязыкое «войско Манды», которое вскоре обрушилось на Ассирию. В 614 году скифы и их союзники разгромили Ашшур, в 612 году – имперскую столицу Ниневию. «Горе городу кровей! -говорил пророк Наум. – Несется конница и блесит меч, и сверкает копьё – и множество сраженных, и груды трупов. Без конца тела, спотыкаются о тела убитых...» «Спят твои пастыри, царь Ашшура, покоятся твои витязи, развеян твой народ по горам и некому собрать его. Нет исцеления для раны твоей, смертельна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, рукоплещут о тебе, ибо на кого не простиралась непрестанно злоба твоя...»

ВРАТА БОГА

Поднимись на холмы разрушенных городов и посмотри на черепа людей,

живших давно и недавно: кто из них был злым и кто из них был добрым?

Разговор господина и раба.

Первый удар Волны пощадил Вавилон: вавилонская буржуазия сама призвала варваров против ненавистных царей. Вавилония на время получила желанную свободу, в нее как бы вернулось прошлое, эпоха трехтысячелетней давности, когда храмовые города были еще молоды и не знали грядущих социальных потрясений. Как раньше, шумели огромные рынки, и к пристани причаливали корабли из дальних стран. Зерно, ткани, рабы, роскошная одежда и утварь – все богатства мира сходились в Вавилоне, и разноязыкие торговцы до позднего вечера расхваливали свой товар. Тут же, на рынке, чинно сидели знаменитые вавилонские менялы и ростовщики, а дальше располагались дома развлечений, дорогие рестораны, где купцы обсуждали свои дела, и дешевые пропахшие пивом трактиры.

В стороне от рынка начинались буржуазные кварталы – глухие высокие стены, прорезанные калитками, а за стенами – прохлада внутренних дворов, садов и фонтанов. Мужчины на улицах носили длинные льняные рубахи, а женщины закрывали лица покрывалами. В центре города располагался храм бога Бэла с колоссальной «Вавилонской башней», зиккуратом Этеменанки. Библейское предание говорит, что древние люди решили построить город и башню высотой до небес и Господь, чтобы не допустить этого, смешал их языки. «И они перестали строить город. Посему дано ему имя Вавилон („Врата Бога“), ибо там смешал Господь языки всей земли». Вавилон действительно был многоязыким городом, самым большим городом тех времен – возможно, в нем проживало больше миллиона жителей. «Вавилонская башня» была одним из чудес света, на вершине её располагался храм, в котором жила жрица, «жена бога»; говорили, что всемогущий Бэл время от времени посещает храм и возлежит со своей женой на золотом ложе.

Храм Бэла был сосредоточием городской жизни; он владел обширными землями и баснословными богатствами, был крупнейшим землевладельцем и ростовщиком. Богатства храма уже не принадлежали всей общине – это была собственность жрецов и служителей, владевших «пребендами», своеобразными акциями этой огромной частной компании. Владельцами пребенд были самые богатые и знатные граждане, ростовщики, купцы и землевладельцы; эта аристократия денег правила городом, занимая все выборные должности. Цари Вавилона были царями лишь по имени; они тоже выбирались народным собранием и каждый Новый Год подтверждали свое избрание в храме – причем, прежде чем допустить в святилище, верховный жрец отбирал у царя знаки власти и подвергал его символическим

побоям.

Одной из важных выборных должностей Вавилона была должность главного храмового писца; писцы были носителями древней учености, передаваемой из поколения в поколение в жреческих школах. Они знали древние и современные языки, тонкости ритуалов, культовые песнопения, разбирались в музыке, могли измерить поле и вычислить объем работ на строительстве канала. Жрецы и писцы изобрели солнечные часы и разделили день на часы, минуты и секунды; они наблюдали за небом и создали лунный календарь из недель и месяцев. По расположению созвездий жрецы предсказывали будущее – так родилась астрология, впоследствии распространившаяся по всему миру. Были и другие методы предсказания: гадание по полету птиц, по печени жертвенного животного, толкование сновидений. Жрецы лечили болезни: произносили таинственные заклинания и сжигали фигурку вызвавшего болезнь демона – а если это не помогало, то приписывали лечебный настой из трав. Чудесное и реальное мешалось друг с другом, как на вавилонской карте мира: на ней был достоверно изображен Ближний Восток, реки и горы, но дальше со всех сторон простирался неведомый Океан, а сверху этот мир накрывали семь куполов неба.

Вавилонские цари верили предсказаниям жрецов и тщательно выбирали время для своих военных походов. Поначалу эти походы были удачными, царь Навуходоносор завоевал Сирию, Палестину, разрушил Иерусалим и увел в вавилонский плен тысячи евреев. Массы пленных были согнаны на строительство царского дворца и знаменитых «висячих садов» – садов на высоких, поднимавшихся над городом террасах, построенных для уболажения любимой жены царя, красавицы Семирамиды. Однако после смерти Навуходоносора победы сменились поражениями; Вавилону угрожали новые опасные враги, персы, занявшие место мидян и скифов. Ввиду угрожавшей опасности цари-соправители Набонид и Валтасар потребовали большей власти и установления контроля за храмами. Теперь уже не ассирийские, а собственные цари встали на горло вавилонской буржуазии – и она предпочла договориться с царем персов Киру. Предание говорит, что когда Валтасар пировал в своем дворце, на стене внезапно явились огненные слова, написанные на непонятном языке. Лишь еврейский пленник Даниил смог перевести эти слова: «мене, мене, текел, упарсин». «Мене – исчислил бог царство твое и положил конец ему; текел – ты взвешен на весах и найден очень легким, перес – разделено царство твое и дано мидянам и персам». В эту самую ночь, 12 октября 539 года, персы ворвались в Вавилон – причем из-за обширности города часть жителей узнала об этом только на третий день. Валтасар был убит, через две недели знать устроила торжественную встречу Киру, «улицы перед ним были устланы ветвями».

Царь Кир остался в памяти вавилонян, как мягкий и покладистый правитель, но его сын Камбиз правил, как самодержец. В 521 году буржуазия снова восстала – теперь уже против персидских царей. Огромная армия персов осадила город, но тройные стены Вавилона были неприступны. Осада продолжалась полтора года, жестокий голод заставил вавилонян убивать своих женщин – нужно было избавиться от лишних ртов. В конце концов, Вавилон пал, и три тысячи самых богатых и знатных граждан были посажены на кол. Так закончилась долгая борьба между буржуазией и царями. Вавилон уже никогда не смог оправиться от этого разгрома, великий город постепенно пустел, дворцы и храмы превращались в руины, в глиняные холмы среди пустыни. Теперь их называют «холмами потопа», и туристы со всего мира в молчании смотрят на то, что осталось от великого города. Когда-то здесь шумела толпа на улицах и люди жили, любили и ненавидели; теперь же остались лишь глиняные холмы – символ бренности всего сущего.

ЛЮДИ И МОРЕ

*И ты, сын человеческий, подними плач
о Тире, поселившемся на выступах в море,
торгующем с народами на многих островах...*
Иезекииль 27,2.

На вавилонской карте мира были изображены две реки, текущие на юг и впадающие в Нижнее Море. На западе простиралась пустыня, а за ней – другое, Верхнее Море, вдоль которого тянулись высокие горы. Покрытые лесом горы почти вплотную подступали к песчаным пляжам, и аромат хвои мешался с солеными брызгами прибоя. Теплое солнце, ласковое синее море и изумрудно-зеленые горы – такой представала Финикия перед египетскими моряками, плававшими сюда за благоуханным кедровым деревом. Кое-где на скалистых утесах или прибрежных островах виднелись городки с гаванями и крепостными башнями. Они мало чем отличались от древних городов Двуречья – как обычно, в центре города стоял храм и располагалась площадь народных собраний, в храме обычно поклонялись Астарте-Иштар или Ваалу-Бэлу, а писцы пользовались шумерской клинописью. Но города шумеров располагались среди плоской колосющейся равнины, а здесь прямо у стен города плескалось море. Здесь было мало плодородной земли, и море заменяло пашни и пастбища: большинство горожан были рыбаками, моряками или купцами. Море кормило людей и открывало путь к хлебородным землям: когда наступал голод, многие горожане садились на корабли и плыли на запад – основывать колонии и поднимать целину на пустынных берегах Африки или Сицилии. Благодаря морской колонизации финикийская культура распространилась по всему Средиземноморью; её следы встречаются даже в далекой Англии. С другой стороны, эмиграция спасала города от голода и революций – поэтому здесь не было самодержавных царей; финикийские «цари» были всего лишь выборными вождями-жрецами – как в древнем Двуречье.

Море определяло жизнь людей; те, кто не хотел переселяться в колонии, должны были искать пропитание на просторах моря. Древнейшим после рыболовства морским промыслом было пиратство, разбойные набеги на прибрежные деревни, похищение людей. Потом появилась посредническая торговля – к примеру, рабов, купленных в Малой Азии, везли продавать в Египет. Сохранились описания меновой торговли финикийцев с африканскими племенами: купцы выгружали свои товары на берег и разводили сигнальный костер; местные жители, завидев дым, приходили к морю, брали товары и оставляли золото.

Финикийцы хранили в тайне свои морские пути и карты побережья – поэтому до сих пор неизвестно, как далеко заплывали эти отважные мореходы. В середине II тысячелетия они нашли где-то далеко на западе народ, богатый серебром и не знавший его истинной ценности. Эта сказочная серебряная страна называлась Таршиш и располагалась на берегу Океана за «Геракловыми Столпами» – Гибралтарским проливом. Вскоре за серебром устремились сотни финикийских кораблей, больших округлых парусников с высокой кормой и лошадиной головой на носу; эти «таршишские корабли» плыли днем и ночью, ориентируясь по Полярной Звезде. Оказалось, что Таршиш богат не только серебром, но и оловом, которое в сплаве с медью давало твердую бронзу – металл войны, из которого делали панцири и мечи. Финикийцы стали поставщиками олова для воинственных царей Азии; в финикийских портах тюки с оловом перегружали на спины ослов, и огромные караваны уходили через горы по степной дороге в Ашшур и дальше в города Вавилонии.

Огромные прибыли от посреднической торговли положили начало преуспеванию городов Финикии – но настоящий расцвет был ещё впереди. Вслед за торговлей финикийцы освоили экспортное ремесло – если раньше они просто покупали, везли и продавали, то теперь они стали покупать сырье, обрабатывать его и продавать ремесленные изделия. В городах стали создаваться бронзоволитейные мастерские, в которых работало множество литейщиков, кузнецов, чеканщиков. Ещё большее развитие получило ткачество; финикийцы покупали шерсть у живших за горами пастушеских племен, ткали ее и окрашивали свои

ткани пурпуром. Это был удивительный и редкий краситель, добывавшийся из береговых улиток; пурпурные ткани сохраняли свою свежесть столетия; это была одежда для царей и жрецов. Наконец, финикийцы сделали еще одно удивительное открытие – они изобрели стекло. По преданию, корабль, вёзший из Египта селитру, причалил на песчаном берегу, и, чтобы приготовить себе пищу, моряки поставили котлы на куски селитры. «Когда же они разогрелись и соединились с песком побережья, то образовался поток жидкости нового рода. И это, как говорят, было возникновение стекла». Первое стекло было непрозрачным, но из него можно было делать посуду и красивые бусы для женщин – эти блестящие камушки вызывали восторг у жителей средиземноморского побережья.

Ткани, стекло и бронза принесли необычайное процветание финикийским городам. Купцы и ростовщики жили во дворцах, над берегом возносились огромные храмы, в портах собирались сотни судов. Богатые города Финикии, Тир, Библ, Сидон, напоминали своей жизнью великий Вавилон; это были буржуазные города, где правили деньги и предприимчивость. Блеск буржуазной цивилизации восторгал библейских пророков: «Тир! Ты говоришь: „Я совершенство красоты“. Пределы твои в сердце морей, строители твои усовершенствовали красоту твою... Ты сделался богатым и славным среди морей». Посланцы финикийской цивилизации, ремесленники и строители, разносили её славу по окрестным странам; они учили ремёслам пастушеские народы и возвели Великий Храм в Иерусалиме. Для своих тайных записей купцы и мореходы изобрели алфавит, в котором каждый знак соответствовал одному звуку, а комбинации знаков слагались в слова. Это было великое изобретение; теперь, чтобы научиться грамоте, уже не нужно было несколько лет учить тысячи иероглифов. Очень скоро тайна перестала быть тайной, и алфавит распространился по всему Средиземноморью; его позаимствовали греки, римляне, а потом и многие другие народы. «Финикийяне, прибыв в Элладу... принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность», – писал великий историк Геродот.

Так постепенно в глазах людей формировался облик первой морской цивилизации: лес мачт на рейде, многолюдье рынков, богатство городов, купцы и ростовщики, считающие прибыль в своих конторах, ремесленники, создающие удивительные товары. Все это стало возможным благодаря морю, благодаря парусным кораблям, приходящим из дальних стран. Один корабль привозил товаров больше, чем караван верблюдов – в те времена настоящая торговля была возможна только по морю и торговые города возникали только у моря. Это был мир, непохожий на мир континентальных империй: торговое преуспевание, ввоз зерна и возможность эмиграции снижали демографическое давление, и в приморских городах сохранялась буржуазная демократия и свобода в сочетании с властью денег. Конечно, и здесь не обходилось без социальных конфликтов; до нас дошли смутные сведения о волнениях бедняков, требовавших Справедливости – то есть отмены долгов и освобождения должников – той самой Справедливости, которая была знаменем социалистических монархий на континенте. Кроме того, армии империй постоянно подступали к стенам приморских городов; царям Египта и Ассирии не давали покоя их богатство и свобода. Однако многие из городов были неприступны: Тир располагался на острове и, получая продовольствие по морю, мог не обращать внимания на стоящую на берегу царскую армию.

Пока финикийцы сохраняли господство на море, они сохраняли свои богатства и свою свободу; города процветали и выводили на берега Средиземного моря всё новые колонии. В IX веке выходцами из Тира был основан Карфаген, который вскоре сам стал большим торговым городом, господином западного Средиземноморья. Финикийские корабли заплывали все дальше в Атлантический Океан, достигая Британии и тропических островов; в конце VII века финикийцы обогнули Африку. Это удивительное путешествие продолжалось два с лишним года; находившиеся на службе у египтян финикийские капитаны отправились на юг вдоль побережья Красного моря и вернулись через Средиземное море, принеся с собой чудесные рассказы о южных звездах и о солнце, стоящем на севере.

Это был звездный час финикийского флота – но вслед за ним приближался последний час. В VII веке уже давно пиратствовавшие на море греки создали новый тип военного

корабля, быстроходную триеру с тремя рядами весел и мощным тараном, вспарывавшим днища судов противника. Финикийцы потеряли своё военно-морское превосходство; пришло время ожесточенных морских сражений, в которых сходились десятки судов и обломки кораблей усеивали берега. Чтобы сокрушить противника, финикийские города, сохраняя самоуправление, признали власть персов; в 481 году огромная персидская армия двинулась в Грецию; вдоль берега её сопровождал усиленный союзниками финикийский флот. В конце сентября 480 года в Саламинском проливе произошла одна из крупнейших в истории морских битв; союзники имели 700 кораблей, греки – вдвое меньше, но греческие триеры оказались непобедимыми. Легко маневрируя в мелководном проливе, они со всех сторон били таранами в неповоротливые финикийские корабли. Саламинская битва была великой победой греков и великим поражением финикийцев. Отныне греки стали господами моря, они захватывали и топили торговые суда, парализовав финикийскую торговлю. Посредническая торговля восточного Средиземноморья оказалась в руках греков; на смену процветанию Тира пришел великолепный расцвет Афин. Лишившись большей части своей торговли, города Финикии пришли в упадок, купцы и банкиры переводили свои капиталы в Афины – ведь золото не имеет родины и везде остается золотом. Финикийские купцы заселили целый квартал в Афинах и, одев греческие одежды, незаметно превратились в греческих купцов. Вслед за алфавитом Греция унаследовала их торговый опыт и предприимчивость – и, многократно усилившись, в конце концов, вместе с Александром Македонским подступила под стены Тира. Осада продолжалась семь месяцев, тирийцы эвакуировали большую часть жителей в Карфаген – но оставшиеся стояли до конца. В августе 332 года город пал; Александр приказал повесить всех уцелевших мужчин; женщины и дети были проданы в рабство.

Таков был конец Тира, первого города, породнившегося с морем. Люди ещё не раз селились среди древних развалин; нищие рыбаки сушили свои сети между колонн храма Ваала; жизнь уходила и возвращалась – но это была уже другая жизнь и другая история.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

Тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным его народом из всех народов, которые на земле.

Второзаконие 7,6 .

К югу от скалистого побережья Финикии горы постепенно понижались и расходились на ряд хребтов, чередующихся с зелеными долинами. Вдоль самой большой из этих долин среди субтропических лесов и зарослей папируса протекал Иордан, впадавший в Мертвое море – большое озеро с очень солеными, безжизненными водами. К востоку от Иордана простирались голые скалы и Аравийская Степь, где жили пастухи-семиты – воинственные варварские племена, часто терпевшие голод и сражавшиеся между собой за пастбища. В своей вечной борьбе эти племена постоянно передвигались по степи и вторгались в соседние долины; иногда эти вторжения имели масштабы нашествий – таковы были разрушительные нашествия амореев и арамеев. В XIII веке в долину Иордана из степи вторглись племена иври, евреи; они вырезали жителей долины, сожгли деревни и разрушили города. «И предали заклятию всё, и всё истребили мечом», – так описывает нашествие Библия.

Евреи поселились в опустошенной стране и поделили её между своими двенадцатью племенами; эти двенадцать воинственных племен назывались Израиль, «Бог сражается». «Сражающимся богом» был племенной бог евреев Яхве, с которым они заключили завет из десяти заповедей. «Я – Яхве, твой бог... – сказал Господь, явившись в облике пламени перед вождем иври Моисеем, – да не будет у тебя других богов, кроме меня. Не сотвори себе кумира... и не поклоняйся ему... Не произноси имя Яхве, бога твоего, всуе... Помни день субботний, чтобы сохранить его святым... Чти отца своего и мать свою... Не убий, не прелюбодействуй, не укради, не свидетельствуй ложно на ближнего твоего, не пожелай дома

ближнего твоего, не пожелай жены ближнего твоего... ни чего бы то ни было ближнего твоего». По приказу бога Моисей изготовил богато украшенный золотом ларец, в который положил две каменные скрижали со словами завета; этот «ковчег завета» стал главной святыней евреев, которую они носили с собой в своих скитаниях по степям и пустыням.

Поселившись в долине Иордана, евреи поначалу жили привычной пастушеской жизнью, обитали в палатках и вместе со своими стадами переходили с одного пастбища на другое. Однако настало время, когда стада не смогли прокормить умножившийся народ; тогда пастухи взялись за мотыги и стали обрабатывать землю, построили хижины из глиняных кирпичей и поделили поля сначала между родами, а потом и между семьями. Первое столетие после завоевания прошло в относительно мирной жизни; в это время еврейскими племенами предводительствовали выборные жрецы-судьи. Однако в XII веке на Ближний Восток обрушилось нашествие «народов моря», огромное скопище племен и народов двигалось вдоль средиземноморского берега на кораблях и колесницах. Фараон Рамзес III сумел остановить нашествие у границ Египта, и часть варваров осела на побережье по соседству с Израилем. Их звали филистимляне, и они дали стране свое название – Палестина. Филистимляне обладали новым оружием – железными мечами; их воины носили медные шлемы и чешуйчатую броню, в то время как евреи зачастую выходили в бой с одной пращей – как Давид против Голиафа. «И сразились филистимляне и поражены были израильтяне и было поражение весьма великое, и пало израильтян тридцать тысяч, и ковчег божий был взят», – говорит Библия. После долгой войны и многих поражений народ потребовал у судьи Самуила установления царской власти: «Пусть царь будет над нами, и мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши». Тогда Самуил позвал юношу Саула, который «был от плеч своих выше всего народа». "И взял Самуил сосуд с елеем, и вылил на голову его, и поцеловал его, и сказал: «Вот, Господь помазывает тебя в правители наследия Своего в Израиле, и ты будешь царствовать над народом Господним и спасешь их от руки врагов, окружающих их...»

Таково было происхождение монархии – это была военная диктатура, пришедшая к власти в час испытаний. Саул провел свою жизнь в войнах и погиб в бою с филистимлянами. Его приемник Давид перенял военное искусство филистимлян, научил евреев стрелять из лука и вооружил их железными мечами; в конце концов, филистимляне были отражены. Сын Давида, Соломон (965-928), завершил создание израильского государства; он завел чиновников, писцов и установил налоги. Символом нового царства стал великий храм в Иерусалиме, огромное здание из камня, отделанное кедром и золотом; в глубине его под распушенными крыльями херувимов стоял ковчег завета. Евреи не умели строить каменных зданий, и всеми работами руководили финикийские ремесленники, присланные из Тира по просьбе царя. У финикийцев был позаимствован и алфавит, которым были записаны древнейшие книги Библии.

Строительство первого храма ознаменовало вхождение Израиля в число цивилизованных государств. В борьбе с врагами Израиль был вынужден перенимать оружие, военные и государственные порядки, культуру соседних стран – этот процесс историки называют **МОДЕРНИЗАЦИЕЙ**. Благодаря модернизации культура Двуречья, Египта, Финикии распространялась по всему миру, завоевывая новые страны и подчиняя новые народы – евреи были лишь одним из молодых варварских народов, примкнувших к древней цивилизации.

Этот молодой народ отличала одна особенность: удивительная приверженность своему богу. У других племен или городов тоже были свои племенные или городские боги – но другие народы допускали возможность существования других богов, и рядом с храмом городского бога часто стояли святилища божеств соседних городов – ведь неплохо было бы заручиться и их поддержкой. Евреи не признавали других богов, одна из заповедей гласила: «Не поклоняйся и не служи им, ибо я, Яхве, твой бог – бог ревнивый». Чтобы сохранить веру, Яхве запретил евреям родниться с иноплеменниками: «Не вступай с ними в родство: дочери своей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына своего, ибо они отвратят

сынов твоих от меня». Этот закон обособил евреев от других народов; в то время как другие племена беспрестанно смешивались между собой, растворяясь среди новых наций, евреи жили отдельно и, куда бы не забросила их судьба, создавали свою отдельную общину. Судьба же евреев была трагичной – как судьба всех маленьких народов, расположенных между великими империями, Египтом и Ассирией. После смерти Соломона единое государство евреев распалось на два слабых царства, Израиль и Иудею. Армии могущественных держав не единожды разоряли страну, сжигали города; в конце концов, в 586 году вавилонский царь Навуходоносор II разрушил Иерусалим и увел уцелевших жителей в вавилонский плен. «Сидят на земле и молчат старцы Сиона, посыпали голову пеплом, оделись в рубище... – говорил пророк Иеремия. – Мои глаза истощились от слез, всё горит во мне, когда думаю о великом горе народа моего...»

Так закончилась история еврейских царств и началась история рассеяния еврейского народа, история борьбы и страданий. Евреи снова и снова пытались вернуться на свою родину и восстановить Храм – но приходили новые цари и снова разрушали Иерусалим. Это была отчаянная борьба маленького народа с великими империями – борьба, обреченная на поражение. В конце концов, евреи были изгнаны со своей родины и рассеялись по всему свету – но это было уже в другие времена, после прихода в мир Иисуса Христа.

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

Господь премудростью основал землю, а небеса утвердил разумом.

Притчи Соломона 3,19.

Печальна судьба изгнанников – жить в чужой стране под властью чужих царей, терпеть гонения за своего бога и свою веру. Только вера могла поддержать евреев в час испытаний, вера и терпение – и всюду, куда бы не забрасывала их судьба, они объединялись в общины во главе с учителем веры, раввином. Каждую субботу в маленькой общинной синагоге седовласый раввин разворачивал свиток Торы, святой книги, повествующей о истории евреев и о их Боге. Этот всеильный Бог – Яхве, Элохим или Аллах – был также богом христиан и мусульман, а святая Тора называлась у христиан Библией – в эту книгу верили многие народы, и разница состояла лишь в том, что евреи не признавали других книг, новых пророков и Нового Завета. Они не уверовали в Иисуса и Мухаммеда и остались со своей старой религией, со своими легендами и преданиями, переносящими нас в глубины тысячелетий.

"В начале сотворил Бог небо и землю, – так начинается Библия. – Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: «Да будет свет». И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет «днем», а тьму «ночью». И был вечер, и было утро: день первый".

Потом был второй день творения, а потом третий; на шестой день Бог создал человека: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою! И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке и поместил там человека, которого создал... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел к человеку... И нарек Адам имя жене своей Ева. Ибо она стала матерью всех живущих».

Ева по-древнееврейски означает «жизнь» или «дающая жизнь». Это была уже знакомая нам Великая Мать, Иштар или Астарта, в новом обличье – Ветхий Завет донес до нас сказания Востока, легенды Урука и Вавилона, но донес в том виде, в каком они доходили до пастухов, обитавших на краю пустыни. Господь Бог явился к вождю пастухов, Иакову, восседающим на вершине огромной лестницы со стоящими по краям ангелами. «Как страшно сие место! – сказал Иаков. – Это не что иное, как дом божий, это врата небесные».

«Врата небесные» – так звали тогда великий Вавилон, а дом божий с огромной, уходящей в небо лестницей – это зиккурат Этеменанки, знаменитая «Вавилонская башня», на вершине которой находилась обитель бога Бэла. Бэл, Эл, Элохим или Ваал означало просто «бог» или «господин»; все это был один и тот же бог, которому под разными именами поклонялись все народы Востока – быть может, потому, что первоначально это был бог великого Вавилона.

Бог создал Адама и Еву и поселил их в раю, где росло «древо познания» – но запретил им вкушать плоды с этого дерева. Но появился змей-искуситель (ведь Библия не знала дьявола), сказавший Еве: «В день, когда вы вкусите их, откроются глаза ваши и вы будете как боги, знающие добро и зло». Адам и Ева вкусили от древа познания и были изгнаны из рая – так отразилось в предании окончание Золотого Века, времени, когда люди жили, как будто в раю.

Адам познал Еву, и она родила Каина и Авеля; Каин был крестьянином-пахарем, а Авель – «пастырем овец». Бог оказал предпочтение Авелю (ведь евреи были пастухами), братья поссорились, и Каин убил Авеля. Начались распри между скотоводами и земледельцами, а затем и всеобщая вражда: «Земля растлилась перед лицом божьим, и наполнилась земля злодеяниями». Это было время грехопадения, когда людей стало много и им пришлось сражаться за хлеб и место под солнцем. "И увидел Господь бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем... И сказал Господь: «Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; всё, что есть на земле, лишится жизни».

Господь пощадил лишь одного праведного человека, Ноя, наказав ему построить корабль-ковчег и взять с собой жену, сыновей и «всякой твари по паре». Затем начался Великий Потоп, легенды о котором сохранились у многих народов мира; археологи свидетельствуют, что развалины древнейших поселений в Двуречье были погребены под трехметровым слоем ила. «Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей... Истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных – всё истребилось с земли, остался только Ной и что было с ним в ковчеге». Через девять месяцев наводнение закончилось, и из под воды снова показалась земля. "И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» От них распространились народы на земле после потопа. Сначала на всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар (в Двуречье) равнину и поселились там... И сказали они: «Построим себе город и башню, высотой до небес». Это не понравилось Господу и он смешал языки людей. «И они перестали строить город. Посему дано ему имя Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле».

Вавилон был центром человеческой цивилизации, великим городом, приводившим в изумление жившие на границе степи бедные пастушеские народы. Среди этих народов было племя авам-рам или авраам, давшее начало евреям-иври. В середине II тысячелетия это племя было подхвачено волной переселения народов – той самой Волной, которую породило появление боевой колесницы. Вместе с гиксосами евреи оказались в Египте, а затем бежали оттуда, возле горы Синай приняли завет Господень и, объединившись под знаменем святой веры, завоевали «обетованную землю», которой дали свое имя – Израиль. Библия рассказывает о жизни родоначальников-патриархов, о истории Израиля, о царях, пытавшихся установить справедливость и о пророках, наставлявших людей на путь истинный. Это была книга о истории древнего народа, которая содержала всё, что веками передавалось из уст в уста – пророчества, молитвы, притчи и любовные песни. Эта книга содержала в себе всё, и в средние века её называли просто Книгой; большинство евреев и христиан не знало других книг. Босоногий монах с крестом и Книгой за поясом шёл к диким варварам, в леса и пустыни, чтобы научить их слову Божьему – и одновременно приобщить их к культуре. Чтобы донести Библию до новых народов епископ Ульфила создал

германскую письменность, а епископ Кирилл – славянскую, – и потом, когда появилось книгопечатание, первой печатной книгой опять была Библия. Библия лежала на императорском троне в Константинополе, и, опираясь на Библию, давали клятвы цари и президенты: «Чти отца своего и мать свою... Не убий, не прелюбодействуй, не укради, не свидетельствуй ложно на ближнего твоего, не пожелай дома ближнего твоего, не пожелай жены ближнего твоего... ни чего бы то ни было ближнего твоего».

ИСТОРИЯ АРИЙСКОГО РЕЙХА

*– О, праведный творец мира, когда
проявляется сущность веры? – спросил
пророк. И сказал Ахурамазда:*

– Когда усердно возделывают хлеб.

Вендидад, гл. III

Родиной земледелия и цивилизации был Ближний Восток – две великие речные долины и окружающие их предгорья. Это был дом Нового Человечества, и отсюда оно расселялось на запад и на восток: почувствовав нехватку земли, крестьяне взваливали на плечи мотыги и шли осваивать целину – шли туда, где за дальними холмами на горизонте еще лежала девственная равнина. К востоку от обетованной долины Двуречья лежало Иранское нагорье: большая пустыня, окруженная кольцом степей и оазисов, за которыми возвышались покрытые снегом горы. В III тысячелетии в оазисах было уже много деревень и городов с храмами, похожими на храмы Двуречья. Когда во II тысячелетии на Ближний Восток обрушилась Волна из Великой Степи, эти города и деревни обратились в руины; ворвавшиеся на плоскогорье арии истребили местное население и дали завоеванной стране своё имя – Иран.

Первое время после завоевания арии жили своей обычной пастушеской жизнью, пасли стада среди заросших лебедой развалин и поклонялись своим племенным богам-дэвам. Но затем население возросло, и – как когда-то в Великой Степи – арийские роды сошлись друг с другом в извечной войне за пастбища. В разгар этих всеобщих войн среди враждующих племен появился пророк Заратуштра – бедный жрец, имя которого означало «верблюжий погонщик». Заратуштра призывал соплеменников оставить войну и перейти к мирному земледелию, сменить меч на плуг и кормиться от земли – ведь пшеничные поля могли прокормить тысячи людей, и ни к чему было проливать кровь в борьбе за пастбища. Заратуштра говорил от лица Ахурамазды, светлого и доброго бога, создавшего мир и людей, бога Справедливости и Правды. Воплощением Ахурамазды был горящий на алтаре огонь; жрецы-маги поддерживали этот вечный огонь и возливали в него священную хаому – напиток богов, приводивший в экстаз и богов и смертных. Всех племенных богов-дэвов, подстрекавших людей к войнам, Заратуштра объявил демонами зла, чертями; их предводителем был дьявол Ахриман – извечный враг Ахурамазды, стремившийся подчинить себе людей. Дьявол был богом тьмы и смерти, хозяином мертвых тел, поэтому трупы умерших считались нечистыми, и, чтобы не осквернять ими землю, их выставляли на помосте на съедение стервятникам. Такие кладбища с разбросанными костями и поедающими трупы грифами действительно напоминали ад – жилище дьявола, где было суждено мучиться грешникам. Проповедь Заратуштры о дьяволе, аде и рае, страшном суде и грядущем пришествии Господа была услышана многими народами; много веков спустя в нее уверовали христиане и мусульмане; мир людей наполнился незримыми духами и кознями Князя Тьмы, единственным средством против которых была молитва, обращенная к Господу.

Нужда и проповеди Заратуштры побудили часть ариев перейти к земледельческому труду, в оазисах снова появились деревни из глинобитных домов, и поля снова заколосились пшеницей. Преумножившиеся арийские племена разделились на два родственных народа, мидян и персов; тех ариев, которые остались кочевать в степи, называли курдами. Мидяне, жившие по соседству с Ассирией, завели у себя царей и чиновников-писцов. В VII веке на Ближний Восток обрушилась новая Волна; вторгшиеся в Иран скифы вовлекли местные племена во всеобщее движение на запад. Персы и мидяне научились у скифов стрелять на скаку из лука; сами же скифы, пришедшие в Иран без женщин – как ходят в набег – вскоре растворились среди своих арийских собратьев.

Порожденная скифами Волна, между тем, продолжала движение на запад; в 612 году погибла в пламени гордая столица Ассирии, Ниневия; конные орды устремились к Средиземному морю, к теплым долинам Малой Азии. В то время как конница подминала под себя всё новые страны, мидийские цари продолжали перенимать обычаи поверженной великой Империи. Это был сложный процесс **СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА**, когда варвары усваивали местные традиции и устраивались в завоеванной ими стране. Завоеватели не меняли местных обычаев: «царские люди» по-прежнему обрабатывали свои поля, а чиновники-писцы собирали налоги, принося их новым господам. Мидийские цари заменили царей Ассирии и стали обращаться со своими родовичами так, как обращаются самодержавные цари со своими слугами. Это вызвало недовольство родовой знати, еще хранившей предания о степной демократии – о времени, когда народ выбирал царей, поднимая их на белой кошке. В 558 году знать восстала в защиту старых обычаев, свергла мидийского царя Астиага и вручила престол вождю персов Киру.

Царь Кир Великий сумел совместить обычаи победителей и побежденных; он положил начало великой Персидской Империи. Вожди знатных родов стали сановниками Империи и наместниками провинций, сатрапами; они владели обширными поместьями и собственными дружинами. Рядовые персы превратились в военное сословие; они жили военными общинами, земли которых обрабатывали рабы и арендаторы – сами же персы проводили время в походах. «Главная доблесть персов – мужество, – писал Геродот. – Детей с пяти до 20-летнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости». Непобедимая конница персов покорила весь Ближний Восток: в 539 году пал великий Вавилон, в 525 году был завоеван Египет. Персидский царь Дарий (522-486) провозгласил себя «царем царей», и «царем всей земли» – действительно, власть персов распространялась на весь цивилизованный мир; лишь далеко на западе оставались непокоренными некоторые греческие племена.

Так же, как ассирийцы, персы приводили из походов десятки тысяч пленных и селили их в центральных областях своей державы. Толпы пленных возводили великолепные дворцы Персеполя, новой столицы мира; этот город-дворец был сооружен на огромной искусственной террасе и возвышался над равниной, находясь как бы между землей и небом. В город вела широкая парадная лестница, украшенная цветными рельефами с изображением 33 народов, несущих дань царю царей; по обеим сторонам лестницы стояли гвардейцы с копьями. Через огромные Всемирные Ворота дорога вела к «ападане» – самому большому дворцу в мире; в его зале могло поместиться десять тысяч человек, а потолок поддерживал целый лес высоких, теряющихся в полумраке колонн.

Белый город между землей и небом был символом Всемирной Империи, здесь хранились сказочные сокровища царей, отсюда расходились мощёные камнем дороги в провинции. Через каждые 20 километров на дороге стояла гостиница и почтовая станция, где гонцы меняли своих лошадей. Прибыв на место, гонец вручал написанное на коже послание царским писцам – потомкам ассирийских и вавилонских писцов, которые по-прежнему управляли государством. Писцы собирали с крестьян налог в десятину урожая и отправляли в столицу мешки с золотыми монетами – «дариками». На монетах, впервые появившихся в те времена, был изображен царь Дарий – эти золотые кружочки были ещё одним символом Всемирной Империи; символом богатства и мощи великих царей. Двести лет персы правили

миром и каждый Новый Год царь восходил на вершину огромной ступенчатой пирамиды и приносил жертву огню – символу Света и Правды. "Говорит Дарий-царь: «Для правдивого я друг, для несправедливого – враг. Мое желание – справедливость». Однако через два века наступило время перемен, из глубин западных гор явился новый народ, владеющий новым оружием. Этим новым народом были никому не известные варвары-македоняне, а новым оружием – знаменитая македонская фаланга. Однако прежде, чем перейти к рассказу о подвигах Александра Македонского, нам нужно познакомиться с историей греков – того самого западного народа, который сумел остановить персидскую конницу.

Глава IV. История Древней Греции

ПРЕДАНИЯ ЭЛЛАДЫ

*Из древка копья создал Зевс людей – страшных и могучих.
Возлюбили люди Медного Века гордость и войну, обильную
стонами...*
Гесиод.

Дolina Нила и долина Двуречья были двумя первыми очагами цивилизации, местом где началась история человечества. В то время как остальной мир еще жил тихой жизнью Золотого Века, здесь уже шумели многолюдные города, и цари восходили на зиккураты, чтобы встать рядом с богами. На востоке и на западе, между тем, продолжалось медленное расселение земледельцев, и крестьяне с мотыгами шли к дальним холмам, чтобы вспахать новое поле. В VI тысячелетии земледельцы пришли на Балканы; это был гористый полуостров, далеко выдающийся в море. Маленькие речные долины выходили к изрезанному бухтами побережью, а в море виднелись разбросанные то здесь, то там зеленые острова. Эта страна побережий и скал называлась Элладой, Грецией, а её население – эллинами. Гряда островов соединяла Азию и Европу: когда появились многовёсельные лодки, острова стали дорогой для переселенцев из цивилизованных стран и на крупнейшем из них, Крите, тоже выросли города, дворцы и храмы. Одним из таких дворцов-храмов был знаменитый Лабиринт, дворец могущественного царя Миноса. По преданию, Минос требовал, чтобы жители полуострова приносили ему ежегодную дань: семь юношей и семь девушек, которых пожирало жившее в Лабиринте чудовище Минотавр. Минотавр имел туловище человека и голову быка – на Крите действительно поклонялись быку, и, вероятно, царь-жрец приносил жертвы, одев маску с головой быка. Среди семи предназначенных в жертву юношей оказался красавец Тесей, в которого влюбилась дочь Миноса Ариадна; она дала своему возлюбленному меч, чтобы убить чудовище, и клубок ниток, чтобы не потерять дорогу среди запутанных коридоров Лабиринта.

В середине II тысячелетия дворцы, города и храмы Крита были разрушены нахлынувшей на балканский мир Волной из Великой Степи. Завоеватели-ахейцы обратили в рабов уцелевших туземцев и обосновались на юге полуострова, в Микенах. Подобно хеттской Хаттусе Микены были городом-лагерем, откуда ежегодно уходили в походы сотни колесниц. Руками тысяч пригнанных из походов пленных были возведены могучие стены микенской крепости и похожие на средневековые замки дворцы ахейских царей. У покорённых критян ахейцы заимствовали царскую власть, храмовое хозяйство и письменность. Когда полуостров был полностью покорен, завоеватели пересели с колесниц на корабли и стали совершать набеги на берега Средиземноморья. По преданию, первый большой корабль с парусом и 50 веслами построил мастер Арг, и он назывался «Арго». 50 героев-"аргонавтов" во главе с Ясоном отправились на этом корабле к берегам теперешней Грузии за «Золотым руном» – золотой шкурой волшебного барана. Им пришлось преодолеть бури и узкие проливы среди скал, которые сходились и расступались на пути

мореплавателей – это была первая морская эпопея, первый дошедший до нас рассказ о приключениях древних мореплавателей. Одним из аргонавтов был Геракл – знаменитый герой, кумир ахейских воинов, прославившийся своими двенадцатью подвигами. Это было время, когда легенды воспевали богатырей, воинов, охотников и искателей приключений. Геракл сражался во главе войска, в одиночку убил могучего льва и страшного вепря, поймал волшебную лань, взял в плен царицу амазонок, победил кентавров, укротил критского быка и убил змею-гидру. Змея и бык – это были боги-тотемы племен, с которыми сражались ахейцы, кентавры – первые всадники, дружины которых время от времени прорывались из Великой Степи, а амазонки – дочери кентавров, ходившие в набеги вместе со своими отцами.

По легенде, Геракл был сыном Зевса, бога-громовержца, разьежавшего по небу в огненной колеснице. Боги ахейцев были близки миру людей: это были родоначальники знатных родов, герои давних битв, со временем переселившиеся в обитель богов на священной горе Олимпе. Здесь они жили так же, как когда-то на земле – пировали, сражались, любили, рожали детей. Один из братьев Зевса, Посейдон, был владыкой морей, другой, Аид – хозяином подземного царства. Сын Зевса Аполлон был богом света и покровителем искусств; его дочь Артемида – богиней охоты. Гермес заведовал торговлей, Гефест был покровителем кузнецов; Олимп населяло множество богов и богинь, и некоторые из них имели восточные черты. Прекрасная богиня любви Афродита, по легенде, родилась из морской пены у берегов острова Кипр и очень напоминала финикийскую Астарту; так же, как Астарта, она любила юного бога растительности Адониса (Таммуза), умиравшего зимой и воскресавшего весной.

По преданию, Афродита была женой бога войны Ареса: в те времена красота была добычей и наградой на поле боя. Великий поэт Гомер оставил поэму о войне, вспыхнувшей из-за прекрасной Елены, жены одного из ахейских вождей, похищенной сыном троянского царя, Парисом. Царь Микен Агамемнон, собрав сотни кораблей и десятки тысяч воинов, десять лет осаждал Трою, большой город на побережье Малой Азии. Тысячи стихов «Илиады» посвящены описанию бесчисленных кровавых битв и воинских подвигов. В конце концов, ахейцы овладели городом, перебили мужчин и поделили между собой пленных женщин. Троя была разграблена и сожжена – так же, как и многие другие города, ставшие добычей завоевателей. Судьба была неблагоприятна и к победителям – на обратном пути их флот попал в бурю, и немногие уцелевшие корабли унесло к неведомым берегам. Один из ахейских вождей, Одиссей, десять лет странствовал по морям прежде, чем добрался до родины; он побывал на острове людоедов, в опасном проливе между скалами Сциллой и Харибдой, был в плену у одноглазых великанов-циклопов и претерпел много сказочных приключений – обо всем этом рассказывает Гомер в «Одиссее». «Илиада» и «Одиссея» оставили для нас картину далекого мира II тысячелетия до нашей эры – мира, в котором зло соседствовало с добром, богатство – с нищетой и любовь – с ненавистью, но зла и ненависти было больше, чем любви и добра. В те времена было принято выкалывать глаза рабам, игравшим на лире для ублажения своих господ, – и Гомер был тоже слепым. Слепые музыканты сочиняли песни, прославлявшие благородных героев; со временем полузабытые песни превращались в легенды, и покрытая дымкой времени история приобретала фантастические очертания: «Из древка копья создал Зевс людей – страшных и могучих. Возлюбили люди Медного Века гордость и войну, обильную стопами... Зевс дал им громадный рост и неукротимую силу. Неукротимо, мужественно было их сердце и неодолимы руки. Оружие их было выковано из меди, из меди были их дома, медными орудиями работали они. Не знали еще в те времена тёмного железа. Своими собственными руками уничтожали друг друга люди Медного Века».

СПАРТАНСКИЙ ПОРЯДОК

*Так как потомки вы все несравненного
в битвах Геракла – вражеских полчищ*

не бойтесь, не ведайте страха.
Тиртей.

Люди Медного Века уничтожали друг друга своими собственными руками. Вскоре после того, как царь златообильных Микен Агамемнон с победой вернулся из Трои, на Балканы ворвалась новая Волна из Великой Степи. Уходя от Волны, северные греческие племена, дорийцы, лавиной двинулись на юг полуострова. Микенские цари согнали тысячи крестьян и воздвигли огромную стену на перешейке севернее Микен – но напрасно. Дикие варвары прорвались на юг; города, храмы, деревни – всё обратилось в пепел. Охваченные ужасом ахейцы уходили на кораблях в море, бежали на западные берега Малой Азии; волна перемешавшихся между собой народов прокатилась по средиземноморскому побережью вплоть до границ Египта.

Два или три столетия после нашествия страна лежала в развалинах, пашни заросли кустарником, в руинах древних городов обитали волки. Завоеватели поработили часть местных жителей и заставили их обрабатывать поля для новых господ; они укрепились в окруженных частоколом поселках, откуда совершали набеги на ещё оставшиеся непокорёнными ахейские деревни. Это было время торжества варваров, храмы были разрушены, письменность забыта; дорийцы не умели возводить каменных зданий и жили в грубых избах из неотесанных брёвен. Одним из дорийских поселений была знаменитая Спарта – город, который долгое время хранил обычаи завоевателей и следовал им в то время, когда в других местах они стали смутной легендой. Законы Спарты было запрещено записывать на папирусе или коже, они передавались из уст в уста как «фетры Ликурга» – изречения легендарного законодателя, обновившего древние традиции.

Ликург говорил, что дело спартанцев – это война и только война: граждане Спарты постоянно носили оружие и спали, положив рядом копье. В своем городе, так же, как в походе, они жили взводами-эномотиями, вместе ели чечевичную похлебку и вместе занимались воинскими упражнениями на большой поляне, которую называли «гимнасием». Спарта была «общинной равных», союзом братьев по оружию наподобие степных родов и племен – и так же, как в степи, муж мог одолжить «брату» свою жену, и любой мог при необходимости воспользоваться чужой лошастью или оружием. Так же, как в Степи, дети подвергались суровым экзаменам на здоровье и выносливость. Старики придирчиво осматривали только что родившегося ребёнка, и, если он был слаб или уродлив, то его бросали в пропасть у горы Таигет. В семь лет мальчиков отнимали у матерей и объединяли в группы – «стада» во главе с воспитателем. С этого момента ребята жили вместе, приучались есть скудную пищу, спать на подстилке из тростника, ходить босыми и нагими – лишь 12-летним подросткам давали грубые плащи. Жизнь мальчишеских «стад» проходила в физических упражнениях и жестоких драках, постепенно превращавшихся в военные учения. Чтобы научить юношей убивать, их отправляли в ночные «охоты за головами» – как когда-то в Великой Степи, чтобы доказать свою доблесть, юноша должен был принести голову илота. Илоты – буквально «плененные» – были потомками поработанного завоевателями местного населения; они жили в своих хуторах вокруг Спарты, обрабатывая господские поля. Хотя илотам и запрещалось владеть оружием, они могли постоять за себя, и подростку было нелегко справиться с взрослым мужчиной.

Когда юноша достигал 20-летнего возраста, он становился воином и участвовал в походах, но еще десять лет должен был жить в палатке своей эномотии. Лишь в 30 лет, побывав во многих сражениях, он получал право жениться на молоденькой 15-летней девушке – настолько юной, что в день свадьбы она жертвовала богине свою любимую куклу. По обычаю, воин, должен был выкрасть свою возлюбленную из родительского дома; после свадьбы он строил себе бревенчатый дом и получал от государства земельный надел. Землю воина обрабатывали илоты, обязанные обеспечивать его семью ячменным хлебом и оливковым маслом. Спартанцы были приучены довольствоваться малым и не знали, что такое роскошь, они не брали в руки серебра и золота, носили одинаковые красные плащи из

грубой ткани, почти не пили вина и за общим обедом довольствовались похлебкой из чечевицы с бычьей кровью. Во время этих обедов, «сесситий», старики рассказывали о героях былых дней и их славных подвигах. Лишь немногие из воинов доживали до старости – и тем большее уважение оказывалось седым патриархам. 28 самых почтенных старцев выбирались в совет старейшин, герусию, которая вместе с народным собранием управляла городом в мирное время. Во время войны власть принадлежала двум командующим-«царям», доблестным воинам, которые вместе со всеми ели чёрную похлебку и, подавая пример, сражались в первых рядах. На поле боя спартанцы строились «фалангой», плотными рядами, сомкнув щиты и выставив копья. В этом строю плечом к плечу стояли закаленные воины, с детства привыкшие сражаться, привыкшие помогать друг другу и, стиснув зубы, терпеть боль; они были достойны победы – и всё же спартанцы не одержали бы и малой доли своих побед, если бы эти прекрасные солдаты не обладали столь же прекрасным оружием. Спартанский воин был «человеком из бронзы», он был одет в панцирь, поножи и шлем – в бронзовые доспехи общим весом в шестнадцать килограммов. По тем временам такие доспехи стоили большие деньги – и лишь обладатели доспехов считались полноправными гражданами Спарты. Тяжеловооруженный воин, гоплит, был господином на поле боя; фаланга гоплитов была подобна неприступной стене – выставленные вперед копья, сомкнутые щиты и пышные султаны над блестящими шлемами:

Так как потомки вы все несравненного в битвах Геракла,
Вражеских полчищ не бойтесь, не ведайте страха,
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый, сжав зубы, на месте стоит неподвижно,
Бедра и голени, грудь свою вместе с плечами,
Медным щитом, закреплённым в руке, прикрывая,
Правой рукой потрясая могучею пикой,
Плотно сомкнувшись, грудь с грудью, пусть каждый
дерется с врагами...

РЕВОЛЮЦИЯ

*Тиран становится из среды народа против знатных,
чтобы народ не терпел от них никакой несправедливости.*
Аристотель. Политика.

С парта располагалась на крайнем юге Балканского полуострова, в богатой долине Эвроты. На зелёной равнине вокруг города были разбросаны хутора илотов, а дальше, у подножия окружающих долину гор, располагались деревни пэриек. Пэриекы – «живущие вокруг» – были потомками ахейцев, они сохраняли свою свободу и жили по своим законам, но платили Спарте дань и в случае нужды посылали своих воинов на подмогу спартам. На севере, за горами, располагались другие дорийские общины – Коринф, Аргос, Мегары; здесь тоже была своя знать, свои пэриекы и илоты, но илотов было меньше, и часть дорийцев была вынуждена вместе с простолюдинами работать в поле. За Коринфским перевалом лежала Аттика, плоская равнина, посреди которой недалеко от моря возвышался обрывистый холм; на его вершине в крепости-«акрополе» укрепилась ещё одна община завоевателей, называвшая себя эвпатридами, «потомками благородных отцов». У подножия холма располагались рыночная площадь, «агора», и около сотни крытых черепицей домов – этот маленький городок назывался Афины.

Жизнь Греции текла своим чередом, крестьяне пахали поля и прислуживали своим господам, поселки постепенно разрастались в города, и, в конце концов, стала ощущаться нехватка земли. Привыкшие сражаться за землю спартамцы двинулись на запад, в Мессению, и в середине VIII века завоевали эту плодородную область. Мессенцы были обращены в илотов, и Спарта была надолго обеспечена хлебом – но для других общин наступило время голода. Крестьянские наделы дробились и не могли прокормить земледельцев; простолюдины брали в долг у знати – к концу VII века большая часть земель Аттики была заложена богачам-эвпатридам. Потерявшим свои наделы оставалось идти, куда глаза глядят – а глаза всей Греции издавна смотрели на море. Море плескалось у подножия холмов и билось о борта рыбачьих лодок, а за морем лежали пустынные, ещё не освоенные берега, где каждый мог найти свое поле. Вслед за финикийцами греки ещё раз открыли великий секрет спасения от голода: когда наступал голод, бедняки садились на корабли и плыли в дальние страны – основывать переселенческие колонии и поднимать целину в Италии или в Крыму. В VII веке берега Средиземного и Чёрного морей оказались усеянными поселками греческих колонистов; со временем эти поселки превратились в города; сицилийские Сиракузы, крымский Херсонес, Мессалия в устье Роны могли сравниться с крупнейшими городами Греции.

Колонизация отсрочила наступление Сжатия, но не смогла остановить ход событий. Как всегда, повышение демографического давления принесло с собой голод, войны и социальные революции. В 657 году вспыхнула революция в Коринфе; поставленный народом диктатор Кипсел частью истребил, частью изгнал дорийскую знать, а её имущество и земли роздал простолюдию. «Лучшие люди в изгнании, а городом подлые правят», – писал один из «лучших людей», «аристократов». В 594 году народ поднялся против аристократов в Афинах, после долгой борьбы противники обратились за посредничеством к знаменитому мудрецу Солону. Побывавший на Востоке Солон предложил реформу наподобие восточной «Справедливости»: он аннулировал долги, освободил должников рабов и вернул крестьянам их заложенные земли. Солон отменил прежнее деление на благородных-эвпатридов и простолюдию; он разделил народ на четыре класса в зависимости от размеров имущества; реальная власть принадлежала немногочисленным состоятельным гражданам, способным купить вооружение гоплита. Реформа Солона не остановила революцию; вождём простого народа, «демоса», стал известный полководец Писистрат; в 560 году он овладел акрополем во главе отряда вооружённых дубинами крестьян. В конце концов, афинские аристократы разделили судьбу своих коринфских братьев, одни из них пали в сражениях, другие бежали из страны; дубины простолюдия одержали верх над мечами гоплитов.

Как и в других странах, греческое Сжатие породило революцию и монархию. Ненавидевшие новых монархов аристократы называли их «тиранами» и душителями свободы – но в действительности «тирания» была лишь продолжением «демократии», «власти народа».

– Ну так давай рассмотрим, милый друг, каким образом возникает тирания, – говорил великий философ Платон в одном из своих диалогов. – Что она получается из демократии – это-то, пожалуй, ясно. Разве народ не привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и возвеличивать? Значит, это-то уж ясно, что когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа. Карая изгнанием и приговаривая (зная) к страшной казни, он, между тем, будет сулить отмену задолженности и **ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ** ...

Философы далеких времен прекрасно понимали суть происходивших событий: ведь история творилась на их глазах. Повсюду, в Греции и на Востоке, события развивались по одному сценарию, и Платон лишь повторял на свой лад вступление к древним, как мир, законам Востока:

– Тогда-то меня, Хаммурапи, назвали по имени, дабы Справедливость в стране была установлена, дабы погубить незаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого, дабы плоть людей была удовлетворена...

Еще более точный перевод этих бессмертных строк дал другой великий ученый Греции, Аристотель:

– **ТИРАН СТАНОВИТСЯ ИЗ СРЕДЫ НАРОДА ПРОТИВ ЗНАТНЫХ** , – писал Аристотель, – **ЧТОБЫ НАРОД НЕ ТЕРПЕЛ ОТ НИХ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ... СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЖЕ, ПО ОБЩЕМУ УТВЕРЖДЕНИЮ, ЕСТЬ НЕКОЕ РАВЕНСТВО...**

ЗОЛОТОЙ ВЕК ПИСИСТРАТА

Тиран... был гуманным и кротким человеком.
Аристотель. Политика.

Тираны изгнали «лучших людей» и разделили между крестьянами их земли. Над равнинами Аттики снова взошло солнце, и крестьяне мирно пахали свои поля под пение жаворонка. Они говорили, что в страну вернулся Золотой Век, о котором когда-то писал Гесиод:

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских...

Писистрат возродил старинные крестьянские праздники в честь бога вина и урожая Диониса. Это были пиршества, продолжавшиеся подряд несколько дней и ночей, сельчане надевали старинные одежды и плясали под звуки кимвалов и тамбуринов. «Тиран» ездил по деревням, отплясывал вместе с крестьянами, раздавал деньги бедным и судил спорщиков. «Он был гуманным и кротким человеком», – писал Аристотель.

Однако «Золотой Век» не мог продолжаться вечно; рано или поздно должно было вернуться время малоземелья. Писистрат выводил переселенческие колонии и более всего заботился о хлебной торговле; в это время были основаны торговые базы в черноморских проливах, и на рынки Аттики стал поступать хлеб с берегов Крыма. Это было великое событие, вслед за финикийцами греки вступили на путь торгово-промышленного развития, они стали в массовых масштабах ввозить хлеб в обмен на изделия ремесла. В Афинах, как на дрожжах, вырос большой ремесленный квартал, Керамик; здесь делали великолепные амфоры, расписанные черным лаком. Афинская керамика, оружие, вино продавались в черноморских колониях, в Италии, в Египте; купцы и ремесленники сколачивали крупные состояния, всюду царил дух предприимчивости и преуспевания. Афины, еще недавно бывший небольшим поселком, превратились в город с 50-тысячным населением и собственным торговым и военным флотом. Греки вступили в борьбу за принадлежавшие доселе финикийцам морские пути и рынки Средиземноморья, борьбу, в которой мирная конкуренция перемежалась с пиратством и морскими сражениями.

Помимо финикийцев, Афины имели еще одного давнего врага – этим врагом была

Спарта. Спарта осталась одним из немногих греческих государств, где у власти по-прежнему находилась аристократия гоплитов. Спартанцы ненавидели «чернь» и её вождей и стремились, во что бы то ни стало низвергнуть «тиранию». В Греции не было силы, способной противостоять спартанской фаланге, когда она, запевая победный гимн, движется на врага; в конечном счете, Спарта сокрушила все греческие «тирании». В 510 году спартанцы овладели Афинами и изгнали наследника Писистрата, Гиппия.

После падения «тирании» власть снова оказалась в руках зажиточных граждан, гоплитов – в соответствии с законами Солона только всадники и гоплиты могли занимать государственные посты. Правда, это уже не была власть старой аристократии; пострадавшим от тиранов старым аристократическим родам пришлось потесниться перед новыми людьми. Среди новых гоплитов было много зажиточных крестьян, торговцев, ремесленников – всеобщее преуспеяние позволило многим приобрести шлем и панцирь. Кроме того, судебные должности были доступны и беднякам, а важнейшие вопросы решало народное собрание. Это была ещё не вполне демократия, но уже не тирания – тирания была необходимостью во время голода, теперь же голод ушел в прошлое и вместе с ним канули в небытие «тираны». **ПОВЫШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ ПОРОЖДАЕТ МОНАРХИЮ, ПАДЕНИЕ ДАВЛЕНИЯ ДЕЛАЕТ ЕЁ НЕНУЖНОЙ** – таковы законы истории. Торгово-промышленный переворот избавил Грецию от вечного призрака голода, понизил демографическое давление и похоронил «тиранию» – наступила новая эпоха, эпоха морской торговли и преуспеяния. Однако в начале этой эпохи Греции было суждено выдержать величайшее испытание – войну с «царем царей» и «царем Вселенной», великим царем персов Ксерксом.

НАШЕСТВИЕ

*Если мы покорим афинян... то
сделаем персидскую державу
сопредельной небесному царству.
Ксеркс.*

С точки зрения «царя Вселенной» греки были маленьким народом, живущим на краю света. Те из них, которые обитали на берегах Малой Азии, ещё в середине VI века признали верховенство персов и платили царям дань. Персы оставили у власти правивших в греческих городах тиранов и почти не вмешивались в их дела. Однако любовь к свободе оказалась сильнее доводов разума – в 500 году малоазиатские греки восстали и шесть лет сражались против огромной Мировой империи. В конце концов, восстание было подавлено, и возглавлявший его большой торговый город Милет подвергся жестокому разгрому.

Расправившись с восставшими, «царь царей» Дарий решил наказать поддерживавших их балканских греков. По приказу царя были построены большие корабли для перевозки конницы, и в 490 году недалеко от Афин высадилось персидское войско. Афиняне мобилизовали всех способных носить оружие – даже рабов, которым обещали свободу, – и выступили навстречу грозному противнику. Опасаясь конницы персов, они построили свою фалангу в теснине между холмами и ждали атаки; персы, в свою очередь, пытались выманить афинян на равнину. Простояв несколько дней, персы стали грузиться на суда, чтобы высадиться в другом месте – и в этот момент были атакованы греками. После ожесточенного боя персы обратились в бегство; греки захватили семь кораблей, а остальные в панике отрубили якорные канаты и скрылись в море.

Победа при Марафоне и смуты в Персии дали Афинам десятилетнюю передышку, которую они использовали для создания мощного военного флота. Мобилизовав свои финансы, афиняне построили около двухсот триер, больших кораблей с тремя рядами весел и экипажем в 170 гребцов и 20-30 воинов. Триеры были изобретением коринфского корабельного мастера Аминокла, они намного превосходили своей скоростью прежние пятидесятивёсельные суда и стали новым оружием в битве за море.

В 480 году новый персидский царь Ксеркс двинулся в поход на Грецию. Казалось, что в поход собралась вся Азия; греки никогда не видели таких бесчисленных разноплеменных полчищ; в войске Ксеркса были сирийцы, вавилоняне, ливийцы, арабы, скифы, индийцы и множество других неведомых грекам народов. Сами персы составляли лишь небольшую часть армии, конницу и царский полк «бессмертных». Вдоль берега армию сопровождало больше тысячи кораблей, присланных финикийцами и покоренными малоазиатскими греками. Связав канатами 700 судов, финикийцы построили два понтонных моста через пролив между Азией и Европой, Геллеспонт. Совершив переправу, персидская армия вторглась в Грецию и в начале сентября подошла к Фермопильскому проходу. В этом месте горы почти отвесно срываются в море и вдоль берега ведет узкая дорожка; её прикрывал греческий отряд во главе со спартанским царем Леонидом. В течение нескольких дней персы пытались пробиться через теснину – но безуспешно; потом один из местных жителей указал им обходную тропинку через горы. Узнав об этом, Леонид отпустил большую часть своего отряда, но сам с 300 спартанцами остался, чтобы принять последний бой. Спартанцы погибли, но их подвиг всколыхнул Грецию: страна, объятая страхом перед лицом бесчисленных полчищ, встала на ноги; десятки тысяч гоплитов собрались на Коринфском перешейке, чтобы противостоять врагу.

Азиатские полчища прорвались через Фермопильский проход и разграбили Аттику. Афиняне эвакуировали женщин и детей на прибрежный остров Саламин, а сами взошли на борт триер, стоявших в Саламинском проливе. Ожидая врага, моряки смотрели на зарево над

холмом акрополя: это горели подожжённые персами Афины. 28 сентября 480 года в пролив вошел персидский флот: более 700 кораблей двигались плотным строем под оглушительный грохот барабанов; «царь царей» наблюдал за сражением с холма, восседая на золотом троне. Пролив постепенно сужался, большие персидские корабли ломали строй, сталкивались друг с другом и садились на мель, в этой неразберихе они были атакованы греческими триерами:

Сперва стояло твердо войско персов;
Когда же скучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли,
И медными носами поражали
Своих же – все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых – скрылась гладь морская.

Так описывал битву греческий поэт Эсхил. Потерпев поражение и потеряв флот, царь испугался за судьбу своих понтонных мостов на Геллеспонте и поспешно отступил в Азию, оставив в Греции лишь небольшую часть армии. В следующем, 479 году, греки разгромили оставшиеся войска персов в битве при Платеях: персидская пехота не могла противостоять фаланге гоплитов, а конница оказалась бесполезной в гористой местности. Персы бежали и навсегда покинули землю Греции.

Великие битвы при Платеях и Саламине вошли в мировую историю, как символ борьбы за свободу и демократию против деспотизма и агрессии. На кораблях Нельсона и в полях Нормандии солдаты читали стихи Эсхила:

...Вперед сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь – за всё!

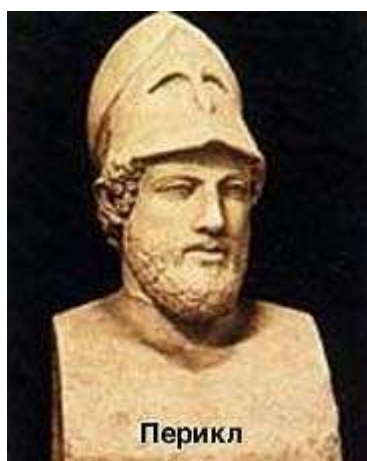
Война между Грецией и Персией была первой большой войной, в которой столкнулись два мира: мир морских республик, торговли, предпринимательства и демократии, и мир континентальных империй, мир регулируемой экономики, божественных монархов и коленопреклоненных чиновников – в общем, мир капитализма и мир социализма. С этого времени начинается великая борьба между морскими республиками и континентальными империями; она проходит через всю историю человечества: Греция, Венеция, Голландия, Англия сражаются с Персией, Турцией, Францией, Германией. Идея об извечности этой борьбы составляет суть учения, которое называют ГЕОПОЛИТИКОЙ. В глубине континента демографическое давление не имеет выхода и Сжатие приводит к революциям и рождению социалистических монархий; на побережье и островах давление снижается эмиграцией и торговой деятельностью, здесь процветает буржуазное общество. Демографическое давление толкает монархии на путь войны, а морские республики защищаются с помощью своего мощного флота. Разгромив персов при Саламине, греки заняли черноморские проливы и сделали Грецию недоступной для персидской армии. Триеры стали хозяевами морей; эскадры стремительных кораблей бороздили морские просторы, подобно стаям хищных птиц набрасываясь на вражеские суда. В едином ритме взлетали весла, и неслась над морем песня корабельных гребцов: «Вперед сыны Эллады милой!» Длинный изящный корпус распарывал волны могучим клыком-тараном; на носу стояли офицеры в шлемах с султанами и бился на ветру вымпел с совой – любимой птицей богини Афины. Начиналась новая эпоха – эпоха Афинской морской державы.

МОРСКАЯ ДЕРЖАВА

*Мы нашей отвагой заставили все моря и все земли стать для нас доступными,
мы везде соорудили вечные памятники содеянного нами добра и зла.*

После долгих походов, устав от штормов и битв, стаи триер возвращались в свое гнездо – в афинский порт Пирей. Судовые флейтисты выпускали приветственные трели, и корабли вплывали в ворота окруженной стенами военной гавани. Водная гладь гавани была со всех сторон обрамлена колоннадой, за которой под крышей прятались от непогоды военные корабли. Здесь отдыхали и ремонтировались сотни триер в ожидании часа, когда флейты просигналят новый поход. После великой победы при Саламине война с Персией продолжалась еще 30 лет; уничтожив персидский флот, греки освобождали захваченные персами острова и города на малоазиатском побережье. Афины стали главой обширного союза греческих городов-государств, полисов, и те полисы, которые не желали посылать в походы свои корабли, платили афинянам специальные взносы. Пользуясь своим морским могуществом, афиняне превратили эти взносы в настоящий налог, и союз постепенно принял облик Афинской морской державы. Чтобы закрепить за собой своих союзников, афиняне выводили на их земли военные поселения, клерухии; клерухи получали наделы, которые обрабатывали арендаторы из местного населения.

Выведение клерухий избавляло Афины от безработной бедноты – впрочем, в то время было нетрудно найти работу. Став господами моря, афиняне привлекли в Пирей всю морскую торговлю – поначалу они силой заставляли торговые суда заходить в свой порт; а потом, когда Пирей превратился в огромный рынок, купцы приплывали туда добровольно. «Все, что есть лучшего в Италии, в Сиции, в Египте, в Понте и в других местах – всё стекается сюда, в Афины, благодаря нашему господству на море», – писал современник. Финикийская конкуренция была подавлена; на всех морях триеры охотились за финикийскими купеческими судами и, как желанную добычу, вели их в Пирей. Вслед за плененными кораблями в Афины стали прибывать перебежчики в торговой войне – финикийские купцы и ростовщики; они переносили сюда свою деятельность и незаметно

превращались в греческих купцов. Прибыли от посреднической торговли сделали афинских торговцев обладателями огромных по тем временам состояний, афинские банки имели конторы во всех греческих портах. Вслед за торговым начался промышленный бум, из других городов в Афины устремился поток ремесленников; ремесленные кварталы росли, как на дрожжах. Население Афин и Пирея увеличилось за полвека после победы над персами примерно с 50 до 250 тысяч человек. Два города были соединены длинными крепостными стенами и срослись в крупнейший торгово-промышленный центр Средиземноморья; на вершине афинского холма, Акрополя, вознеслись к небу великолепные портики и храмы – символ торгового могущества Афин.

Несмотря на приток ремесленников-иммигрантов и наличие больших купеческих капиталов, афинское ремесло не могло насытить огромный рынок Средиземноморья – не хватало рабочей силы. В аналогичных ситуациях XIX века промышленники покупали заменявшие рабочих машины -афинские капиталисты покупали рабов. От рабских рынков на берегах Черного моря в Афины потянулись корабли с рабами; рабов обучали ремеслу и заставляли работать в больших ремесленных мастерских, «эргастриях». К концу V века в ремесле было занято около ста тысяч рабов, рабы составляли треть населения Аттики. Подобно обществу американских южных штатов, буржуазное общество Афин было основано на рабстве; рабы работали в рудниках, в порту, в мастерских, на стройках, прислуживали в домах. Встречались рабы-управляющие, врачи, воспитатели детей; богатые афиняне владели десятками рабов. Рабов не считали за людей, их называли «человеконогими» – и это вполне сочеталось с демократией. Афинская демократия была «демократией белых людей», властью небольшого меньшинства: гражданскими правами обладало не более десятой части населения Аттики. Это не мешало политикам восхвалять демократию и свободу:

– Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям, -говорил Перикл, один из великих людей того времени, – мы сами скорее служим образцом для подражания... Наши законы предоставляют равноправие для всех... Мы живем свободной политической жизнью...

Перикл был выдающимся государственным деятелем, который, избираясь на различные должности, около 30 лет руководил Афинами. В это время исчезли последние остатки аристократического строя, высшие должности стали доступны не только для богатей, и все существенные вопросы решало народное собрание. Перикл действовал убеждением и очаровывал собрание своими речами – он был первым политиком, который освоил искусство риторики. Перикл убедил народ, что взносы, уплачиваемые союзниками, можно использовать не на войну, а на украшение Афин. Были наняты многие тысячи рабочих, и город превратился в огромную стройку; изумленные афиняне смотрели, как на Акрополе вырастают белоснежные мраморные храмы, изящные портики и колоннады. Это мраморное чудо было видно далеко с моря, и моряки из далеких и ближних стран зачарованно стояли на палубах, не в силах оторвать взгляда от Акрополя. Это было двадцать четыре века назад – и время не пощадило храмы, но и сейчас толпы туристов зачарованно смотрят с палуб теплоходов на великое творение Эллады, на единственное свидетельство того, что минувшее не было сказкой.

СКАЗКА МИНУВШЕГО

Но что больше всего радовало афинян... это великолепные храмы, в настоящее время единственное свидетельство того, что минувшее... не было сказкой.

Плутарх .

Белоснежный храм, который возвышался над землей и морем, назывался Парфеноном; это был храм богини Афины, покровительницы великого города. Огромная статуя Афины

стояла рядом с храмом, и её сверкающий на солнце позолоченный шлем служил маяком для подходящих к городу кораблей. От Парфенона начиналась широкая мраморная лестница, окруженная портиками и храмами; лестница спускалась в город к рыночной площади, «агоре». Днем здесь шумела толпа покупателей и продавцов, а к вечеру прилавки убирали, и народ собирался сюда обсуждать дела и узнавать новости. Раз в десять дней здесь происходило народное собрание; ораторы в длинных рубахах-хитонах с переброшенными через плечо плащами выступали с возвышения, стараясь произвести впечатление громовым голосом и риторическими приёмами. В будние дни афиняне предпочитали проводить свободное время в гимнасии – своеобразном спортивном комплексе с залами, навесами-портиками и открытыми площадками для состязаний в борьбе, беге, метании копья. Мужчины всех возрастов тренировались обнаженными, предварительно натершись оливковым маслом; после тренировки можно было искупаться в бане и послушать ораторов в комнатах для отдыха. Мальчики, помимо обязательных занятий в гимнасии, посещали частные школы, где учили игре на флейте, танцам, пению, счету и грамоте; неграмотного и физически немощного в Афинах одинаково называли «калекой».

В праздники афиняне собирались в театре: на склоне холма были вырублены уступы-скамьи, а внизу располагалась сцена. Театр был изобретением греков, это слово означало «место для зрелищ», а сцена («скене») была шатром, на котором висели декорации и перед которым выступали актеры. История театра началась с празднеств в честь бога вина Диониса; на этих празднествах разыгрывали маленькие сценки из мифа об убийстве и воскрешении Диониса, «трагедии». Тиран Писистрат, заботясь о развлечениях народа, обустроил место для представлений и давал деньги для постановок. Сначала на сцене играл лишь один актер, которому помогал хор; потом актеров стало двое и трое. Поэты стали писать пьесы для театра; любимым народным зрелищем была трагедия Эсхила о Прометее: по легенде, титан Прометей похитил у богов огонь и отдал его людям, за что был прикован Зевсом к скале и терпел тяжкие муки. Простой народ беспрестанно требовал хлеба и зрелищ; при Перикле гражданам стали выдаваться «театральные деньги», а празднества в честь Диониса превратились в трехдневную череду театральных представлений, когда авторы соревновались друг с другом в мастерстве и победителя венчали лавровым венком.

Самые большие празднества в Греции проводились не в Афинах, а в Олимпии, городе недалеко от западного побережья. Эти празднества были посвящены Зевсу: в Олимпии располагалось общегреческое святилище Зевса с прекрасным храмом, внутри которого возвышалась огромная статуя сидящего на троне бога. В дни «олимпиад» – так назывались эти празднества – на несколько дней прекращались все войны, и в Олимпию прибывали десятки тысяч гостей из всех городов Греции. Во время праздника проводились состязания в беге, борьбе, метании копья и диска, кулачном бое; по огромной арене под рев многотысячной толпы неслись десятки колесниц; звание победителя олимпиады было высшей почестью для грека; победителям устанавливали прижизненные памятники. Другим общегреческим праздником, столь же популярным, как олимпиады, был праздник Аполлона в Дельфах. На большой поляне у подножия горы Парнас здесь состязались певцы и музыканты: Аполлон был покровителем муз. В Дельфах находился знаменитый храм Аполлона; он был построен над пещерой, из которой исходили пьянящие испарения. Под воздействием паров жрица-«пифия» прорицала будущее, и в важных делах греки обращались за советом к дельфийскому оракулу.

Шумные праздники уступали место будням и сутолока площадей – тишине улиц и переулков. В будний день здесь было пустынно, вдоль улиц тянулись глинобитные стены домов, кое-где прорезанные калитками, – картина, напоминающая города Востока. Так же, как на Востоке, в центре усадьбы располагался внутренний дворик, откуда можно было пройти в парадные помещения. В богатых домах дворик обрамлялся колоннадой, а в парадной зале стены закрывали ковры и портьеры, пол украшался мозаикой. Во время пиршеств знать возлежала на бронзовых ложах, но столовых приборов ещё не знали – ели по-прежнему руками.Guestов развлекали музыканты – но и сами гости нередко брали в руки

лиру, декламировали стихи и упражнялись в ораторском искусстве. Всё это были чисто мужские развлечения, греческие женщины так же, как и женщины Востока, вели затворническую жизнь на женской половине дома, только в исключительных случаях показываясь на улице. Лишь в V веке в Афинах появились «гетеры», утонченные куртизанки, принимавшие участие в пиршествах, умевшие играть на флейте и поддерживать застольную беседу. Одной из первых гетер была знаменитая подруга Перикла, красавица Аспасия; она основала салон, который посещали видные политики, поэты, философы. Здесь собирался весь цвет Греции: скульптор Фидий, создавший статуи Афины и Зевса Олимпийского, поэт Еврипид, написавший трагедии, до сих пор идущие на театральных подмостках, врач Гиппократ, положивший начало анатомии. Светские беседы часто касались философии и риторики: умение говорить и убеждать было едва ли не главным для афинян – ведь почти всем приходилось выступать в народном собрании или в суде.

Сутяжничество было характерной чертой буржуазного общества; столкновения частных интересов приводили к бесконечным судебным процессам, на которых истцы и ответчики изощрялись в ораторском искусстве. Этому искусству за солидную плату учили мудрецы-"софисты", признанным главой которых был Протагор, еще один завсегдатай салона Аспасии. Протагор говорил, что человек есть «мера всех вещей» и что истина есть то, что кажется большинству; с ним спорил великий философ Сократ, в шутку называвший Аспасию своей «несравненной учительницей» и утверждавший, «что я знаю только то, что ничего не знаю». Сократ ставил под сомнение привычные истины и верования, а его частый собеседник Анаксагор прямо утверждал, что никаких богов не существует.

В этих беседах и спорах рождалась философия – первая наука, «любовь к мудрости». Философы пытались по-своему, не ссылаясь на богов, объяснить мир. Анаксагор говорил, что тела состоят из мельчайших частичек; его последователь Демокрит назвал эти частички атомами и с помощью бесконечно малых величин вычислил объем конуса. Философы путешествовали по Востоку, стараясь приобщиться к вавилонской и египетской мудрости, проникнуть в тайны храмов. Первым, кто описал обычаи и историю известного грекам мира, был «отец греческой истории» Геродот. В Египте долго жил Пифагор, привезший в Грецию магию чисел и основы математических знаний. Пифагор основал тайное общество философов, его последователи верили в переселение душ и утверждали, что земля – это шар; они говорили, что во время лунных затмений на Луне видна округлая тень Земли. Эта идея долгое время вызывала насмешки авторов комедий, но в IV столетии астроном Евдокс Книдский привел убедительные аргументы в пользу этой гипотезы. С этого времени стали определять местоположение путем нахождения широты и долготы; Впрочем, такие измерения долгое время оставались неточными.

Попытки философов отрицать могущество богов вызывали негодование у приверженного к вере простонародья. Первых усомнившихся постигла печальная судьба: Протагор и Анаксагор были изгнаны из Афин, а Сократ по приговору суда был принужден испить чашу с ядом. Это произошло уже после смерти Перикла и поражения афинян в большой войне, во время охвативших город смут. Преуспевание Афин оказалось невечным и прошло, как проходит весна и лето, – затем наступает осень, время тяжелых раздумий о том, что было и что стало.

«Все течет, все меняется, – говорил философ Гераклит. – В одну и ту же реку нельзя войти дважды».

ОСЕНЬ ДЕМОКРАТИИ

Мы должны далее разобрать, вследствие каких причин происходят государственные перевороты...
Аристотель. «Политика».

II преуспевание Афин было основано на морской торговле, а морская торговля – на

мощи афинского флота, готового силой устранять конкурентов. Помимо давних врагов, финикийцев, конкурентами Афин были греческие торговые города Коринф, Сиракузы и Мегары – дорийские общины, соединенные узами родства со Спартой. В 432 году Афины установили торговую блокаду Мегар, и это привело к большой войне; спартанская фаланга вторглась в Аттику, сжигая деревни. Афиняне не могли противостоять спартанцам на суше, население Аттики укрылось за соединявшими Пирей и Афины длинными стенами. В переполненном беженцами городе вскоре началась чума, храмы были заполнены трупами, умиравшие лежали возле колодцев, умоляя дать им воды. Чума унесла четверть населения, погибло много воинов и моряков, погиб и Перикл, знаменитый вождь афинян. Война продолжалась 27 лет, до 404 года. Афиняне долго и безуспешно осаждали Сиракузы, потом противники Афин объединились и на персидские деньги создали мощный флот. Настало время ожесточенных морских сражений, когда сотни триер проламывали друг другу борта и берега на много миль покрывались обломками кораблей и телами погибших моряков. В конце концов, афиняне потерпели поражение и лишились преобладания на торговых путях.

Это было началом заката Афин, конкуренты стали повсюду теснить афинских купцов и промышленников. Рост города остановился; большинство населения теперь составляли бедняки, которые требовали пособий для неимущих. Была введена плата за посещение народного собрания – несколько монет, которых едва хватало на хлеб, но постоянно пустовавшая казна не могла выделить больше. В середине IV века экономическое положение стало катастрофическим, город был переполнен безработными, жившими на пособия и с ненавистью взиравшими на дворцы буржуазии. Преобладавшая в народном собрании беднота обложила богачей непомерными налогами; появилась целая каста доносчиков, «сикофантов», которые, пользуясь настроениями народа, предъявляли богачам обвинения в святотатстве или измене. Многолюдный афинский суд присяжных состоял из тех же бедняков, которые знали, что, если они не осудят обвиняемого и не конфискуют его имущества, то казна останется пустой и они не получают пособий. «Никто из граждан в Афинах не живет в полном спокойствии, но весь город преисполнен отчаяния, – писал философ Исократ. – Одни переносят все невзгоды и лишения нищеты, другие жалуются на обилие всяких повинностей и на постоянный страх перед угрожающим им судом». После двухвекового преуспевания в Грецию вернулись бедность и голод – признаки нового Сжатия; столкновения между бедными и богатыми предвещали новую тиранию. В 370-х годах в некоторых городах вспыхнули кровавые революции, в Аргосе толпа перебила дубинами 1200 богатых граждан, в Коринфе «трупы лежали огромными кучами».

В то время как Грецию сотрясали восстания, среди нищеты, бедствий и всеобщего озлобления философы и политики пытались понять причины происходящего. Ученик Сократа Платон объехал полмира, изучая государственное устройство разных стран, и, обобщив увиденное, предложил свой знаменитый проект идеального государства. Этим государством должны были управлять философы, а население делилось на два сословия – воинов и простолюдинов, причем воины воспитывались по-спартански, обедали за общим столом и имели общих жен, а простолюдины получали одинаковые земельные наделы. В одном из своих трактатов Платон разместил свое государство на краю света, в Атлантиде, заставив ученых будущего спорить о местонахождении этой загадочной страны. Отличительной чертой философов Платон считал знание геометрии и именно геометрию (наряду с другими науками) он преподавал своим ученикам в маленькой школе, расположенной в роще Академа, – позднее её стали называть «Академией». В этой «Академии» около 20 лет учился и работал Аристотель, великий философ, продолжавший исследования Платона и оставивший после себя знаменитый трактат «Политика».

Два великих философа нередко спорили между собой, и Аристотель любил говорить, что «Платон мне друг, но истина дороже». Сравнивая жизнь и устройство разных государств, Платон и Аристотель открыли **ОСНОВНОЙ ЗАКОН ИСТОРИИ** : они открыли, что главной причиной обрушившихся на Грецию бед является **ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ** :

– Прежде всего, сохраняйте установленную численность населения, – обращался

Платон к гражданам своего идеального государства, – затем сохраняйте размеры и величину имущественного надела.

– Нужно определить норму для числа детей, – говорил Аристотель, – ведь если число детей будет велико, то закон о равенстве наделов неминуемо утратит силу... Это неизбежно приведет к обеднению граждан, а бедность – источник гражданской войны.

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ ПРИВОДИТ К ГОЛОДУ, РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЮ ТИРАНИИ, говорили великие философы. **ЦЕЛЮ ТИРАНИИ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ, ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ГОЛОДА И УСТАНОВЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ.**

– Это-то уж ясно, что когда появляется тиран, он вырастает из этого корня, то есть как ставленник народа, – говорил Платон. – Карая изгнанием и приговаривая (знать) к страшной казни, он, между тем, будет сулить отмену задолженности и передел земли...

– Тиран становится из среды народа против знатных, – добавляет Аристотель, – чтобы народ не терпел от них никакой несправедливости...

Платон и Аристотель принадлежали к знати и называли диктатуру народа тиранией – так, как это делают современные аристократы. Действительно, тираны подвергали знать массовым репрессиям – так же, как и знать, в свою очередь, в случае победы истребляла всех непокорных. Бедные и богатые видят мир с разных сторон и добро для одних есть зло для других. Для одних Писистрат был кровавым диктатором, для других – отцом народа; мы же будем называть его просто монархом – и пусть каждый вкладывает в это слово свой смысл. Платон и Аристотель открыли великий закон истории, закон, который гласит:

"ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ ПРИВОДИТ К ГОЛОДУ, РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЮ МОНАРХИИ; ЦЕЛЮ МОНАРХИИ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ, ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ГОЛОДА И УСТАНОВЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ".

ПРИШЕСТВИЕ ЦАРЕЙ

*О государь, и прирожденный ум
В несчастьях устоять подчас не может.
Софокл.*

После смерти своего великого учителя, Платона, Аристотель уехал из Афин и долго жил на берегу моря, в задумчивости наблюдая за приливами и отливами – за вечной жизнью природы. Он занимался биологией и философией, а потом был приглашен в Македонию, чтобы учить грамоте 14-летнего Александра, сына македонского царя Филиппа II.

Македония была страной гор и лесов в центре Балкан, вдалеке от больших городов, цивилизации и культуры. Когда-то давно эти земли были завоеваны вторгшимся из Великой Степи народом всадников; кочевники подчинили местное население и превратились в племенную знать, «гетайров». Позднее македонское побережье было занято греками, выведшими сюда свои колонии. В 359 году македонский царь Филипп II задумал преобразовать свое войско по греческому образцу; он сформировал из крестьян тяжелую пехоту, но, в отличие от греков, вооружил ее более длинными копьями, «саррисами». Результат превзошел все ожидания: на свет явилось чудовище, монстр, пожиривший народы и государства – македонская фаланга. Огромный ёж с выставленными вперед шестью рядами копий таранил строй любого противника и обращал его в паническое бегство. «Нет силы, которая могла бы сопротивляться ей с фронта или устоять против ее натиска», – писал о фаланге знаменитый историк Полибий.

Македонская фаланга была Фундаментальным Открытием, изменившим ход мировой истории. До тех пор мало кому известный народ по мановению ока превратился в страшную силу, с лёгкостью сокрушавшую соседние племена. В 345 году фаланга впервые прошла через Фермопильский проход в Среднюю Грецию. В Афинах вспыхнула паника, знаменитый оратор Демосфен призывал греков встать плечом к плечу и остановить новое нашествие варваров. Но была и другая точка зрения: изнывавшая под бременем демократии буржуазия открыто призывала македонян. Известный ритор Исократ приглашал Филиппа II возглавить Грецию и двинуться на Восток: «Нуждающееся в земле крестьянство... получит обширные

пространства земли; бродяги, вместо того чтобы терзать Элладу, найдут применение своей деятельности в Азии... Победа даст процветание тем, кто останется дома (то есть буржуазии)».

Это был старый способ понижения демографического давления с помощью эмиграции и завоевания новых земель – тот самый способ, который предотвратил победу «тирании» в VI веке. В 338 году фаланга снова ворвалась в Грецию и разгромила объединенные силы греков при Херонее. Афины приготовились к осаде – но македоняне не стали штурмовать город: Филипп II принял предложение Исократ. Греческие государства образовали союз под главенством Филиппа II и объединились для войны с Персией; в угоду призвавшей его буржуазии царь запретил революции, тиранию, передел земель и отмену долгов. Царь уже начал переправу союзных войск в Азию – но неожиданно был сражён кинжалами заговорщиков.

Наследником Филиппа стал Александр Македонский, 20-летний воспитанник Аристотеля, смелый воин, мечтавший о всемирной славе. В 334 году Александр повел непобедимую фалангу на завоевание Азии и уже никогда не вернулся в Грецию. Аристотель возвратился в Афины, основал новую школу, «Лицей», и читал лекции своим ученикам, прогуливаясь по аллеям прекрасного парка. Время от времени из Азии приходили известия об удивительных победах, о завоевании половины мира, о походе в Индию – и, наконец, прибыли послы с требованием признать Александра богом. Спартанцы ответили, что, «если Александр желает быть богом, то пусть станет им», а афиняне согласились воздавать царю божеские почести. Однако, как только пришли известия о смерти царя, Афины вместе со всей Грецией восстали против власти македонян. На склоне лет Аристотелю пришлось бежать из Афин, оставив в Лицее все свои книги; вскоре он умер изгнанником в деревенской глуши. Греческое восстание потерпело поражение; последний глашатай свободы и демократии, Демосфен, покончил с собой, приняв яд; в Пирее обосновался македонский гарнизон. Оккупанты вручили власть буржуазии, которая лишила половину афинян гражданских прав: гражданами теперь считались лишь обладатели 2000 драхм. Город стал игрушкой в междоусобных войнах македонских полководцев, наследников Александра; один из них, Деметрий, провозгласил «свободу», но потребовал божеских почестей и поселился со своими гетерами в Парфеноне. Осады, штурмы, восстания чередовались друг с другом; в конце концов, в 262 году над Афинами утвердил свою власть македонский царь Антигон Гонат. Так же, как когда-то Вавилон, Афины стали добычей царей; буржуазия предпочла чужих царей своим тиранам – но чужой сапог оказался не лучше сшитого дома.

Войны и смуты разорили великий город; некогда многолюдные улицы опустели, тысячи афинян покинули родину, спасаясь от смут или поверив обещаниям безбедной жизни в покоренной Азии. Лишь философы ещё поддерживали славу Афин; здесь жил знаменитый циник Диоген, нашедший путь к счастью в отказе от потребностей и желаний. Одно время Диоген обитал в старой бочке и, когда Александр Македонский спросил, не нуждается ли он в чем-либо, философ ответил: «Отойди, не загораживай мне солнце». Другой знаменитый философ, Эпикур, говорил, что нужно довольствоваться малым и радоваться глотку воды и куску хлеба, а стоик Зенон учил владеть собой и подавлять страсти. Всё это были учения, навеянные аскетизмом последователей Будды: после восточного похода Александра философия Запада соприкоснулась с философией Востока. Сотни учеников со всего греческого мира приезжали послушать знаменитых философов и удивлялись запустению некогда великого города. Торговля почти прекратилась; корабли проплывали мимо полуразрушенных пристаней Пирея, направляясь в бурлящие жизнью новые порты, в Александрию или на остров Родос. Моряки стояли на палубе и смотрели на подобные призракам белые храмы Акрополя – и минувшее казалось им непохожей на правду сказкой.

ИСТОРИЯ СПАРТЫ

*Начало недуга и порчи в Спарте восходит
к тем временам, когда спартанцы,
победив афинян, наводнили
свой город золотом и серебром.
Плутарх.*

В то время, когда в Греции вырастали и приходили в упадок торговые города, а философы размышляли о природе вещей, Спарта жила своей обычной жизнью. Так же, как в легендарные времена Ликурга, илоты усердно возделывали поля, а спартанцы упражнялись в гимнасиях, готовясь к грядущей войне. Призрак войны постоянно витал над Спартой – хотя спартанцы не помышляли о новых завоеваниях и, оперевшись на копье, мечтали о мире. Все силы Спарты уходили на то, чтобы охранять завоёванное, благодатную долину Эвроты и тучные равнины Мессении – и охранять не от соседей, а от собственных рабов, постоянно готовых к восстанию. На девять тысяч спартанцев приходилось больше 200 тысяч рабов-илотов, головы которых склонялись к земле, но в глазах которых светилась ненависть. Когда в 464 году Спарту разрушило землетрясение, илоты бросились в город – но не за тем, чтобы спасти из-под развалин своих господ, а чтобы добить их. Царь Архидам успел построить уцелевших воинов в фалангу, и илоты отступили, но потребовалось десять лет кровавой войны, чтобы снова привести их к покорности.

Когда илоты были подчинены, родственные дорийские общины, Коринф и Мегары, вовлекли Спарту в большую войну с Афинами. Победа в этой войне принесла Спарте громкую славу и пустые хлопоты: победители привели к власти в греческих городах аристократию гоплитов и были вынуждены затем защищать эту власть от народа. Спартанцы по-прежнему презирали «чернь» и считали настоящими людьми лишь подобных себе, гоплитов; они не понимали, что большие торговые города – это совсем другой мир, не похожий на сельскую Спарту. Уже вскоре после войны демократия вернулась к власти в Афинах, а затем народ победил и в Фивах, другом большом городе в Средней Греции. В 371 году фиванцы разгромили доселе непобедимую спартанскую фалангу в битве при Левкрах; в этом сражении фиванский полководец Эпаминонд впервые использовал «косой строй»: при средней глубине построения в 6 шеренг он поставил на левом фланге ударную колонну глубиной в 50 шеренг. Колонна прорвала спартанскую фалангу, царь Клеомброт погиб, спартанцы впервые поддались панике и бежали с поля боя. Одержав победу, Эпаминонд двинулся на Спарту и освободил мессенских илотов; спартанцам едва удалось отстоять свой город и долину Эвроты.

С этого времени Спарта старалась не вмешиваться в дела Греции: у нее хватало своих забот. После утраты благодатной Мессении многие воины лишились своих наделов; среди «равных» спартанцев появились «меньшие» – и их становилось все больше. Гражданами Спарты считались лишь обладатели панцирей и шлемов, гоплиты; оказавшиеся в тисках нужды воины продавали оружие и исключались из числа спартанцев. Вдобавок ко всему, земельные наделы стали втайне продаваться и покупаться. Мужчины старались оставаться солдатами, но знатные спартанские женщины занялись ростовщичеством и скупали за долги земли воинов. В Спарте появилось золото, к которому раньше было запрещено прикасаться; вместе с ним пришла любовь к роскоши и изнеженность, гимнасии опустели, о воспитании молодежи никто не заботился. Через столетие после катастрофы при Левкрах оказалось, что

вся земля сосредоточилась в руках ста семей, а город переполнен бедняками, ненавидевшими новых богачей точно так же, как и илоты. В конце концов, военные вожди Спарты осознали, что город некому защищать, и попытались вернуться к порядкам былых времен. Царь Агис отменил долги, а Клеомен переделил землю, пополнил число воинов самыми сильными пэриеками и илотами и восстановил древние обычаи. Снова, как в старые времена, воины в красных плащах собирались на совместные трапезы, и царь стоял в первой линии фаланги, подбадривая молодых бойцов. Однако буржуазия греческих городов, испугавшись передела земель и распространявшейся из Спарты революции, снова призвала македонян; в 221 году спартанцы были разбиты македонской фалангой в кровавой битве при Селассии.

Реформы Клеомена были отменены, но Спарта успокоилась ненадолго. Демографическое давление продолжало оставаться высоким, бедняки требовали земли, а илоты – свободы. В 207 году разразилась новая революция, к власти пришел «тиран» Набис, под рёв огромной толпы объявивший об отмене долгов, освобождении илотов и разделе земли поровну. Затем началась новая война – но теперь в роли защитников аристократии выступили не македонская фаланга, а римские легионы. В 200 году до нашей эры могущественный Рим объявил войну Македонии, легионы впервые вступили на землю Греции и три года спустя разгромили непобедимую до тех пор македонскую фалангу в битве при Кеноскефалах. Чтобы привлечь к себе греков, римский командующий Тит Фламиний объявил о «свободе» греческих городов; при этом он провозгласил себя охранителем «закона» и повсюду поддерживал аристократию. «Тирания» Набиса была признана «незаконной», и непокорной Спарте была объявлена война. Спарта вступила в неравный бой; бедняки и рабы надели красные плащи, взяли в руки копья и встали в ряды воинов. В 192 году Набис погиб, еще через три года Спарта пала, тысячи пленных были казнены и проданы в рабство. Все получившие гражданство от «тирана» были изгнаны, колонны изгнанников под конвоем потянулись на север. Долина Эвроты опустела; как в начале истории, повсюду простиралась не потревоженная земледельцем луга, и одинокий пастух играл на свирели песнь о былых героях. Богатые римляне приезжали послушать пастуха и посмотреть на то, что осталось от знаменитой Спарты. Примерив красные плащи и повосхищавшись прошлым, они ехали в Афины – посмотреть на то, что осталось от Афин.

ЭПИЛОГ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

*При раздорах и великие
государства рушатся.
Саллюстий .*

Трагизм истории заключался в том, что римляне воевали с греками руками греков. Спарта была сокрушена войсками ахейского союза городов, возглавляемого Коринфом; с этого времени Ахейский союз остался последним оплотом греков. С позволения Рима в Ахайе правила буржуазная аристократия, но, как и в Спарте, простонародье постоянно волновалось и требовало передела земли. Перенаселение охватило всю Грецию, и, как предвидел Аристотель, оно должно было привести к революции и тирании. Эта последняя революция – эпилог греческой истории – началась в 147 году одновременно с восстанием против Рима. Вождь восставших Дий объявил об отмене долгов и освобождении многих тысяч рабов – но это было восстание обреченных. В 146 году Коринф был взят римскими легионами, население истреблено или продано в рабство. Историк Полибий писал, что отдыхая от резни, римские солдаты играли в кости на картинах знаменитых греческих художников. Город был разрушен и место, где он стоял, было посвящено богам; была разрушена половина городов Греции, и судьбой уцелевших ахейцев стал рабский труд на итальянских плантациях. Опустевшая Греция превратилась в римскую провинцию, и ее история слилась с историей Рима; на месте Коринфа впоследствии была основана римская

колония и снова вырос большой торговый город – но это был город римлян, а не греков.

Так, в пламени революций и войн, закончилась история Древней Греции. Она началась ахейским завоеванием, прошла долгий путь перенимания восточной культуры и сложения новой цивилизации. Потом, с повышением демографического давления, началась колонизация Средиземноморья и возникли первые тирании. Морская торговля отсрочила Сжатие и вызвала расцвет буржуазного общества, рост городов, процветание искусств и рождение науки. Однако этот расцвет оказался невечен – в конце концов, снова наступило перенаселение и снова настало время революций. Эта новая волна революций закончилась катастрофой: буржуазная аристократия призвала в страну сначала македонян, а потом римлян; римские варвары огнем и мечом прошли по Греции, оставив после себя пустыню. Потом, столетием позже, они унаследовали греческую культуру и создали новую цивилизацию – так же, как некогда греки позаимствовали культуру Востока. Так было всегда: варвары покоряли древнюю цивилизацию и одновременно приобщались к цивилизации, расширяя область древней культуры. Старинные культурные государства не отличались воинственностью; их население было приучено заниматься мирным земледельческим трудом и не могло сопротивляться привыкшим к войне варварам – к тому же, воюя друг с другом, варвары постоянно изобретали новое оружие. Персы завоевали Ближний Восток, освоив искусство конных лучников, их сменили македоняне, создавшие знаменитую фалангу, а потом – римляне с их легионами. Завоевав страны древней культуры, персы, македоняне и римляне приобщились к цивилизации, но вместе с тем принесли на Восток свои обычаи и создали новые государства – новый мир, в котором слились традиции разных народов, корни прошлого и ростки будущего. Греки, пришедшие на Восток вместе с Александром Македонским, преобразили мир древних империй; рядом с пирамидами и зиккуратами выросли колонны греческих храмов, рядом с одряхлевшим Вавилоном родилась новая столица Востока, Селевкия. Далеко в Средней Азии, на границе обетованного мира, появились греческие города, где дети занимались в гимназиях и изучали Гомера. Это был новый мир и этому новому, эллинистическому миру посвящена следующая глава нашей истории.

Глава V. Эллинистический мир

ПОХОД АЛЕКСАНДРА

*Я думаю, что в то время не было ни народа,
ни города, ни человека, до которого
не дошло бы имя Александра.*

Арриан. Поход Александра.

В истории народов есть великие мгновения, переворачивающие жизнь людей и кладущие грань между эпохами – звездные часы человечества. Такой великий момент наступил весной 334 года – это был час переправы македонского царя Александра через пролив между Европой и Азией. Под приветственные крики тысяч столпившихся на палубах

македонян и греков Александр подошёл на корабле к азиатскому берегу и метнул копье, вонзившееся в мокрый песок. Перекрывая шум прибоя, Александр выкрикнул свою великую клятву: он клялся, что с помощью богов завоюет всю Азию, весь обетованный мир. Александр был полон молодого задора, и его окружали такие же молодые друзья, «гетайры» или «друзья царя»; это был отборный полк панцирной конницы, состоявший из македонской знати. Состязаясь в удали со своими друзьями, Александр рубился в битвах, словно простой солдат; он много раз был ранен и находился на краю гибели – его спасало лишь чудо и рука друга.

Александр не был убит и дошел до Инда потому, что следом за ним шла фаланга, «страшный зверь, ошетилившийся тысячью копий», – так писал о фаланге историк Полибий. Подобно тому, как конница даровала персам господство над Азией, фаланга обещала подарить Александру весь Ближний Восток. В мае 334 года конница и фаланга сошлись лицом к лицу в битве на реке Граник. У Александра было 35 тысяч воинов, у персов – немногим больше, но их всадники оказались беспомощными перед щетиной копий. Одержав первую победу, Александр приступил к освобождению находившихся под властью персов греческих городов Малой Азии; эти города защищали греческие наемники, служившие персидскому царю. При штурме Милета наемники оказали яростное сопротивление, но, в конце концов, были вынуждены сложить оружие. Подчинив прибрежные города, Александр двинулся в глубь полуострова и остановился на зиму во Фригии, здесь ему показали колесницу, принадлежавшую легендарному фригийскому царю Гордию. По преданию, тому, кто развяжет запутанные постромки колесницы, было суждено владеть Азией. Александр, не долго думая, разрубил «гордиев узел» мечом и следующим летом двинулся через горы Тавра в Сирию. У городка Исс, на узком пляже между горами и морем, македоняне встретились с огромным войском персидского царя Дария. Александр во главе своих железных гетайров прорвался к позолоченной колеснице Дария; персидский царь пересел на коня и обратился в бегство – это решило исход боя. Победителям достались богатые трофеи, шатер Дария, его жены и наложницы. Непритязательные македоняне впервые увидели, что такое роскошь Востока; войдя в шатер персидского царя, Александр был изумлен убранством лож и столов, прекрасной золотой посудой и ароматом благовоний; он посмотрел на своих друзей и сказал: «Вот, что значит царствовать!» Охваченные восторгом победы молодые воины омылись в купальне Дария и устроили весёлый пир среди удивительных восточных богатств.

После битвы при Иссе армия Александра двинулась по побережью на юг и восемь месяцев осаждала Тир – богатейший город Финикии. Тир был давним торговым соперником греческих городов; в августе 332 года он был взят штурмом, все мужчины были казнены, а женщины проданы в рабство. Поздней осенью 332 года македоняне и греки пришли в Египет, где были встречены как освободители от персидского ига. Египетское жречество провозгласило Александра новым фараоном, после коронации и многодневных празднеств царь со своей свитой отправился к оракулу Амона в оазис Сива. Дорога к оазису вела через раскаленную пустыню; македоняне вскоре сбились с пути и едва не погибли – по легенде, им указали дорогу вороны, святые птицы Амона. Когда Александр, наконец, вошел в знаменитый храм, он услышал голос Амона: «Привет тебе, сын мой!». Александр был

потрясен: жрецы объявили ему, что он не человек, а бог, сын владыки мира Амона. Египтяне всегда считали фараонов богами, но для македонского царя слова жрецов оказались ошеломляющей неожиданностью. Побеседовав с жрецами и покинув храм, Александр уклонился от расспросов ожидавших у входа друзей; лишь много позже, одержав новые великие победы, он потребовал у греков божественных почестей.

Весной 331 армия македонян и греков форсированным маршем двинулась в Месопотамию, здесь близ деревни Гавгамелы её ожидало войско персов. Ночью 30 сентября взору Александра предстал огромный персидский лагерь; вся равнина до горизонта светилась бесчисленными огнями, и оттуда доносился неясный гул, похожий на рокот прибоя. Полководец Парменион советовал царю атаковать сейчас же, ночью, но Александр ответил: «Я не краду победы». На следующее утро сражение началось с яростной атаки персидских колесниц: персы оснастили колесницы выступавшими по бокам серпами и направили их на фалангу македонян. Фалангистам удалось напугать лошадей, и часть колесниц повернула назад, но те, что врезались в ряды воинов, нанесли много смертельных ран. Следом за колесницами атаковала персидская конница, она обошла фалангу и напала на нее сзади, – так что македоняне были почти окружены и сражались на два фронта. Однако вскоре фаланга оправилась от замешательства, сомкнула ряды и неудержимо двинулась на врага. Персов охватила паника; Александр со своими гетайрами прорвался к колеснице Дария, и персидский царь едва спасся бегством. Как и при Иссе, бегство царя решило исход сражения. Александр без боя вступил в Вавилон, а затем, сбив персидские заслоны в горах, занял священную столицу персов, Персеполь. Под восторженные возгласы македонян и греков Александр вошел в персепольский дворец и воссел на трон «царя царей». Огромный тронный дворец, «ападана», был одним из чудес света, сосредоточием роскоши и величия Персидской Империи. Во время одного из пиров красавица-гетера Таис Афинская подстрекнула Александра сжечь этот дворец – якобы для того, чтобы отомстить за Афины, некогда сожжённые Ксерксом. Обратив в пепел символ персидского государства, царь двинулся в Мидию, где Дарий собирал новые силы. Персидский царь не отважился дать сражение, бежал и вскоре был свергнут своими вельможами, не простившими ему малодушия. Отпустив на родину союзных греков, македоняне пошли через пустыню вслед за персами и, в конце концов, догнали их. Однако Дарий был уже мертв; он был убит своими соратниками, решившими продолжать войну до конца.

После смерти Дария Александр стал его наследником, царем огромного государства персов. Он надел диадему персидских царей, персидскую одежду, завел гарем и стал требовать от своих друзей, чтобы они склонялись перед ним ниц – так, как это делали персидские сановники, оставленные царем на своих постах. Это было проявлением СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА, процесса, когда завоеватели перенимают порядки покоренной Империи – точно так же цари персов перенимали порядки Ассирии, а ещё раньше это делали другие варварские вожди. В прежние времена македонские цари были лишь военными предводителями, немногим выделявшимися из среды аристократов-гетайров. Филипп попытался править самовластно и был убит гетайрами; теперь эта участь угрожала и Александру – но он сумел подавить заговоры знати.

Между тем, погоня за властью над миром привела Александра на край света, в места, неведомые сопровождавшим его греческим философам, ботаникам и географам. Аристотель послал вместе с Александром своего племянника Каллисфена, учёные греки описывали природу новооткрытых стран и отсылали в далекие Афины собранные ими гербарии. Двенадцать дней продолжался переход через горы, которые многомудрые философы считали Кавказом, потом армия спустилась на обширную равнину и, двигаясь на север, достигла реки, которую приняли за Дон – в действительности это была Сыр-Дарья. Македоняне вышли на окраину Великой Степи и столкнулись с воинственными кочевыми племенами, которых они называли «скифами». Изнурительная война со «скифами» и персами продолжалась два года; подчинив области на границе степи, Александр двинулся в Индию. Теперь перед завоевателями открылась страна тропических лесов и многоводных рек, долина

Инда. После переправы через Инд македоняне были атакованы сотнями боевых слонов – войском царя этой страны Пора. Фаланга понесла большие потери, но сумела выиграть и эту последнюю битву. Александр думал, что поход близится к концу, что долина Инда – это и есть Индия, а дальше лежит Мировой Океан. Но пленные индийцы рассказали, что на восток, за пустыней, лежит долина другой великой реки, Ганга, что до конца света ещё далеко. Александр решил продолжать путь, но солдаты отказались подчиняться царю: они воевали уже 8 лет и прошли 18 тысяч километров; они не могли идти дальше.

Пришло время возвращения – но Александр сумел превратить обратный путь в новый поход. Было построено 200 кораблей и флот, сопровождаемый идущей по берегу армией, стал спускаться вниз по Инду. В июле 325 года глазам Александра открылся простор океана – это был тот самый Мировой Океан, к которому так давно стремились его мечты. На флагманском корабле царь поплыл в открытое море и, когда земля скрылась из виду, принес жертвы владыке Океана Посейдону. Потом, в конце августа, армия двинулась по побережью на запад; следом за ней отплыл флот. Долгий путь через безводную каменистую пустыню показался солдатам тяжелее всех сражений, лишь в конце 325 года македоняне снова пришли в Персиду. Окончание похода было отпраздновано грандиозной свадьбой царя и 10 тысяч его воинов на персиянках; Александр, уже женатый на красавице Роксане, ввел в свой гарем сразу двух персидских принцесс, Статиру и Парисатиду. Это многодневное празднество должно было символизировать слияние македонян и греков, победителей и побежденных. Одновременно произошло слияние двух армий: 30 тысяч молодых персов были обучены воевать в фаланге, а персидская знать пополнила полк «друзей царя», гетайров. Александр не изменил порядков Персидской Империи, персидские чиновники собирали прежние налоги, и крестьяне – как сто или тысячу лет назад – терпеливо несли свою ношу. Александр сменил Дария на троне «царя царей» – и как сто лет назад перед троном горел священный огонь персов, а сановники склонялись ниц перед лицом властелина. Воссев на трон в Вавилоне, Александр потребовал божеских почестей; в начале 323 года греческие послы увенчали царя золотым венком, таким же, как у олимпийских богов. Однако великому завоевателю так и не удалось стать бессмертным богом – удивив мир своими неожиданными подвигами, он столь же неожиданно ушел из него. 13 июня 323 года Александр, «царь четырех стран света», скончался в своем дворце в Вавилоне.

НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА

Вы будете совершать мое погребение в крови.
Александр.

С смертью Александра повергла в растерянность народы и государства, многие не могли поверить в нее. В Афинах один из ораторов утверждал, что, если бы Александр действительно умер, то запах тления заполнил бы всю Вселенную. Говорили, что Александр был отравлен гетайрами за то, что заставил их склоняться перед собой, а яд приготовил Аристотель: его племянник Каллисфен был один из тех, кто отказался пасть ниц и погиб в тюрьме.

Гетайры, да и многие простые воины, действительно ненавидели Александра за то, что он приравнял победителей к побежденным. После смерти эта неприязнь вырвалась наружу; персы были изгнаны из дворца и македоняне вернулись к своим порядкам – это была **НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ** на излишне поспешное перенимание Александром имперских традиций. Двести лет назад, когда мидяне и персы завоевали Восток, они точно так же восстали против перенимания ассирийских традиций царем Астиагом; националистическая реакция всегда сопровождает процесс социального синтеза. Александр не оставил наследника и власть, как в давние времена македонской истории, оказалась в руках народа-войска. Войско само выбирало своих вождей-полководцев, причем конница гетайров вступала в схватки с крестьянами-фалангистами прямо у гроба Александра. Распри

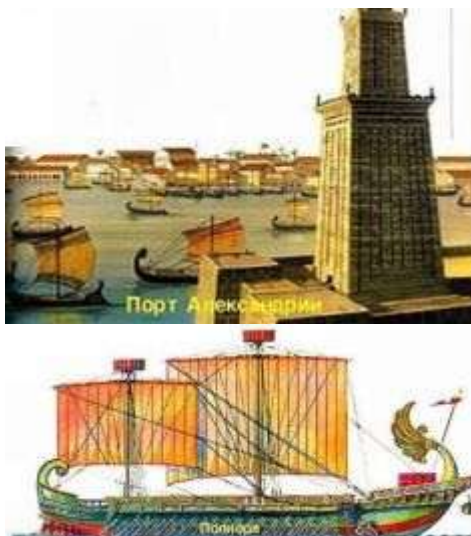
вождей привели к многолетней междоусобной войне; завоевавшая половину Азии македонская фаланга распалась на части, столкнувшиеся между собой в кровавых битвах. Ощетинившиеся копьями ряды шли навстречу друг другу под звон щитов и крики умирающих. В 301 году, после решающей битвы при Ипсе, завоевания Александра были поделены между его полководцами, провозгласившими себя новыми царями. Македония досталась Антигону Гонату, Египет – Птолемею, а Двуречье, Сирия и Иран – Селевку.

Огромное государство Селевка охватывало основные области погибшей державы персов – но это было государство македонян и греков, в котором туземцам была отведена роль приниженного крестьянского сословия. Крестьяне, «царские люди», так же, как в прежние времена, обрабатывали наделы государственной земли, уплачивая десятину урожая. Они жили общинами, были связаны круговой порукой и не могли продать свой надел или оставить деревню. Греки и македоняне стали военным сословием новой Империи; они жили в военных поселениях так же, как раньше жили персы. Воины проводили время в походах, а их наделы обрабатывали арендаторы и рабы. Многие поселения разрослись в города-полисы, Селевкиды приглашали в свою страну греческих эмигрантов и руками подневольных крестьян строили для них города с беломраморными храмами и гимнасиями. Рядом с опустевшим Вавилоном вырос огромный греческий город, Селевкия на Тигре; сюда сходились караванные дороги из всех областей Империи. В тени этих новых эллинских городов владели существование древние храмовые города Двуречья; в них по-прежнему правила буржуазия, торговавшая жреческими должностями оптом и в розницу. Многие богачи перебирались в греческие полисы, принимали греческие имена и потихоньку превращались в греков.

Над греками и туземцами, городами и деревнями, одинаково самовластно правили басилевсы-цари. Подобно Александру, они называли себя богами, но не надевали персидских одежд; у них были «друзья»-гетайры, которым они даровали поместья и вместе с которыми сражались в битвах. Вся жизнь наследников Александра проходила в походах, а смерть приходила к ним обычно на поле боя; во главе своей фаланги они вдоль и поперек прошли половину Азии, сражаясь с внешними врагами и постоянно отпадавшими наместниками дальних провинций. Царь Антиох III в 212-205 годах повторил поход Александра, достиг Индии и стал именоваться Антиохом Великим. В 192 году греки призвали Антиоха на помощь в борьбе с римлянами, и два года спустя армия великого царя выступила навстречу легионам. Это была могучая армия наследников Александра: массивная фаланга с шестиметровыми копьями-сариссами, панцирная конница на тяжелых «нисейских» конях и индийские слоны с башенками на спинах. Но фаланга уже не была непобедимой – этот титул перешел к римским легионам, научившимся маневрировать на поле боя, нападать и притворно отступать, дожидаясь, когда фаланга нарушит свой строй. Битва при Магнесии закончилась разгромом великой армии Антиоха, и вслед за этим началось время упадка империи Селевкидов; с запада их теснили римляне, с востока – новые пришельцы из Великой Степи, парфяне. В конце концов, государство Александра было разделено между новыми завоевателями, обладавшими новым оружием – такова была во все времена судьба побежденных. Сломанные сариссы и изрубленные шлемы покрыли поля новых сражений, и никто уже больше не вспоминал о славе прежних побед, о походе Александра, о великой битве при Гавгамелах. Лишь тысячелетие спустя великий персидский поэт Фирдоуси напомнил персам об их истории – и он начал эту историю не с Кира, а с Александра, «Искандера Двурогого». Всё остальное было уже забыто, и лишь Александр удержался в памяти поколений:

Что сказывает нам поэт-сказитель
О том, кто первый молвил: «Я – властитель»,
О том, кто первый на свое чело
Надел венец? Все было и прошло...

АЛЕКСАНДРИЯ

Всё, что может существовать на земле, есть в Александрии.

Поэзия Востока воздвигла памятник Александру: по традиции со времен Фирдоуси каждый поэт, чтобы добиться признания, должен был сочинить поэму в честь Искандера. Но после Александра остался и другой памятник – большой город, заложенный им во время пребывания в Египте. Этот город назывался Александрией и был расположен на берегу моря напротив острова, образующего удобную бухту. Говорили, что Александрия находится не в Египте, а «при Египте» – как будто в другом мире, имеющем мало общего со страной пирамид. Египет почти не изменился со времен фараонов, всё также стояли храмы на берегах великой реки, и крестьяне трудились на своих наделах, получая у писцов содержание, семена и быков, а потом сдавая весь урожай на царские склады. Караваны барок с зерном, льном, кожами спускались вниз по Нилу к Александрии, все силы Египта уходили на то, чтобы обеспечить благоденствие обитателей этого огромного города.

Александрия казалась приезжим раем. «Всё, что может существовать на земле, есть в Александрии: богатство, спорт, власть, голубое небо, слава, зрелища, философы, золото, храмы богов, добрый царь, Мусей, вино, всё хорошее, что можно пожелать», – говорится в греческой пьесе. Четвертую часть города занимал царский дворец, целые кварталы изящных мраморных зданий среди прекрасных парков. В этом мире удовольствий обитали божественные цари-фараоны, наследники Птолемея Лага, македонского полководца, получившего Египет при разделе наследия Александра. Подобно древним фараонам, цари женились на своих сестрах, и царицы правили вместе со своими братьями – так же как некогда Нефертити правила вместе со своим мужем и братом Эхнатом. Божественную чету окружали тысячи чиновников и придворных – это были греки, научившиеся у египтян склоняться перед царями-богами. Александрия была греческим городом, здесь жили завоеватели, новые господа Египта. Здесь было много воинов, имевших в провинциях наделы, которые обрабатывали полуголодные арендаторы-египтяне; сюда перебрались афинские купцы и моряки, наполнившие сутолокой пристани и базары. Конечно, в Александрии было много египтян, ремесленников, слуг и рабов и довольно много евреев: когда не хватало греческих воинов, египетские цари нанимали евреев.

Так же как в любом греческом городе, общественным центром служил большой гимнасий с великолепной мраморной колоннадой – но настоящим сердцем Александрии был

её огромный торговый порт. Александрия заменила Афины в морской торговле; сюда собирались корабли со всего Средиземноморья, и порт удивлял путешественников столпотворением мачт и разноцветьем парусов. Над портом и огромным городом возвышалась 130-метровая башня маяка – одно из чудес света, построенное Состратом Книдским по приказу Птолемея II. «Царь Птолемей посвящает богам-спасителям на благо мореплавателям», – гласила надпись на гипсовой плите у подножия маяка – но со временем гипс отвалился и из-под него показалась другая надпись, вырезанная на мраморе: «Сострат из Книда посвящает богам-спасителям на благо мореплавателям». Огромные зеркала отбрасывали свет маяка далеко в море, указывая путь кораблям; в Александрию шли суда с металлом и лесом; обратно – с зерном, папирусом, льняными тканями, но главное – с индийскими пряностями, благовониями, шелком. Из Александрии по реке и прорытому в VI веке каналу суда попадали в Красное море и вдоль берегов держали путь в Индию. Во II веке до нашей эры отважный мореплаватель Евдокс из Кизика научил греков пользоваться муссонами и плавать напрямую через Аравийское море. «Большие красивые корабли яванов» (так называли греков индийцы) появились у покрытых тропическим лесом берегов Южной Индии; они плавали даже к устью Ганга.

Так же как афиняне, александрийцы добились торгового преобладания в жестоких морских войнах. Эпоха триер ушла в прошлое; даровавшим александрийцам победу новым оружием были огромные многоярусные корабли, полиеры; на них были сотни, а иногда и тысячи гребцов. Оружием этих кораблей были не тараны, а мощные баллисты, бросавшие во вражеские суда многопудовые каменные глыбы; один такой гигантский корабль мог решить исход боя.

Изобретение баллисты ознаменовало великое событие в истории человечества – рождение первой инженерной науки, механики. Первым великим механиком был знаменитый строитель военных машин Архимед из Сиракуз, проживший большую часть жизни в Александрии. Архимед на языке математики описал использование клина, блока, лебедки, винта и рычага: «Дайте мне точку опоры – и я переверну Землю», – говорил Архимед. Великий ученый проводил свои исследования в знаменитом александрийском «храме муз», Мусее – университете, основанном царем Птолемеем по образцу афинского Лицея. Здания Мусея располагались среди прекрасного парка, там были аудитории для студентов, дома преподавателей, обсерватория и замечательная библиотека рукописных книг – в ней насчитывалось 700 тысяч томов! Главой университета, «библиотекарем», долгое время был друг Архимеда географ Эратосфен, сумевший, измеряя широту в разных пунктах, вычислить длину меридиана. В Мусее преподавал Аристарх Самосский, утверждавший, что Земля и планеты вращаются вокруг Солнца, – правда, его гипотеза не получила признания, и позднее александрийские ученые стали придерживаться теории Клавдия Птолемея, считавшего, что Земля расположена в центре Вселенной. В Мусее творили изобретатель паровой турбины Герон и знаменитый математик Евклид, осмелившийся сказать Птолемею, что «для царей нет особых путей в математике». В библиотеке Мусея работали переводчики, египетские и вавилонские жрецы, открывавшие для ученых тайны древних цивилизаций. Египетский жрец Манефон был автором трактата «Египетские древности», а вавилонский жрец Бероэс написал «Вавилонские древности»; 72 еврейских мудреца перевели на греческий язык святую Библию. В Мусее жили и творили замечательные поэты; любимец муз Феокрит в своих прекрасных стихах создал мир «пастушеского романа»: зеленая равнина, ласковое солнце, щебечущие птицы, и у ручья под сенью деревьев юноша объясняется в любви прекрасной пастушке. Однако основной задачей поэтов было воспевание царей и цариц, и они достигли в этом удивительного изящества: когда однажды с алтаря пропала посвященная богу прядь волос царицы Береники, поэт Каллимах обнаружил её на небе – это созвездие до сих пор называется «Волосы Береники».

Поэты и жрецы воспевали царей-богов, ученые творили в «храме муз», Александрия наслаждалась изобилием, а египетские крестьяне поливали потом свои поля – таков был Египет при Птолемеях, царях из династии Птолемея Лага. Так продолжалось два с

половиной столетия, пока в страну не пришли римские легионы; это произошло в середине I века до нашей эры, в правление царицы Клеопатры. В те времена не было силы, способной противостоять вождям легионов, но божественная царица противопоставила им чары любви. Сначала Цезарь, а затем Антоний были пленены ее красотой; когда Антоний потребовал у царицы явиться к нему, она приплыла на позолоченном корабле с пурпурными парусами; весла двигались под напев кифары; на палубе стояли полуобнаженные феи, а Клеопатра возлежала на роскошном ложе в уборе богини любви Афродиты. Марк Антоний женился на Клеопатре, стал фараоном – и был объявлен в Риме изменником. Потерпев поражение в борьбе за власть над Римом, он бросился на меч, а вслед за ним покончила с собой последняя царица Египта. Она ушла из жизни, подставив руку под укус змеи, и выглядела заснувшей – так же, как её древняя страна. В своем тысячелетнем сне Египет не заметил смерти последней царицы; по-прежнему, согнув спины, трудились на полях крестьяне и жрецы по-прежнему воспевали божественных фараонов – но фараоны теперь носили не греческие, а латинские имена.

СИРАКУЗЫ

Платон, ты не прав...
Аристотель .

Александрия была столицей греческого Востока, столицей мира, созданного великими победами Александра. Но, кроме Востока, был ещё греческий Запад – мир заселённых греками островов и побережий западного Средиземноморья. Столицей этого западного мира были Сиракузы – по общему признанию, красивейший из греческих городов.

Сиракузы располагались на берегу Сицилии, на краю тихой бухты, к которой спускались склоны огнедышащего вулкана Этна. В VIII веке, когда перенаселённая Греция стала извергать толпы переселенцев, на берегу бухты высадились дорийцы-коринфяне, основавшие колонию, похожую на дорийскую Спарту. Завоеватели-"всадники" поделили между собой лучшие земли и превратили местное население в илотов; тем, кто прибыл позже, уже не досталось земли, и они становились ремесленниками или арендаторами, наподобие спартанских пэриек. Как и в континентальной Греции, перенаселение, в конце концов, привело к восстаниям обездоленного люда; после восстания 491 года пэриек и илоты получили гражданские права, но земля и власть остались у «всадников». Затем наступила эпоха торгового процветания, на время примирившая богатых и бедных; торговая конкуренция привела к войнам за господство на море – сначала с Афинами, а затем с Карфагеном. Карфаген, основанный в IX веке финикийцами, к этому времени превратился в могущественный город, обладавший мощным флотом. В 406 году огромная карфагенская армия, высадившись на острове, стала подчинять греческие города; возглавляемое «всадниками» сиракузское ополчение было разбито. В Сиракузах вспыхнула паника; народное собрание отстранило «всадников» и вручило диктаторскую власть молодому офицеру Дионисию, сыну погонщика ослов. Когда Дионисий с войском выступил навстречу врагу, «всадники» подняли мятеж и, поскакав назад, в Сиракузы, овладели городом, разграбили дом Дионисия и надругались над его женой. Но мятеж был подавлен, уцелевшие мятежники бежали, а их земли, дома – «и даже дочери!» – были поделены между бедняками; рабы получили свободу. Военное Сжатие и социальная революция привели к власти «тиранию».

Дионисий Сиракузский был самым знаменитым греческим тираном; он создал мощную наемную армию, отразил нашествие карфагенян и овладел большей частью Сицилии. Он первым из греков надел царское пурпурное одеяние и возложил на себя золотой венок. Тиран правил железной рукой; мятежи знати были подавлены, а каменоломни превратились в концлагерь для аристократов; повсюду шныряли осведомители, и даже гетеры были обязаны доносить о неблагонадежных. На острове посреди Сиракузской бухты Дионисий воздвиг

огромный замок, где он жил под охраной своей гвардии; там был расположен арсенал с сотнями катапульти и баллист – новым оружием, созданным оружейниками тирана. Дионисий первым стал строить огромные корабли с башнями, на которые устанавливались баллисты; эти корабли обеспечили Сиракузам господство на море и торговое процветание. Город украсили великолепные храмы и колоннады, он превзошёл по размерам Афины и считался крупнейшим городом Греции.

Одним из приближенных Дионисия был ученик Платона Дион, молодой аристократ, мечтавший создать на Сицилии платоновское «идеальное государство». В 386 году он пригласил Платона в Сиракузы, но великий философ позволил себе резко отозваться о тирании – в ответ Дионисий отослал Платона назад, наказав сопровождавшим продать его в рабство. После смерти тирана Диону удалось обратить в свою веру его наследника Дионисия Младшего. На этот раз Платону была подготовлена торжественная встреча; сиракузяне только и говорили, что о философии и геометрии; молодой тиран пригласил десятки учителей, которые прямо на улицах рисовали на песке чертежи и объясняли жителям мудрёные теоремы. Великому философу удалось было уговорить Дионисия Младшего распустить наёмную армию и флот – однако тут вмешались сановники тирана, Дион был изгнан, а Платон уехал ни с чем. В 356 году Дион вместе со своими товарищами по Академии с благословения учителя собрал маленький отряд наёмников и отправился в Сицилию, чтобы свергнуть тиранию и построить на её развалинах идеальное государство. Карфагеняне были давно отброшены, и граждане Сиракуз не понимали, почему они должны терпеть тиранию в условиях мира. Возвращение Диона вызвало восстание против Дионисия, осведомителей убивали прямо на улицах, после кровавой борьбы тиран был свергнут.

Власть оказалась в руках платонова ученика – однако построить идеальное государство оказалось труднее, чем разрушить существующее. С падением тирании и провозглашением «свободы» воскресла старая вражда между аристократами и народом. Народ требовал нового передела земли «ибо, – как говорили его вожди, – начало свободы – это равенство, а бедность для неимущих – начало рабства». Все сражались со всеми, Дион был изгнан и с вершины холма смотрел, как пылает его родной город. Он ещё раз сумел овладеть Сиракузами, но вскоре был убит. Благие намерения ввергли страну в ад; когда в 344 году коринфянин Тимолеонт высадился на остров, чтобы отразить карфагенян, Сиракузы лежали в развалинах, на рыночной площади росла трава по колено. Тимолеонту пришлось приглашать колонистов из Греции и снова заселять город.

Затем история стала повторяться, в 317 году в обстановке войн и смут сиракузяне вручили диктаторскую власть бывшему горшечнику Агафоклу. Агафокл казнил богатейших граждан, переделал землю, освободил многих рабов и провозгласил себя «царем Сицилии». Отныне тираны превратились в благородных монархов, правивший в середине III века царь Гиерон окружил себя поэтами и покровительствовал ученым, знаменитый механик Архимед был другом царя. Со времен Дионисия Сиракузы славились своими кораблями и катапультами; Архимед и корабельный мастер Архий создали одно из чудес света, огромный корабль-дворец с великолепными залами, бассейнами и башнями. Корабль приводили в движение две тысячи гребцов, а на башнях стояли баллисты, бросавшие в противника трехпудовые камни. Тысячи рабочих впряглись в канаты, чтобы спустить корабль на воду – но не смогли сдвинуть его с места; тогда Архимед сделал лебедку, с помощью которой царь сдвинул корабль в одиночку. «С этой минуты я требую, чтобы Архимеду верили во всем, что он не скажет!» – воскликнул восхищенный царь.

Архимед создал для Гиерона множество военных машин, которыегодились сиракузянам, когда после смерти царя, в 214 году, к городу подступили римские легионы. Римляне двинулись на штурм с суши и моря, установив на кораблях осадные башни, – но не смогли подойти к стенам; их поражали из бойниц многочисленные катапульти, а на подплывавшие ближе корабли спускалась огромная механическая лапа, поднимавшая их вверх и опрокидывавшая в море. Возвышающиеся над стенами машины напоминали сторукого великана Бриарея, и римский командующий говорил, что ему приходится

сражаться с «математиком Бриареем». Однако после двух лет осады измена помогла римлянам ворваться в город; Архимед, как всегда, был погружен в размышления над чертежами и не обратил внимания на вошедшего солдата, он сказал только: «Не трогай моих чертежей!» – и был убит воинами, грабившими и убивавшими всех подряд. Уцелевшие жители Сиракуз были проданы в рабство, а город был обращён в развалины – как многие другие города, осмелившиеся сопротивляться римлянам.

Волна римского нашествия двигалась по эллинистическому миру, оставляя после себя руины и пепел; участь Сиракуз постигла почти все города Сицилии. Остров обезлюдел, поля заросли кустарником, и в развалинах деревень поселились волки. Полтора века спустя Сицилию посетил знаменитый римский оратор Цицерон; на заброшенном кладбище среди чертополоха он нашел поваленную надгробную плиту с изображением цилиндра и шара – могилу Архимеда. Цилиндр и шар были символом идеальной науки, символами чистоты помыслов ученого-идеалиста – и, может быть, символом идеального государства: ведь Платон тоже был геометром и рисовал чертежи у ног окруженного придворными правителя. Все эти великие проекты, мечты ученых, стремления тысяч людей, их борьба и страсть, свелись к чертежу на треснувшей надгробной плите, к цилиндру и шару – маленькому прообразу земного шара среди терний и развалин.

КАРФАГЕН

Pecuniae oboediunt omnia .
Деньгам подчиняются все.

С иракузы были западным форпостом эллинского мира, столицей греческой Сицилии. Дальше на запад начинался другой мир, таинственные, запретные для греков моря и возвышающиеся на утесах могучие крепости. Это был мир финикийян-пунийцев, завоевавших его в те давние времена, когда тирские моряки нашли дорогу в сказочный Таршиш. Серебро и олово Таршиша были главным сокровищем этого мира, ревностно оберегаемым от завистливых греков – стоило греческому кораблю появиться в запретных водах у Геракловых Столпов, как на него со всех сторон набрасывались финикийские триеры. Триеры выходили из Гадеса, военно-торговой базы, некогда основанной тирянами за Геракловыми Столпами на берегу океана. Где-то там, за Столпами, находился и загадочный Таршиш – но финикийцы сумели навсегда наложить на дорогу к нему покров тайны.

Далекий путь от Тира в Гадес вдоль берега Африки продолжался 76 дней. На берегу тут и там были разбросаны укрепленные финикийские колонии – финикийцы были первым народом, выведившим переселенческие колонии на пустынные берега западного Средиземноморья. В IX веке близ теперешнего Туниса тирские эмигранты основали «Новый Город», Карфаген – будущую столицу финикийского Запада. Карфаген стал промежуточной гаванью, где отдыхали от бурь идущие в Таршиш корабли. В начале VI века «таршишский путь» стал подвергаться атакам греческих триер, время от времени греки прерывали дорогу в Тир, и финикийский Запад оказался предоставленным сам себе. Но финикийские колонии сумели объединиться и в 536 году остановили греков в морской битве при Алалии. С этого времени Карфаген стал центром федерации финикийских городов Запада, ему удалось подчинить Гадес и овладеть сказочными богатствами Таршиша. Серебро во все времена означало силу и власть; оно позволило создать наёмную армию и завоевать окружающие Карфаген долины – вплоть до кромки Великой Пустыни. Часть местного населения, ливийцев, была обращена в рабов; остальные были вынуждены платить тяжелую дань. Договорившись с дикими племенами пустыни, карфагеняне наладили путь через Сахару, в таинственный мир Тропической Африки. Большие караваны доставляли с юга черных

невольников, золото, слоновую кость, шкуры неведомых зверей и яркие перья тропических птиц. На юг везли вино и железные мечи – символ цивилизации древнего мира.

К IV веку разбогатевший на торговле Карфаген превратился в огромный город с 600-тысячным населением – крупнейший город Средиземноморья. Сотни кораблей толпились в обширной гавани; толпы торговцев сустились на узких, поднимавшихся к крепости улочках. Примыкавший к порту Старый Город, Бирса, был застроен шестиэтажными домами – здесь в неимоверной тесноте жили бедняки, моряки и ремесленники. За крепостным холмом располагалась Мегара – город богатых, роскошные виллы среди садов и каналов, тенистые парки и великолепные храмы. Богатые и знатные, плантаторы и купцы, правили Карфагеном, входили в совет старейшин и занимали должности правителей-"судей"; народное собрание созывалось лишь в случае, если старейшины не могли договориться между собой. За стенами города располагались поместья аристократии – огромные плантации с виноградниками, рощами финиковых пальм и множеством рабов. Загородные дворцы карфагенской знати удивляли приезжих греков своими настенными росписями, бассейнами, аллеями роз. Весь этот мир богатства обслуживали многие тысячи рабов; рабы работали на плантациях, в ремесленных мастерских, служили гребцами на триерах. Иногда они восставали, объединялись с угнетенными ливийцами и подступали к стенам города; вторжение любого врага, римлян или греков, вызывало восстания угнетенных, с яростью громивших роскошные виллы карфагенян.

Восстания рабов чередовались с волнениями карфагенской бедноты, безработных моряков и ремесленников. Буржуазная аристократия избавлялась от бедноты, переселяя её в колонии – самым большим переселением такого рода была экспедиция Ганнона из 60 кораблей с 30 тысячами эмигрантов. Ганнон основал несколько городов на побережье Африки за Геракловыми Столпами, а затем поплыл на юг; он достиг берегов, покрытых джунглями, где водились гориллы и огромные вулканы извергали в море потоки лавы. «Мы увидели ночью землю, наполненную огнем, в середине которой горел костер, достигавший звезд», – говорит «Перипл Ганнона». Рассказ Ганнона породил легенду, что южные моря наполнены огнём – и вплоть до конца средневековья моряки не осмеливались плавать по этому пути. Путешествие Гамилькаона к Британии тоже породило легенды – о зарослях, в которых застревали корабли и об огромных морских чудовищах – эти рассказы придумывались финикийцами, чтобы отбить у греков охоту к плаванию на запад. Вероятно, финикийские корабли достигали и Америки; в Америке находили карфагенские монеты, и в Карфагене знали об огромных островах на западе – но, конечно, это были случайные плаванья, из которых мало кто возвращался.

Могущество Карфагена опиралось на его военный флот, сотни быстроходных триер, стоявших в эллингах военной гавани. Военный порт Карфагена вызывал восхищение греческих историков: это был обширный круглый бассейн, окружённый огромным кольцеобразным зданием, колонны которого поднимались из воды. Триеры проплывали между колонн внутрь арсенала и по наклонной плоскости поднимались в сухие доки. Посреди бассейна возвышалось круглое здание с доками и адмиральской наблюдательной башней; доки были рассчитаны на 220 кораблей – карфагенский флот был достойным соперником сиракузских эскадр.

Война между Карфагеном и Сиракузами продолжалась почти непрерывно в течение V и IV веков; морские сражения чередовались с боями на Сицилии: финикийцам принадлежала западная часть острова, грекам – восточная, и ни одна сторона не могла одолеть другую. Армия карфагенян состояла из разноплемённых наемников – деньги купцов и испанское серебро позволяли покупать жизни солдат. В этом мире наживы все решали деньги: за деньги можно было купить военную силу, власть, могущество; имея деньги, можно было попытаться завоевать мир – как это сделал знаменитый Ганнибал. Власть над Карфагеном принадлежала тому, кто больше заплатит, все продавалось и покупалось, и бедняк не считался за человека. Отряды хищных наёмников охраняли роскошные виллы буржуазии и

усмиряли толпы полуголодных рабов, а когда народное собрание пыталось предъявить свои права, навстречу ему тоже выходили шеренги наёмных варваров с обнаженными мечами. Таков был Карфаген, город золотого тельца, пытавшийся господствовать над половиной Ойкумены. Золото правило этим миром до тех пор, пока не пришла другая сила, более могущественная, чем золото, – сила римских легионов. Настало время, и на другом берегу моря в зале римского сената поднялся суровый старик и в воцарившейся тишине произнес роковые слова:

- Я считаю, что Карфаген надо разрушить...
- Да, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен.

Глава VI. История Древнего Рима

ГОРОД РОМУЛА

*Не гладок путь от
земли к звездам.*

Сенека

В еликий Рим был городом, где решались судьбы государств и народов, городом, откуда вышли железные легионы, разрушившие Карфаген, Сиракузы и Коринф. Римлянам было суждено властвовать и повелевать миром полтысячелетия – но, как всегда, эпохе расцвета предшествовали детство и юность – время, когда Рим был маленьким городком на вершине зеленого Палатинского холма.

Внизу, под холмом, в болотистой долине протекал Тибр, а по соседству возвышался ещё один холм, Квиринал, где тоже жили римляне – там было несколько десятков лачуг за деревянным частоколом. В долине Тибра было много таких городков; они принадлежали племенам латинов, некогда завоевавшим эту страну вместе с другими италийскими племенами. Это произошло в те далекие времена, когда на Средиземноморье обрушилось нашествие «морских народов», когда племена ариев, вырвавшись из Великой Степи, увлекли за собой прибрежные народы и, пересев с колесниц на корабли, достигли Италии и границ Египта. По легенде, в этот вихрь племен попали последние герои гомеровской Трои во главе с Энеем, считавшимся предком латинян; этот вихрь занёс в Италию и этрусков, обитавших где-то неподалеку от Трои и основавших по соседству с латинянами несколько воинственных общин. По преданию, дочь одного из латинских вождей была жрицей в храме богини Весты – давшей обет безбрачия «весталкой». По воле бога у нее родились близнецы, которых сочли за детей греха и приказали утопить. Раб отнес корыто с младенцами к реке и пустил вниз по течению; корыто пристало к берегу, и малышкой вскормила своим молоком волчица; потом их подобрал пастух, назвавший мальчиков Ромулом и Ремом. Когда близнецы выросли, они отомстили едва не погубившему их вождю, а затем с группой удалцов решили основать новую общину. Ромул выбрал место на пустынной вершине Палатинского холма – но это место не понравилось Рему; в ссоре братья схватились за мечи, и Рем был убит.

21 апреля 753 года Ромул провел борозду на месте будущего частокола и основал поселок, которому дал свое имя – Рома. Потом Ромул и его друзья пригласили на пир местных жителей, сабинян, и захватили их дочерей – легенда донесла до нас рассказ об обычных событиях тех времен, когда дружины завоевателей вторгались на чужую землю, и, засеяв на холме, совершали набеги на местное население, захватывали женщин и порабощали пленников. По легенде, сабиняне пытались вернуть своих дочерей и напали на Рим, но дочери, ставшие женами, пришли со своими маленькими детьми на поле боя и примирили отцов и братьев со своими мужьями. В конечном счете, пришедшие с Ромулом дружинники стали основателями патрицианских родов, закабаленные пленники – их «клиентами», а покоровшиеся и сохранившие свободу туземцы стали называться плебеями. «Арийские государства», основанные завоевателями в разных странах, были похожи друг на друга, везде – в Риме, в Спарте, в Хаттусе – везде были благородные господа, везде были рабы и сохранившие свободу туземцы-плебеи. Ополчение «благородных» везде возглавляли вожди-цари, правившие вместе с советом родовых старейшин – этот совет назывался в Риме сенатом; народное собрание лишь отвечало «да» или «нет» на вопросы старейшин.

Дружина Ромула не обладала такой силой, как древние хетты или спартанцы, поэтому рабов-клиентов было немного и отношение к ним было мягким, «отеческим» – они были включены в состав рода-«фамилии» как младшие родственники. Патрициям, не имевшим рабов, приходилось самим пахать землю, и образ идущего за плугом благородного патриция стал символом старого Рима – времен, когда «вечный город» был маленьким поселком на вершине холма. Под холмом располагался «форум», рыночная площадь с лавками и крытой соломой белёной глинобитной хижиной, храмом богини Весты, хранительницы домашнего очага. Жрицы-весталки постоянно поддерживали огонь в очаге, и любой поселянин мог взять здесь головню для своей потухшей печи. Дома благородных патрициев были такими же крытыми соломой хижинами, в которых огонь горел на земляном полу и дым выходил в двери – в VI веке, когда на берегах Италии процветали греческие колонии и греки жили в роскошных виллах с бассейнами и садами, – в это время Рим ещё оставался бедным варварским городком.

Римляне старались перенимать культуру греков и этрусков, они заимствовали у них письменность, цифры, календарь, меры веса, одежду, тайны гадания по полету птиц. Римских богов стали отождествлять с греческими, царя богов Юпитера – с Зевсом, бога войны Марса – с Аресом, богиню любви Венеру – с Афродитой. В VI веке Рим обнесли каменной стеной, а на одном из холмов – Капитолии – построили акрополь с большим храмом Юпитера. Это было время, когда в греческих городах правили тираны, – и римские цари подражали греческим тиранам, они покровительствовали плебеям и казнили многих недовольных патрициев. С падением греческой тирании патриции изгнали царей и передали власть двум консулам, избираемым ежегодно из числа знати. Этот государственный строй назывался «*res publica*» – «народное дело», однако в действительности «республика» была делом богатых и знатных. Со времен завоевания патриции присвоили себе большую часть земель, которую они называли «народным полем»; плебеи ютились на оставленных им жалких наделах, бедствовали и постоянно находились в долгу у патрициев. По закону, неисправного должника могли убить или обратить в рабство – патрицию было достаточно поклясться, что плебей ему задолжал. Плебеи были обязаны сопровождать патрициев на войну – но они не желали сражаться за «республику» и иногда в разгар войны уходили из Рима на Священную гору. Патрициям приходилось идти на уступки; они согласились, чтобы у плебеев были свои защитники, «народные трибуны», способные наложить «вето» на несправедливое решение сената и консулов. Двери в доме трибуна не запирались ни днем, ни ночью, и гонимые в любое время могли найти в нем защиту. Чтобы прекратить судебный произвол, был создан кодекс законов – законы были записаны на 12 медных таблицах и вывешены на обозрение народа.

В 390 году на Рим обрушилось нашествие галлов. Галлы (или кельты) пришли в Европу с Третьей Волной степных народов и покорили весь материк, лежавший за Альпами и Балканами. Они были многочисленны и сражались с неукротимой яростью, в V веке они захватили Северную Италию и в 390 году подступили к Риму. Римское войско было разбито в кровавой битве на реке Аллии, галлы ворвались в Рим, разграбили город, а затем осадили крепость на Капитолии. Осада продолжалась семь месяцев, и во время одного из ночных нападений римлян спасли лишь гуси, посвящённые богине Юноне: их гогот разбудил заснувших на стене воинов. Чтобы освободиться от осады, римлянам пришлось заплатить выкуп – когда они отмеряли золото, вождь галлов Бренн бросил на чашу с гирями свой меч. «Горе побежденным!» – сказал Бренн, и римляне покорно уравнили меч золотыми монетами.

Галлы пять раз подступали к Риму, и римлянам пришлось оставить распри; в 376 году патриции смирились и предоставили плебеям гражданские права, затем было отменено долговое рабство. Отныне плебеи сравнялись в правах с патрициями, и на смену власти знати пришла власть богатства. Богатые плебеи были включены в сенат, который стал собранием богатейших людей Рима; сенат по-прежнему управлял всеми делами, а бедняки по-прежнему страдали от безземелья и мечтали о революции, которая дала бы им землю. В 321 году Рим снова потерпел поражение – на этот раз от самнитских племен в Средней Италии; большая римская армия была окружена и сдалась в плен в Кавдинском ущелье. Самниты отпустили пленных, но принудили их пройти под позорным «иглом» – под копьём победителя, положенным на два других, воткнутых в землю копья. Римские полководцы были вынуждены приступить к реформе своих военных сил – к той самой великой реформе, которая даровала римлянам господство над миром.

Побуждаемые обстоятельствами войны, римляне изобрели новый способ маневрировать войсками на поле боя, их легионы строились не так, как фаланга – сплошной массой – а с промежутками, подобно клеткам на шахматной доске. Легион, насчитывавший 5 тысяч воинов, строился в три линии по манипулам в 120 человек; в ходе боя манипулы задних линий входили в промежутки передней линии, чтобы сменить потрепанные части или усилить удар. Это тактическое изобретение – возможность сменять части на поле боя – даровало римлянам господство над миром; новые легионы с легкостью разгромили самнитов

и галлов.

До Великой Реформы Рим был одним из многих италийских городов-государств – его владения не распространялись далее городских окрестностей. После реформы положение изменилось: римляне подчиняли всё новые и новые племена, присоединяя их в качестве «союзников». «Союзники» стали новыми плебеями: римляне отнимали у них половину земли, заставляли платить дань и сопровождать их на войне. На новые земли выводились римские колонии, безземельные бедняки были обеспечены фермами, и никто более не помышлял о революции: военная победа разрешила все социальные конфликты. К 272 году римляне овладели Средней и Южной Италией; в своем безудержном порыве легионы переправились в Сицилию и столкнулись с новым могущественным противником – Карфагеном.

Началась полувековая эпоха Великих Войн.

ГАННИБАЛ У ВОРОТ!

*Предоставьте мечу
решать судьбу мира.
Лукиан .*

Великая война Рима с Карфагеном была столкновением двух разных миров, удивительным образом оказавшихся на одной планете. Мир римлян – это был мир крестьян, идущих за плугом, но ещё не разучившихся воевать и хранящих в своих глинобитных хижинах воинские доспехи. Мир карфагенян был миром торговли, миром далёких морей, натянутых ветром парусов – и миром золота, которое двигало эту торговлю. Карфаген был городом, где поклонялись золотому тельцу, городом роскошных вилл с бассейнами и чернокожими наложницами, городом банков, где бородатые финикийцы перебирали холеными пальцами блестящие золотые кружочки. Золото означало власть, и, хотя финикийцы давно разучились сражаться, золото позволяло нанимать воинственных и жестоких варваров, галлов или нумидийцев, которым было всё равно, кого убивать.

В 264 году римляне по приглашению враждовавших между собой сицилийцев впервые высадились на этом благодатном острове – в ответ карфагенский флот начал опустошать берега Италии. У римлян не было флота, но они мобилизовали граждан, разобрали на части случайно попавшую к ним карфагенскую полиеру и по ее образцу за несколько месяцев построили 120 судов. В передней части своих кораблей римляне соорудили перекидные мостики, цеплявшиеся за борта судов противника – это новшество позволило им выиграть несколько морских сражений. Однако Карфаген был сильным противником, и война за Сицилию продолжалась 23 года; римляне высадились в Африке и подступили к самому Карфагену – но навстречу им вышли сотни боевых слонов, буквально раздавившие маленькую римскую армию. Римские моряки были неопытны и несколько раз попадали в шторм; морская пучина поглотила сотни кораблей и десятки тысяч римлян; побережье на многие мили было покрыто обломками судов. В конце концов, карфагеняне потерпели поражение, отдали Риму свои крепости на Сицилии и выплатили большую контрибуцию – но они не оставили мысли о реванше.

Карфагенскими наемниками в Сицилии командовал знаменитый полководец Гамилькар по прозвищу Барка – «Молния». Гамилькар ненавидел римлян и заставил своего 9-летнего сына Ганнибала поклясться отомстить Риму – если это не удастся сделать ему самому. Готовясь к новой войне, Гамилькар принялся расширять испанские владения Карфагена; он одержал много побед, подчинил местные иберийские племена, но, в конце концов, погиб в бою с воинственными варварами. Преемником Гамилькара на посту командующего армией стал его зять Гасдрубал, а затем подросший сын Ганнибал. Ганнибал был воспитан в военном лагере и с детства познал искусство войны, искусство маневров и военных хитростей. Военная добыча позволяла ему содержать армию и вести войну на свой страх и

риск, в 218 году он неожиданно двинулся со своим 60-тысячным войском из Испании в Италию.

На пути Ганнибала лежали покрытые снегом Альпы, и римляне считали карфагенского полководца безумцем. Армия двигалась по единственной обледенелой тропинке, воины тысячами срывались в пропасти и замерзали в снегах, засевшие на вершинах горцы сбрасывали сверху огромные валуны. Больше половины солдат нашло могилу во льдах, но для Ганнибала это были всего лишь наёмники-варвары; спустившись с гор, он мог наберечь новых. За горами, в долине реки По, Ганнибала ждали давние враги Рима, галлы – они пополнили поредевшее войско и вдохнули в него новые силы. Ганнибал вёл войну с помощью военных хитростей и засад – римлянам ещё не приходилось сталкиваться с таким противником. Сначала одна римская армия была окружена и разбита на реке Требии, затем, весной 217 года, на берегу Тразименского озера попала в засаду другая армия – это было страшное побоище, когда погибло 25 тысяч римлян. В Риме вспыхнула паника, и сенат вручил власть диктатору Фабию Максиму, опытному полководцу, который старался изнурять противника, не вступая в крупные сражения.

Летом 216 года пришедшие в себя римляне решили дать решающий бой; под знаменами прославленных легионов собралось 80 тысяч воинов. Римские легионеры были одеты в кирасы из железных пластин, в то время как галльские наёмники Ганнибала имели лишь щиты и мечи; обладая полуторным численным превосходством, римский консул Варрон не сомневался в успехе – но Ганнибал сумел найти слабое место римлян. Римская конница была слабее карфагенской, набранной среди кельтов и африканских кочевников-нумидийцев. В разыгравшейся близ города Канна знаменитой битве кельты и нумидийцы сумели опрокинуть стоявшую на флангах римскую конницу и, развернувшись, ударили в тыл легионам. Римляне были окружены, началась резня, в которой погибла почти вся римская армия.

Битва при Каннах вошла в историю военного искусства как символ окружения и разгрома – повторить Канна было мечтой всех европейских полководцев Нового времени. Однако победа при Каннах не принесла победы в войне; Рим сохранил свое могущество – ведь это был не только город, но и государство, включавшее тысячи деревень, населённых крестьянами, в домах которых хранились воинские доспехи. Результаты победы Ганнибала ограничились переходом на его сторону нескольких издавна враждебных Риму италийских племен; несколько племен и тридцать тысяч ненадёжных наемников – это было всё, что мог противопоставить Риму победитель при Каннах. Рим ответил на Канна всеобщей мобилизацией – он выставил на поле боя четыре новые армии и 230 тысяч воинов. Началась долгая война на истощение; избегая больших сражений, римляне шаг за шагом отесняли Ганнибала на юг полуострова. Карфагеняне были разбиты в Испании; наконец, в 204 году римский полководец Сципион высадился в Африке. Ганнибал погрузил свою армию на суда, перебил солдат, не желавших уходить из Италии, и поспешил на защиту Карфагена; весной 202 года близ города Зама произошла решающая битва. Превосходство в кавалерии было теперь у римлян и Сципион сумел окружить войска Ганнибала – точно так же, как это сделал Ганнибал при Каннах.

Карфаген был вынужден просить мира; карфагенские сенаторы, старцы в длинных белых одеждах, пришли к Сципиону, чтобы умолять о милости. Они отказались от владений в Испании, согласились выплатить огромную контрибуцию, перебить боевых слонов и отдать Риму свой военный флот. Сотни великолепных кораблей – краса и гордость Карфагена – были преданы огню, и карфагеняне плакали, глядя с городских стен на огромное зарево. Чтобы заплатить контрибуцию, карфагенская олигархия взвалила на народ непосильные налоги; это вызвало вспышку негодования: в Карфагене уже давно не было мира между бедными и богатыми, и народ не раз поднимался против буржуазии. В 206 году народное собрание вручило диктаторскую власть своему кумиру Ганнибалу, и он сумел заплатить Риму, отняв часть имущества у аристократии. Обобранные олигархи обратились к римлянам и обвинили Ганнибала в подготовке новой войны, на старости лет великому

полководцу пришлось бежать из родного города и искать убежища у сирийского царя Антиоха III. Но римляне продолжали преследовать своего кровного врага и, разгромив Антиоха, потребовали выдачи Ганнибала. Окруженный в своем доме врагами, Ганнибал принял яд. «Избавим римлян от давней заботы, раз уж им невтерпех дожидаться смерти старика», – сказал он, держа в руке чашу с отравой.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

*Будет некогда день и погибнет
священная Троя...*

Гомер.

Карфаген был плотиной, которая полстолетия сдерживала напор римских легионов – но, в конце концов, плотину прорвало, и на окружающий мир хлынула Римская Волна. В 200 году римские войска высадились в Греции; повидавшие мир греки с удивлением наблюдали за дисциплиной и выправкой новых завоевателей и за их удивительными маневрами на поле боя – маневренная тактика легионов была Новым Оружием, обеспечивавшим победу. В 197 году легионы встретились на Кеноскефальских холмах с доселе непобедимой македонской фалангой. Ощетинившаяся копьями фаланга первым страшным ударом сбросила римлян со склона холма, но, спустившись в ложину, она разорвала свой строй, и легионеры устремились в эти открытые промежутки. Македоняне с их шестиметровыми копьями были беспомощны перед короткими мечами ворвавшихся в их ряды римских солдат. Они поднимали свои копья вверх – это означало сдачу в плен – но римляне не понимали этого знака и убивали всех подряд. Одержав победу над македонским царем Филиппом V, римляне переправились в Азию и в битве при Магнезии разгромили сирийского царя Антиоха – через двенадцать лет после победы над Ганнибалом Рим стал повелителем Средиземноморья. Некогда могущественные цари вынуждены были заискивать перед римским сенатом, как и карфагеняне, они выдали Риму свой флот, своих боевых слонов и обязались заплатить огромную контрибуцию.

Римляне пока не требовали земли – они довольствовались огромной добычей, тоннами золота и серебра, драгоценностями, слоновой костью и десятками тысяч рабов. Греческие города были объявлены «свободными», но на деле всем распоряжались римляне, ставшие судьями в извечных конфликтах между городами. Македония не смирилась с новым порядком и ещё раз вступила в борьбу с Римом; в 168 году фаланга снова встретилась с легионами в битве при Пидне – и снова потерпела поражение; 25 тысяч македонян остались на поле боя – это была последняя великая победа Рима: после этой победы у римлян уже не было достойных противников. Римский консул Эмилий Павел удостоился грандиозного триумфа: три дня через город несли захваченные им богатства, золото, картины, статуи, оружие; следом за добычей под щёлканье плетей гнали толпу знатных пленников – среди них был и царь поверженной Македонии Персей. За пленниками в позолоченной колеснице ехал победитель Эмилий Павел; над его головой раб держал золотой венок; время от времени раб склонялся к герою торжества и негромко напоминал ему: «Не возгордись! Помни, что ты всего лишь человек! Помни о смерти!» За полководцем, распевая походные песни, шли его воины; весь город ликовал в предвкушении денежных раздач и праздничного пира – ещё никогда триумф полководца не праздновался с таким великолепием.

Македония была обезоружена и превращена в римскую провинцию – но у Рима остался ещё один старый враг, Карфаген. Ганнибал оставил о себе долгую память, и римляне со страхом смотрели на возродившуюся мощь Карфагена. «Карфаген должен быть разрушен!» – без устали повторял один из вождей сената, знаменитый оратор Катон. В 149 году римляне

потребовали у Карфагена выдать накопленное в городе оружие – и карфагеняне, смирившись, отдали свои доспехи и катапульты. Однако затем последовало новое требование: карфагеняне должны были оставить свой город, оставить кормившую их морскую торговлю и поселиться вдали от моря.

Вопль отчаяния пронёсся по Карфагену при известии об этих условиях; обезумевшая толпа бросилась убивать аристократов, сторонников соглашения с Римом. Были освобождены и призваны в армию рабы; всё золото, все украшения и драгоценности были собраны, чтобы купить оружие и зерно; женщины остригли свои волосы, чтобы свить канаты для катапульт – и, наконец, по старому обычаю в жертву Ваалу были принесены сотни детей; под рёв и стенания толпы их сжигали в чреве огромной бронзовой статуи кровожадного бога. Голыми руками, сбрасывая со стен камни, карфагеняне сумели отразить первый штурм; тысячи людей с одними факелами бросились к осадным машинам и сожгли их; римляне были вынуждены перейти к осаде, которая продолжалась долгих три года. В конце концов, когда карфагеняне обессилели от голода, легионерам удалось ворваться в город. Карфаген горел; бои шли на улицах и на крышах шестиэтажных домов, которые рушились, погребая сражавшихся под обломками. Почти всё население огромного города погибло в кровавой резне; 50 тысяч уцелевших были обращены в рабство. Римляне сожгли всё, что осталось от Карфагена; предание рассказывает, что римский полководец Сципион Эмилиан долго смотрел на горящий город, тихо повторяя слова Гомера:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя...

Потом он приказал разравнять обугленные руины и провести борозду плугом – в знак того, что место, где стоял Карфаген, проклято во веки веков.

PAX ROMANA

Горе побежденным!

Брени.

С илой непобедимого оружия, огнем и мечом римляне создали новый мир и новый порядок – этот мир и этот порядок назывался *pax Romana*. Всё так же светило солнце над равнинами благословенной Италии, и римский крестьянин все так же шел за плугом – но теперь у него была пара добрых быков, которых вёл под узду молодой раб, приведённый из дальнего похода. Раб мог заменить крестьянина на пахоте, а домашнюю работу выполняла тихая служанка-рабыня, купленная на рабском рынке в соседнем городке. У крестьянина было несколько гектаров пашни и добротный дом, в котором на видном месте висели боевые доспехи. Римляне были господами нового мира, многие из них имели поместья с десятками рабов и виллы с колоннадами, парками и бассейнами.

Когда-то Ромул со своими патрициями укрепился на Палатинском холме, поработил часть окрестных жителей и заставил остальных платить дань – теперь римляне проделали это со всем Средиземноморьем. Окончательно подавив сопротивление италиков, они заняли лучшие земли полуострова; Рим стал огромным городом-лагерем, откуда во все стороны света выходили непобедимые легионы; они сметали с лица земли города и цивилизации и возвращались с горами золота и толпами закованных в кандалы рабов. Все государства завоевателей были похожи друг на друга и история Рима повторяла историю других арийских государств, историю хеттов, Микен и Спарты. Так же, как и в других арийских государствах, власть в Риме принадлежала знати, оплотом которой был совет старейшин, сенат. Патрицианский сенат в IV веке был пополнен богатейшими плебейскими семьями; аристократия происхождения слилась с аристократией богатства и образовала сословие «знатных», «нобилей».

Правителей Рима, консулов и преторов, избирал народ, но лишь нобили могли привлечь простонародье, устраивая для тысяч людей пиршества и цирковые развлечения.

Лишь богатство и знатность могли открыть путь к должностям, а потом в сенат – отставные сановники становились сенаторами. Сановники получали в управление провинции и командовали легионами, они развязывали грабительские войны и, вернувшись с добычей в Рим, возводили мраморные дворцы с портиками и статуями прославленных предков. Если не удавалось развязать войну, то наместники грабили собственную провинцию, требуя с неё контрибуции и новые налоги.

Порядки Рима почти не менялись с первобытных времен Ромула и Рема – государство не имело ни чиновничьего аппарата, ни налоговой системы. Римляне не платили налогов, а налоги с провинций сдавались на откупа, и их сбор в действительности был бесконтрольным грабежом несчастных провинциалов. Римские богачи создавали откупные компании, складывались и вносили налог авансом, а затем под видом сбора налога безжалостно грабили провинцию с помощью военных команд. Постепенно появилось целое сословие откупщиков и банкиров; по старой традиции их называли «всадниками» – потому что в прежние времена богачом считался только тот, кто прибывал в ополчение на коне. Всадники покупали и продавали паи откупных компаний; на старом рынке, «форуме», появилась украшенная колоннадой «базилика», где финансисты торговали паями и где судьи разбирали их споры.

В Риме появилась финансовая буржуазия и банки, но торговля и ремесла оставались чуждыми для народа крестьян и воинов; торговцами и ремесленниками обычно были поселившиеся в городе финикийцы и греки. После завоевания Греции дома богатых римлян наполнились греческими рабами; среди них было много ремесленников, создававших роскошные ткани, вазы, мебель. Греки познакомили Рим с роскошью и искусством; они научили римлян строить прекрасные виллы с портиками и пировать, возлежа на позолоченных ложах. На пирах появились изысканные яства, музыканты и красавицы-гетеры; стало модным упражняться в риторике и цитировать греческих поэтов. Появились театр и первые латинские писатели – по происхождению тоже греки; подражая гомеровской «Илиаде», грек Энний написал на латыни большую поэму о войне с Ганнибалом.

Всё это не нравилось приверженцам старых традиций, привыкшим носить простую одежду и есть грубую пищу; знаменитый поборник старины сенатор Катон приказал закрыть первый театр и снести несколько роскошных вилл. Римское простонародье предпочитало театру кровавые бои гладиаторов, исконно римскую забаву, когда на арене цирка заставляли сражаться между собой приведённых из похода пленных. В этих сражениях иногда участвовали целые отряды пехотинцев и всадников, убивавших друг друга под рев многотысячной толпы; арена была залита кровью и покрыта трупами – и даже среди зрителей-болельщиков вспыхивали яростные схватки. Римляне оставались варварским народом, едва затронутым греческой цивилизацией. Школы, в которых преподавали греческие вольноотпущенники, посещали лишь дети аристократии; простонародье было равнодушно к музыке, танцам и даже к спортивным упражнениям в гимназиях.

В Риме уважали лишь силу и доблесть в сражениях, а к побежденным, пленным, рабам относились с высокомерным презрением. У римлян было множество рабов – их было гораздо больше, чем свободных – и считалось, что удержать их в повиновении можно лишь страхом. Сенатор Катон советовал изнурять раба непосильной работой так, чтобы он не думал ни о чём, кроме как о еде и сне. Старых и больных рабов привозили на один из островов посреди Тибра и оставляли там умирать – там повсюду белели черепа и кости умерших голодной смертью рабов. На огромных плантациях в Сицилии трудились сотни и тысячи рабов, разделённые на рабочие отряды; они работали в цепях под щелканье бичей, а на ночь их загоняли в казарму, где они спали вповалку на земляном полу.

В 137 году доведённые до отчаяния рабы восстали и, вырвавшись из казарм, буквально растерзали своих господ – тех, кто не успел бежать с острова. Вооружившись топорами, мотыгами и серпами, рабы разгромили несколько римских отрядов и три года владели Сицилией – но, в конце концов, восстание было подавлено, и 20 тысяч рабов было распято на крестах. Кресты стояли по всей Сицилии – это был символ римского мира и римского

порядка, «Рах Romana». Кресты с умирающими рабами, толпы пленных, бредущих перед колесницей триумфатора; мерный шаг проходящих через город легионов; рёв толпы и трупы гладиаторов на арене; мраморные виллы в зелени парков – таков был римский мир в глазах современников. «Горе побежденным!» – таков был девиз этого мира. Так же, как когда-то надменный вождь галлов, город Рим бросил свой меч на мировые весы, и все народы Средиземноморья покорно несли золото, чтобы уравновесить оружие победителя. Могло ли это продолжаться вечно? Быть может, это и был великий мировой порядок, установленный самой природой – порядок, при котором слабые должны быть рабами сильных?

На этот вопрос могло ответить лишь будущее.

СТОЛЕТНЯЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ни одно государство не может жить в покое. Если оно не находит

врага вовне, оно находит его внутри.

Ганнибал .

"В се течет, все меняется, – говорил великий философ Гераклит. – В одну и ту же реку нельзя войти дважды". Подобно тому, как река течет под влиянием силы тяжести, историей движет демографическое давление – и историю нельзя остановить, как нельзя остановить реку. За пятьдесят лет мира население Италии должно было увеличиться примерно вдвое, за сто лет – вчетверо, и рано или поздно должно было наступить Сжатие. Разделы отцовской земли между сыновьями приводили к измелчанию наделов и обнищанию крестьян, тех самых гордых римских крестьян, в домах которых раньше висели воинские доспехи – теперь они были проданы, чтобы расплатиться с долгами.

Ещё хуже было положение италиков, покоренных Римом италийских племен, отдавших победителям половину своей земли и сопровождавших легионы на войну в качестве «союзников». И легионеры, и «союзники» отчаянно нуждались в земле – и в Италии была земля, но она была занята поместьями нобилей, роскошными виллами, парками и плантациями, на которых работали сотни рабов. Эти богачи иногда давали займы бедному соседу, а потом забирали его землю в счет неоплаченного долга и расширяли свои плантации. Чтобы покупать самое необходимое, крестьянам нужно было продавать часть своего хлеба на рынке – однако и здесь их преследовала злая судьба: своим собственным оружием они заставили провинции поставлять в Италию огромное количество хлеба – и в результате оказались не в состоянии продать свой урожай. Разорённые крестьяне шли в Рим и просили подачек у дворцов знати; город был наполнен безработными и нищими, его население достигло миллиона, и он напоминал переполненный лавой, готовый извергнуться вулкан.

При всём разнообразии человеческих характеров и судеб, история имеет свойство повторяться снова и снова – события II века во многом повторяли события двухсотлетней давности, эпоху борьбы патрициев и плебеев. Мировая история видела много периодов Сжатия и много революций: революции в Сиракузах, Спарте, Ахайе – и в более давние времена похожие события происходили на Ближнем Востоке. Однако потрясения в Риме намного превосходили масштабами всё, что до сих пор видел мир – одно дело маленькая Спарта, владевшая лишь зелёной долиной Эвроты, и другое дело – огромный Рим, господствовавший над Средиземноморьем.

Так же, как в Спарте, первыми, кто услышал рокот пробуждающегося вулкана, были вожди армии: их обнищавшие солдаты больше не могли воевать и требовали земли. В 133 году соратник разрушителя Карфагена, Сципиона, народный трибун Тиберий Грах предложил ограничить поместья знати 250 гектарами, а излишек раздать бедным. Это было воскрешение закона, принятого по требованию плебеев ещё в 367 году, но так и не проведённого в жизнь – безземельные крестьяне II века, подобно плебеям, снова поднялись на борьбу. Массы крестьян со всей Италии собрались в Рим, чтобы поддержать Тиберия

Гракха; при всеобщем ликовании народное собрание утвердило «аграрный закон» – с тех пор это слово стало символом социальной революции. Противившийся принятию закона трибун Октавий был лишен должности и едва не растерзан толпой; десятки тысяч крестьян получили землю – однако знать продолжала сопротивляться. Когда итальянские крестьяне покинули Рим, аристократы спровоцировали столкновение в народном собрании; сенаторы, самые почтенные люди Рима, вооружившись дубинами и ножками разбитых скамей, бросились на сторонников Тиберия. Тиберий был убит ударом дубины, и его тело было брошено в Тибр; вместе с народным вождем погибло около 300 его соратников.

Наделение крестьян землей было прекращено, но остановить революцию было невозможно: ведь крестьянам не оставалось ничего иного, как бороться за землю или умирать от голода. В 123 году собравшиеся со всей Италии крестьяне избрали народным трибуном младшего брата Тиберия, Гая Гракха. Так как в Италии земли не хватало, то Гай Гракх стал выводить переселенческие колонии и выделять крестьянам землю в провинциях. Для городской бедноты были организованы хлебные раздачи: за счет поставок из провинций каждому гражданину полагалось по буханке хлеба в день. Гай Гракх предложил наделить гражданскими правами италиков и дать им землю в колониях – это был новый лозунг, который вовлекал в революцию миллионы бедных итальянских крестьян. Гракх стал популярен среди италиков – но от него отшатнулись римляне, не желавшие, чтобы их равняли с «союзниками». На новых выборах кандидатура Гракха была отвергнута, и сенат, воспользовавшись случайным инцидентом, постановил «низложить тирана». Войска штурмом овладели Авентинским холмом, где укрепились сторонники народного вождя; Гай обратился в бегство, он бежал по улицам города, и прохожие, точно на состязаниях, призывали его бежать быстрее – но никто не оказал помощи. Окруженный врагами, Гракх приказал верному рабу пронзить его мечом; его тело так же, как тело его брата, было брошено в воды Тибра.

Сенат сумел подавить ещё одну вспышку революции, но вулкан народного гнева продолжал клочкотать, и требовалось лишь время, чтобы из него снова потекла лава. Со времен гибели Гракхов римское общество раскололось на две ненавидевшие друг друга партии, их называли «аристократы» и «демократы», «оптиматы» и «популяры», а чаще – «сенат» и «народ». Обнищавшее крестьянство не могло и не желало сражаться за власть сената; армия вконец разложилась, и некогда непобедимые легионы терпели поражения от африканского царька Югурты. В 107 году выслужившийся солдат, бедняцкий сын Гай Марий, заявил, что наведет порядок в армии и победит Югурту, – и, чтобы досадить аристократам, народ избрал его консулом. В прежние времена в армию призывали лишь тех, кто имел оружие и землю, – Марий открыл доступ в легионы всем беднякам Италии, пообещав выдать им оружие и доспехи. Новые легионы отличались от прежних железной дисциплиной и высокой боеспособностью: новых солдат не тревожила мысль об оставленном ими хозяйстве; им было некуда возвращаться, и армия стала их домом.

Легионы Мария разгромили Югурту, а затем отразили страшное нашествие дотоле неизвестных северных племен, кимвров и тевтонов. Марий стал народным героем, он шесть раз избирался консулом, но его ветеранов беспокоило их будущее после отставки; они вышли из крестьян и думали о том же, что и крестьяне всей Италии: о земле. В 100 году до нашей эры они присоединились к собравшимся в Риме итальянским беднякам; народное собрание, возглавленное трибуном Сатурнином, потребовало гражданских прав для италиков, земли для неимущих граждан и наделов для ветеранов. Марий поддержал Сатурнина – но лишь в вопросе о ветеранских наделах; когда этот закон был принят, он изменил народному делу. Так же, как двадцать лет назад, демократы были осаждены на одном из римских холмов и почти все погибли; сенат снова торжествовал победу.

Италия затихла на десять лет – но Сжатие продолжалось и новый взрыв был неизбежен. В 91 году дело народа неожиданно поддержал один из видных аристократов, потомок древнего сенаторского рода Ливий Друз. Им двигало человеческое благородство и стремление к справедливости – и он выступил с предложением дать гражданские права

италикам и землю неимущим крестьянам.

Благородство стоило Друзу жизни – он был убит на пороге своего дома. Эта смерть вызвала взрыв негодования среди италиков – революция, в конце концов, разразилась гражданской войной. Италийские племена выставили на поле боя 100 тысяч солдат, и Рим оказался на краю гибели; два года по всей Италии кипели яростные сражения. В 89 году римляне пообещали предоставить гражданские права тем, кто прекратит борьбу, и война в Италии затихла – но лишь для того, чтобы вспыхнуть в самом Риме. Теперь уже на улицах города демократы вступили в бой с аристократией, не желавшей дать полные права италикам; вождь сената, полководец Корнелий Сулла пошел со своей армией на Рим и взял штурмом родной город. Обратив в бегство своих противников, Сулла отправился на восток – воевать с захватившим Грецию малоазиатским царем Митридатом. Воспользовавшись отсутствием Суллы, демократы собрались с силами и овладели Римом; они объединились с италиками и дали им полное гражданство. Вождь демократов, старый полководец Гай Марий освобождал рабов и с составленным из освобожденных отрядом убивал не успевших бежать сенаторов. В 83 году Сулла вернулся в Италию и после двух лет жестокой войны разгромил войска демократов. Вождь знати ещё раз взял штурмом Рим и в торжественной обстановке собрал сенат; он начал речь – и его слова послужили сигналом к резне согнанных на соседнюю площадь тысяч пленных. Потрясённые сенаторы слушали речь Суллы под страшные крики умирающих; Сулла закончил тем, что объявил «проскрипции» – массовую охоту на своих врагов по всей Италии; во время этой охоты вырезались целые города.

Гражданская война привела к власти кровавую ДИКТАТУРУ АРИСТОКРАТИИ – здесь мы впервые соприкасаемся с этим сравнительно редким историческим явлением. Диктатура аристократии носит временный характер: подавив революцию, опустошив половину Италии и усмирив простонародье, диктатор Корнелий Сулла в 79 году вернул власть сенату. Обессиленный народ на время смирился со своей участью, но вскоре разразилась новая война – на этот раз на борьбу поднялись рабы. В 74 году 80 гладиаторов во главе со Спартаксом вырвались из своей казармы в городе Капуе и укрепились на вершине горы Везувий. Везувий стал местом сбора для тысяч беглых рабов, из которых Спартакс формировал манипулы и легионы. Армия рабов разбила войска консулов и, разрастаясь, как снежный ком, прошла всю Италию сначала с юга на север, а затем с севера на юг. В 71 году в решающей битве на юге Италии восставшие рабы были разбиты полководцем Марком Крассом, Спартакс погиб в сражении, 6 тысяч пленных были распяты на крестах.

Между тем, народная партия постепенно оправилась от поражения, крестьяне по-прежнему требовали земли, число разорившихся возрастало и новый подъем борьбы был неизбежен. В 63 году аристократ Сергей Катилина водрузил на площади одного из италийских городов старое знамя Марии и поднял крестьян на восстание – но потерпел поражение. Сторонники Катилины в Риме были арестованы консулом Цицероном, который использовал всё свое ораторское искусство, чтобы убедить сенат казнить заговорщиков без суда; толпа аристократов на площади приветствовала Цицерона как своего вождя и «отца отечества». Другим вождем знати считался соратник Суллы Гней Помпей, прославившийся своими победами на Востоке. Завоевав Малую Азию и Сирию, Помпей в 62 году в ореоле славы вернулся в Рим. Ступив на землю Италии, он распустил свои победоносные легионы, но пообещал ветеранам, что добьется выделения им земельных наделов. Однако сенат, боявшийся популярности Помпея, воспрепятствовал выполнению этого обещания – тогда разгневанный Помпей заключил союз с вождем народной партии Цезарем и богатейшим человеком Рима Крассом. В 59 году с помощью голосов крестьян и денег Красса этот «триумvirат» провел Цезаря в консулы – а Цезарь, в свою очередь, обеспечил принятие закона об основании нескольких колоний для ветеранов и неимущих. По окончании консульства Цезарь получил в управление северные пограничные провинции и вступил в командование стоявшими там легионами.

За северной границей вплоть до берегов океана простиралась покрытая лесами страна воинственных варваров-галлов – тех самых галлов, которые когда-то овладели Римом.

Цезарь приступил к завоеванию этой огромной страны; эта война продолжалась десять лет, и, по свидетельству римского историка, Цезарь сражался с тремя миллионами воинов, из которых один миллион он уничтожил во время битв и столько же захватил в плен. Военные победы принесли Цезарю громкую славу; солдаты боготворили своего полководца, который разделял с ними все тяготы походной жизни. Завоевав Галлию, Цезарь стал правителем обширных земель, обладателем мощной армии и огромных богатств. Не обращая внимания на сенат, он проводил в Галлии традиционную политику демократов, основывал переселенческие колонии и наделял землей ветеранов и бедняков.

В 50 году сенат признал незаконным основание Цезарем колоний и потребовал от него оставить наместничество. Подчиниться этому требованию означало для Цезаря предать своих солдат, которым он обещал землю и которые никогда не получили бы её из рук сената. 10 января 49 года Цезарь с одним из своих легионов под покровом ночи подошел к реке Рубикон, отделявшей его провинции от центральной Италии; он долго стоял, колеблясь принять решение – и, наконец, сказав: «Жребий брошен!», – скомандовал переправу. Маленькое войско Цезаря быстрым маршем двинулось на Рим, в котором началась паника – аристократы, бросая свое добро, бежали из города. Сенат поручил Помпею остановить армию Цезаря, но Помпей не успел собрать войска и переправился в Македонию, где близ городка Фарсал год спустя произошло решающее сражение. Армия Помпея была вдвое больше армии Цезаря, в её рядах собралась знатная молодежь Рима, и Цезарь насмешливо советовал своим ветеранам направлять копья этим «танцорам» в лицо – они испугаются за свою красоту и побегут.

Всё случилось, как предсказывал Цезарь. Помпей потерпел сокрушительное поражение, бежал в Египет и был там убит. После трехлетней борьбы Цезарь утвердил свою власть в провинциях и с триумфом вернулся в Рим; при огромном стечении народа один из его соратников, Антоний, протянул победителю царскую корону. Цезарь отвел в сторону руку с протянутой короной – но, в действительности, он стал монархом, и монархом настолько могущественным, что само имя Цезаря впоследствии превратилось в «царь» (в древности монархов называли «басилевс» или «рекс»).

После столетия восстаний и кровавых расправ, социальная революция, наконец, породила монархию. Монархия удовлетворила чаяния народа – она дала ему землю. Массы италийских бедняков получили наделы в основанных Цезарем переселенческих колониях – преимущественно в провинциях; новый властелин не хотел окончательно порывать со знатью и сохранил её земли в Италии. Аристократы, ещё недавно боровшиеся с Цезарем, вернулись в Рим и заняли свои места на сенатских скамьях. Когда Цицерон, имевший основания ожидать самого худшего, подошел к свите Цезаря, полководец спрыгнул с коня и неожиданно для всех подал знаменитому оратору руку. Цезарь хотел мира, он восстановил статую Помпея в сенате и дал должности своим заклятым врагам Бруту и Кассию – но знать не примирилась с потерей власти. Брут и Кассий организовали заговор, и 15 марта 44 года Цезарь был убит у подножия статуи Помпея; обступив Цезаря, заговорщики нанесли ему 23 удара ножами.

Сенат, а затем и весь город охватила паника. Никто не знал, что делать; заговорщики вооружили своих рабов и укрепились на Капитолийском холме. Заслышав о смерти Цезаря, десятки тысяч солдат и крестьян, ждавших раздачи наделов, двинулись в Рим; в день похорон вождя на форуме собралось людское море. Антоний, произносивший речь, поддался внезапному порыву и развернул перед охваченной горем толпой окровавленные одежды Цезаря. Вмиг все смешалось, одни принялись тут же сооружать огромный погребальный костер, другие в ярости бросились громить дома аристократов. Заговорщики бежали из города, и власть оказалась в руках Антония – однако вскоре появился другой претендент – усыновленный Цезарем его 18-летний племянник Октавиан.

Наследники монарха, Антоний и Октавиан, вступили в борьбу за опустевший трон. После нескольких сражений их солдаты, ветераны походов Цезаря, заставили своих полководцев помириться и отомстить знати за убийство вождя; были объявлены

«проскрипции» – всеобщая охота на аристократов, их убивали в домах, на улицах, на кораблях во время бегства из Италии. Было убито более двух тысяч богатейших людей и среди них знаменитый оратор, вождь аристократии Цицерон. Конфискованные у знати поместья после раздела на мелкие участки раздавались ветеранам и беднякам. В 42 году Антоний и Октавиан с огромной армией отправились на восток, где Брут и Кассий от имени сената собирали войска для похода на Рим. Близ города Филиппы в Македонии произошла грандиозная битва, в которой с обеих сторон сражалось по сто тысяч римлян. Войска сената были разбиты; Брут и Кассий в отчаянии бросились на мечи – это был последний акт столетней трагедии; заключительная сцена борьбы между аристократией и монархией, сенатом и народом.

Истории оставалось дописать эпилог долгой драмы. В монархии не может быть двух царей – поэтому рано или поздно должно было произойти столкновение между Антонием и Октавианом. Антоний, забывший о политике ради любви, женился на египетской царице Клеопатре и, проводя дни в пирах, растерял своих римских друзей. Когда армии соперников в 31 году встретились близ мыса Акциум, солдаты Антония стали переходить на сторону Октавиана. Рассчитывая на мощный египетский флот, Антоний решил дать морское сражение; он посадил двадцать тысяч своих легионеров на огромные окованные медью египетские корабли и атаковал противника. Однако эпоха морских гигантов уже ушла в прошлое: во II веке родосцы изобрели «греческий огонь», зажигательную смесь, которую выпрыскивали на корабли противника из огнеметов. Плавающие крепости Антония были подожжены и превратились в пылающие факелы, Клеопатра повернула уцелевшие корабли в открытое море – и Антоний, потеряв голову и бросив на произвол судьбы свои легионы, последовал за своей царицей. Год спустя Антоний и Клеопатра покончили с собой в осажденной Александрии – это были последние жертвы столетней революции.

Сто лет могущественный закон природы заставлял людей убивать друг друга в борьбе за землю и хлеб – это был закон, некогда сформулированный Платоном и Аристотелем: перенаселение порождает революцию и монархию. Волны революции раз за разом накатывались на Рим, снова и снова подтверждая неумолимость законов природы. Эти волны, как щепками, играли судьбами людей, вознося на вершину вождей и героев и свержая их в пропасть. Великие герои Рима, чьи имена и поступки передаются из поколения в поколение, были лишь игрушками на воле волн – если бы они исчезли в бездне, революция бы выбросила наверх новых – когда движутся миллионные массы, всегда кто-то оказывается впереди.

Сто лет и шесть могучих ударов понадобилось революции, чтобы одержать победу; понадобилось три гражданские войны и гибель миллионов людей – именно так делается история. Старое ожесточенно сопротивляется и никогда не уступает дорогу новому; знать с её богатствами, с толпами слуг, рабов и клиентов представляла могучую силу, и эта сила яростно сопротивлялась натиску миллионов обездоленных. Лозунгами знати были «закон» и «свобода», а вождей народа аристократы называли «тиранами» – однако эти словесные штампы были лишь орудиями в пропагандистской борьбе. «Закон» и «свобода» означали установленный знатю порядок, а «тираном» называли всякого, кто ему угрожал. Противникам предъявляли обвинение в «тирании», а затем убивали их, не считаясь ни с какими «законами» – главным оружием знати был открытый террор и, пользуясь своей властью, она истребляла сначала сотни, потом тысячи, потом десятки и сотни тысяч восставших. Вершиной этого террора были проскрипции Суллы, когда вырезались целые города, а заседания сената проходили под предсмертные крики тысяч людей. Это была гражданская война, война, в которой побеждают те, кто убьет больше своих сограждан – и, в конечном счете, знать стала жертвой этой войны. На смену проскрипциям Суллы пришли проскрипции Антония и Октавиана, аристократов убивали в домах и на улицах; знать была сломлена и парализована ужасом. С помощью террора народ одержал решающую победу; период гражданских войн подошел к концу, и Рим успокоился на два столетия. Законы истории проложили себе дорогу через поля сражений: великая революция породила

Мировую Империю.

МИРОВАЯ ИМПЕРИЯ

*Твоим законам, Август, покорствуют
Дуная воду пьющие варвары...
И гет, и сер, и парф лукавый,
И порожденные Доном скифы.*
Гораций.

Если подняться мысленным взором высоко над землей, над городами, морями и равнинами – так, чтобы было видно весь мир, – то нам открылась бы удивительная картина. В центре мира располагался огромный город с колоссальными дворцами и храмами, с переполненными народом площадями, улицами и амфитеатрами – это был Рим, город, который называли «вечным». От «вечного города» расходились мощёные каменные дороги в провинции; там тоже были города, храмы и амфитеатры, похожие на уменьшенные копии римских зданий. Вокруг городов располагались ухоженные поля, виллы и села – области, освоенные крестьянином-земледельцем; страна, где царствовали пшеничный колос и виноградная лоза. Этот обетованный мир простирался на север вплоть до двух больших рек, Дуная и Рейна; на их берегах стояли лагеря легионов и земляные валы со смотровыми вышками. На той стороне – там, куда вглядывались солдаты на вышках, – там были лишь густые леса, там не было ни городов, ни дорог, ни храмов, только маленькие деревеньки, прятavшиеся в глубине леса. Казалось, ничто не нарушало вечного покоя лесов, но это впечатление было обманчивым: под их зелеными сводами текла своя, непонятная для римлян жизнь: иногда лес пробуждался и исторгал из своих глубин орды варваров. Огромные скопища диких, одетых в шкуры воинов бросались на пограничные укрепления, засыпали рвы, обрушивали стены и врывались на цветущую равнину, обращая в пепел города и деревни. Подоспевшие к месту прорыва резервные армии вскоре обращали варваров в бегство – но порождённый нашествиями ужас был столь велик, что крестьяне ещё долго рассказывали легенды о неистовой ярости северных варваров, о том, как их богатыри голыми бросаются в битву и в бешенстве кусают свои щиты.

Защитниками цивилизации от варварства были жившие в Риме божественные императоры – это они во главе легионов выходили навстречу полчищам дикарей, и это в их честь после победы устанавливали огромные колонны со статуями, простирающимися над городом свои бронзовые ладони. Когда-то в давние времена именем императора приветствовали одержавших победу полководцев; теперь это имя стало обозначать главнокомандующего, монарха и самодержца. Первыми императорами были Цезарь и Октавиан, которого называли «священным» – «Августом». Вернувшись в Рим после великой победы при Акциуме, Октавиан отпраздновал грандиозный триумф и торжественно закрыл никогда не закрывавшийся до тех пор Храм Войны. Он заявил о наступлении эпохи мира и о своем желании править в согласии с сенатом – новый сенат состоял из приверженцев Августа, покорных его воле. Огромная армия была распущена по домам; 300 тысяч ветеранов получили землю и деньги на обустройство. Земельный вопрос был решен: любой гражданин мог записаться в легионы и после службы получить долгожданный надел. Для римлян устраивались хлебные раздачи и многочисленные празднества с гладиаторскими боями и театральными действиями; после представлений раздавали деньги и куски жареного мяса – так что народ обожал Августа и бурно приветствовал его появление в амфитеатре; повсюду стояли алтари, на которых молились духу-покровителю императора. Ораторы и поэты воспевали наступившую эпоху мира и благополучия:

Тучнеют нивы, солнцем согретые,
Знамена дремлют в храме Юпитера...
– писал знаменитый поэт Гораций. -
...Ты наш защитник, Август! Ни гибельной
Войны гражданской ужас не страшен нам,
Ни гнев, кующий меч...

Это было время поэтов, историков и архитекторов. Рим наконец успокоился от битв и поэтическая лира на время заглушила лязг мечей. Выучившись у греков, Италия породила собственных поэтов и собственные поэтические предания. Любимец римлян Вергилий Марон написал «Энеиду» – историю скитаний троянского героя Энея, потомки которого основали Рим и теперь правили половиной мира. Певец любви Овидий подарил римлянам мир любовных грез и приоткрыл тайны наслаждений. Сам Август писал стихи и ревностно следил за исканиями поэтов; его друг Меценат оказывал покровительство тем, кто прославлял императора; им дарили окруженные садами виллы, и они не знали, что такое нужда. Тех, кто вызывал недовольство Августа, ждала ссылка; обвиненный в безнравственности Овидий был сослан на берега Черного моря и до конца своих дней писал там «скорбные элегии».

Император покровительствовал ученым; с его благословения «отец римской истории» Тит Ливий создал «Историю Рима от основания города», а географ Страбон описал все известные тогда страны и народы. При поддержке Августа инженер-механик Витрувий написал «Десять книг об архитектуре» – обширный труд, рассказывавший о строительном ремесле, о различных машинах и о замечательных открытиях того времени: о водяной мельнице, об искусстве приготовления бетона и строительства арок. Эпоха мира позволила обратить на строительство силы, растрачивавшиеся на войны; во все провинции пролегли мощеные камнем дороги, а небо над городами прочертили грациозные акведуки – водопроводы, переброшенные через низины на изящных арочных устоях: римляне не знали о законе сообщающихся сосудов и секрете водонапорных башен.

Август, как и многие другие монархи, желал обессмертить свое имя прекрасными храмами и дворцами. В это время были построены новый форум с мраморным храмом Марса и «Храм всех богов» – Пантеон; с огромным, возвышающимся над городом куполом. Рим украсили великолепные здания и дворцы, и император с гордостью говорил, что «застал город кирпичным, а оставляет его мраморным». По образцу греческих гимнасиев были построены первые общественные термы – огромные здания с залами для гимнастических упражнений, бассейнами с горячей и холодной водой, комнатами для отдыха и бесед. В отличие от греков, римляне предпочитали спорту телесные удовольствия, и их термы были не столько спортивными комплексами, сколько роскошными банями с парилками и массажными комнатами – причем этими банями наслаждались вместе мужчины и женщины. Вокруг терм располагался прекрасный парк с искусственным озером, фонтанами и портиками – это было любимое место отдыха для тысяч римлян. В одном из портиков была выставлена напоказ огромная мозаичная карта Римской Империи – первая в мире карта, на которой было изображено всё Средиземноморье, моря, города и реки – весь римский мир.

Великолепные термы, сады и портики были созданы императорами для простого народа – для тех, кто не имел собственных вилл и садов и ютился в переполненных многоэтажных домах. Простонародье одержало победу над знатью – и его вожди, императоры, строили для народа огромные дворцы-термы, раздавали народу хлеб и устраивали для него празднества. Август был пожизненным народным трибуном, «защитником плебеев», таким же, как братья Гракхи. Перед смертью в 14 году он передал власть императора и трибуна своему пасынку, полководцу Тиберию. К этому времени знать, парализованная страхом проскрипций, пришла в себя и возобновила заговоры против императоров; преемники Августа отвечали казнями и конфискациями. Конфискации

богатств знати — это был способ «государственного регулирования», с помощью которого императоры наполняли казну и обеспечивали земель солдат — ведь для обустройства огромных масс ветеранов требовались очень большие средства.

Конфискации порождали заговоры аристократов, а разоблаченные заговоры приводили к казням и новым конфискациям. Знать ненавидела императоров; сенатские историки изображали их как тиранов, извергов, отъявленных садистов и сумасшедших; особенно досталось императору Нерону (54 — 68 гг.), который якобы поджег Рим и, наслаждаясь зрелищем пожара, воспевал гибель Трои. Нерон погиб в результате организованного аристократами заговора, но сенатская знать не сумела удержать власть — против неё выступили гвардейцы и стоявшие в провинциях легионы. Три армии провозгласили трех разных императоров и полтора года сражались между собой за обладание Римом. Победу одержал командующий восточной армией Флавий Веспасиан, он произвел чистку сената и заявил, что «император отныне неподвластен законам». Его сын Домициан потребовал, чтобы его называли богом, и возобновил конфискации и казни. Когда в 96 году Домициан был убит заговорщиками, сенат охватил взрыв ликования; сенаторы обнимались и пели песни — наконец-то наступило их время. Аристократам удалось посадить на трон своего вождя, престарелого сенатора Нерву. Конфискации прекратились, отныне знать снова могла беспрепятственно опутывать крестьян долговой кабалой и округлять свои владения.

Но прекращение конфискаций обернулось оскудением казны и нехваткой средств. Преемник Нервы, император Траян (98 — 117) попытался наполнить казну путем завоеваний — но неудачно. Император Адриан (117 — 138) остановил войны и стал экономить на раздачах солдатам и народу. Армия была сокращена, и Империя уже не помышляла о завоеваниях; солдаты строили укрепления на границе, копали рвы и, в ожидании худшего, вглядывались в леса на той стороне. Худшие времена не заставили себя ждать: в правление Марка Аврелия (161 — 180 гг.) варвары прорвали дунайскую границу и устремились через Альпы в Италию; было разграблено множество городов, и лишь через 13 лет войны ослабевшим легионам удалось вытеснить варваров за Дунай.

Марк Аврелий был императором-философом, последователем афинянина Зенона, учившего быть равнодушным к счастью и несчастью. Он считал, что в мире ничего нельзя изменить и философски воспринимал обрушившиеся на страну бедствия, войны, голод и мор. Все эти бедствия были следствием могущественных причин, лежавших вне пределов императорской власти — это были следствия демографического закона, снова начавшего проявлять свое действие. Цезарь и Август на время решили земельную проблему, установив порядок, по которому граждане могли получить наделы после службы в армии. Миллионы италийцев, пройдя через армию, получили землю в Галлии и Испании; здесь выросли новые города, и некогда покрытые лесом области превратились в цветущие поля. Местное кельтское население усвоило латинскую культуру, знать получила римское гражданство, а местные вожди пополнили римский сенат. За двести лет мира население западных провинций увеличилось в десятки раз, и, в конце концов, произошло то, что должно было произойти, — началось Сжатие. Пришло время крестьянского малоземелья; задавленные долгами бедняки отдавали свою землю ростовщикам и становились арендаторами-колонами, толпы нищих бродили по дорогам, и каждый из них был готов работать за миску похлебки. Труд батрака или колона стал дешевле, чем труд раба, — и рабов стали массами отпускать на волю, давать им наделы и превращать в колонов. Поступить в армию, чтобы получить землю, было почти невозможно — туда брали в основном римских граждан, а большинство провинциалов не имело гражданских прав.

Провинциалы, «перегрины» или «чужестранцы», были новыми плебеями, несшими на себе всю тяжесть налогов, от которых освобождались полноправные граждане. Провинции снабжали римлян бесплатным хлебом, и это за их счет устраивались празднества и возводились мраморные дворцы Рима. Народ толпился на пристанях Рима, ожидая кораблей с египетским хлебом, а в это время в Египте сборщики налогов выбивали этот хлеб у крестьян с помощью плетей и палок. Рим оставался верным своему правилу: решать

социальные конфликты за счет других. Когда-то, много веков назад, плебеи боролись с патрициями, добиваясь земли и допуска в число граждан. Они добились своего, но эта земля была отнята у италиков, обращённых легионами в новых плебеев. Затем италики объединились с бедными гражданами и восстали, добиваясь полноправия и земли. Они получили желаемое, но одновременно в новых плебеев было обращено население завоёванных провинций. Теперь пришло время новой революции – на этот раз в масштабах всего Средиземноморья. Новое Сжатие должно было породить новые восстания, новых вождей и новых богов, и новые пророки с тревогой вглядывались в хмурое небо: «Смотрите: идет за мною Сильнейший меня».

ВОСТОК И ЗАПАД

*И сказали волхвы: мы видели
звезду его на востоке и пришли
поклониться ему.*

Матфей 2.2.

В огромном мире, называемом Римской Империей, был Запад и был Восток. Западные провинции ещё недавно были страной варваров, здесь лишь недавно появились города, каменные храмы, ремесла и торговля – всё то, что называют цивилизацией. Всё это пришло с Востока – ибо именно Восток был обителью тысячелетней культуры; время останавливало свой бег у подножия пирамид – и никто из римлян не знал, кем и когда созданы эти первые памятники первой цивилизации. Из Египта культура пришла в Грецию, из Греции в Рим, а из Рима – на Запад; она пришла вместе с городами, ремёслами и торговлей, и всё это было следствием одной великой причины – следствием повышения демографического давления. Ближний Восток был родиной земледелия, и здесь появились первые земледельческие общины; когда здесь стало тесно, крестьяне взвалили на плечи мотыги и пошли на запад осваивать новый мир. Сжатие постепенно распространялось с востока на запад, и вслед за расцветом городов неизбежно наступало время революций. Восток уже давно пережил это время, здесь давно утвердились социалистические монархии, и цари выступали в роли богов – охранителей справедливости. Большая часть земли принадлежала царям, и посланные царем писцы предписывали, что и когда сеять, а потом забирали государеву долю урожая. Так всегда было в Египте, и завоеватели не меняли порядков этой страны; их вожди становились фараонами и, подобно Александру, с удивлением узнавали от жрецов, что они – боги, сыновья Солнца. В отличие от древних фараонов эти новые боги часто забывали о справедливости – они были завоевателями и увеличивали подати по праву завоевателя. Там, где сохранялась местная знать, они даровали ей привилегии, и сильные договаривались между собой за счет народа. Знать старалась войти в среду новых владык, меняла свои имена на греческие и римские, а затем, пользуясь привилегиями «римлян», притесняла бедноту и округляла свои поместья. Местные ростовщики, жрецы и «первосвященники» вместе с римлянами брали на откуп налоги; в сопровождении вооруженной стражи они ходили по деревням, отбирая у крестьян всё, что ещё осталось. Тем, у кого ничего не было, одевали на шею веревку и уводили в рабство – такова была судьба перегринов и на западе, и на востоке. Однако Запад оставался Западом, а Восток – Востоком; демографическое давление на Востоке было столь высоким, что попрание справедливости сразу же вело к голоду и восстаниям – и на площадях сразу же появлялись пророки, указующие перстом в хмурое небо.

История Востока знала много пророков и пророчиц; одетые в жалкие рубища, они бродили по дорогам, изрекая пророчества от имени богов. Они обличали неправедных царей и предавших веру священников; иногда их признавали святыми, иногда казнили и украшали их головами пиршественные столы. Некоторые из них говорили о конце света, когда Господь Бог установит свое Царствие Небесное, и о посланнике бога, «мессии» или «Христосе», который возвестит о грядущем царствии справедливости. Говорили, что мессии будет

суждено пострадать от руки людей и своим страданием искупить грехи всех живших на земле. Миллионы людей, терпя из последних сил, ждали прихода Христа – и вот он пришел к людям.

ПРИШЕСТВИЕ ХРИСТА

*Он сойдет, как дождь на скошенный луг,
Как капли, орошающие землю.*

Псалом Давида.

"В начале было Слово, – начинает предание рассказ об Иисусе Христе, – и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Слово было оружием Иисуса; у земных владык были мечи и копья, а у Иисуса – только Слово и Вера.

Иисус был плотником и сыном плотника, старшим из пяти сыновей Иосифа и Марии. До тридцати лет он жил в своем городке Назарете неприметной жизнью ремесленника, добывающего хлеб в поте лица своего. Однажды до него дошла весть о святом отшельнике Иоанне, который обитал в пустыне, носил верблюжью шкуру и питался саранчой. Иоанн отпускал грехи и «крестил» людей, окропляя их водой Иордана, – и Иисус пошел к Иоанну, желая получить отпущение. Вокруг отшельника собралась большая толпа, но он сразу заметил Иисуса: «Стоит среди вас некто, которого вы не знаете, – обратился Иоанн к окружающим. – Я недостоин развязать ремень у обуви его... Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на нем». «С этого времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное... И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах... и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошёл о нём слух по всей Сирии, и приводили к нему немощных... и он исцелял их. И следовало за ним множество народа из Галилеи и Иудеи и из-за Иордана». «И пришёл он в свое отечество, за ним следовали ученики его. Когда наступила суббота, он начал учить в синагоге, и многие слышавшие его с изумлением говорили: откуда у него это? Не плотник ли он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами его сестры? Иисус же сказал им: истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве. И не мог совершить там никакого чуда; только из немногих больных, возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их. Потом ходил по окрестным селениям и учил: покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное... Говорю вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие... Так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделият злых от среды праведных. И ввергнут их в печь огненную, там будет плач и скрежет зубовный». Однажды огромная толпа обступила холм, на котором стоял Иисус с учениками: люди хотели знать, кто же попадет в Царство Божие. Иисус долго молчал, но наконец «отверз уста свои» и дал ответ, запечатленный в веках:

– Блаженны нищие, ибо их есть Царство Небесное, – говорил Христос. – Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие правды, ибо они насытятся...

Иисус обещал Царство Небесное простому народу – всем бедным, страдающим, угнетенным – тем, что стояли вокруг него. «Напротив, горе вам, богатые! – провозглашал пророк. – Ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете».

Эта угроза предназначалась всем сильным мира сего, римлянам и их приспешникам из местной знати, старейшинам и «первосвященникам». «Что же мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» – спросил пророка один богач и Иисус ответил:

– Пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим. Удобнее верблюду пройти сквозь игольи уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

Окружавшие Иисуса верующие жили ожиданием конца света; пророк призывал их оставить привычную жизнь, оставить родных, близких, прийти к нему и готовиться к

наступлению Царства Небесного. «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня, – говорил Иисус. – Я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью её... и враги человеку – его домашние... И всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или землю ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». «Все верующие были вместе и продавали имущество и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого...» «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа, и всё у них было общее». «Очиститесь, – говорил Иисус. – Возлюбите ближнего своего, как самого себя». Этого не говорили ни Авраам, ни Моисей, ни другие древние пророки: они говорили: «не укради, не убий» – но не призывали людей любить. «Любовь принес он в мир, – говорит предание. – Кто не любит, тот не познал бога, потому что Бог есть любовь».

Верующие ждали наступления Царствия Божьего и думали, что оно наступит, когда Христос войдет в Иерусалим и вступит в Великий Храм своего отца Господа Бога. И вот настал день, когда, исполняя старое пророчество, Иисус въехал в Иерусалим на белом ослике; его сопровождала ликующая толпа верующих, которые кричали, что это едет новый Царь Иудейский и расстилали перед ним свои одежды. Вместе с толпой Иисус вошел в Храм и ударами бича выгнал оттуда менял и торговцев. «Дом Отца Моего есть дом молитвы, – кричал Иисус, – а вы сделали его вертепом разбойников». Это был открытый бунт, и знатные пытались схватить Иисуса, но не могли это сделать, потому что вокруг был народ. Однако пророку приходилось остерегаться, и вечером он ушел из Иерусалима, чтобы вместе с учениками провести ночь на горе Елеонской. Иисус понимал, что он обречён, он помнил о древнем пророчестве, говорившем, что Христу суждено умереть в муках. Он устроил тайную вечерю, прощальный ужин – но сам отказался пить и есть. Он смотрел на своих учеников и, когда они ели, неожиданно произнес: «Один из вас предаст меня...» Потом Иисус ушел молиться на гору; он просил у бога смиловаться и отвести от него чашу страданий: «Отче мой! Да минует меня чаша сия!» Охранявшие его ученики уснули, и в это время пришел предатель Иуда Искарот. «Встаньте, пойдем, – сказал Иисус, – вот приблизился предающий меня». «И когда он ещё говорил, Иуда, один из двенадцати учеников, пришел, и с ним множество народа с мечами и колющими от первосвященников и старейшин. Предающий же его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, тот и есть, возьмите его... Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли его».

«Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать его смерти. И связавши его, отвели и предали его Понтию Пилату, правителю». Понтий Пилат был римским наместником Иудеи, только он мог утвердить приговор к смерти. Пилат спросил Иисуса: «Ты Царь Иудейский?» – И Иисус не отрекся от дарованного народом царского звания. Знатные же, старейшины и первосвященники, стояли толпой под окнами и кричали: «Распни его!». «Я умываю руки», – сказал Пилат и предал Иисуса на распятие. «Тогда воины правителя, взявши Иисуса, собрали на него весь полк и, раздевши его, надели на него багряницу. И сплетши венец из терна, возложили ему на голову и дали ему в правую руку трость; и, становясь перед ним на колени, насмехались над ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! И плевали на него и, взявши трость, били его по голове. И когда насмеялись над ним, сняли с него багряницу и одели в одежды его, и повели на распятие... И привели его на место Голгофу, что значит: „лобное место“. И давали ему пить вино со смирною, но он не принял. Распавшие его делили одежды его, бросая жребий, кому что взять. Был час третий и распяли его. И была надпись вины его: Царь Иудейский...»

ПОБЕДА ИИСУСА

*И поклонятся ему все цари,
Все народы будут служить ему.
Псалом Давида.*

Как было предсказано в Библии, Христос пришел в мир, чтобы пострадать за грехи людей – и исполнил свое назначение. В суете дней многие не заметили того, что свершилось, и миллионы людей продолжали жить своей жизнью, жизнью песчинок, уносимых потоком. Поток неумолимо двигался в одном направлении, и вслед за Христом пришли новые пророки и вожди – но они уже не показывали на небо, а открыто призывали к восстанию. «Послушайте вы, богатые, – писал ученик Иисуса апостол Иаков, – плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас... Вы осудили, убили праведника... Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напитали сердца ваши, как бы на день заклания...»

Среди апостолов Иисуса был Симон по прозвищу Зелот; «зелотами», или «ревнителями» называли террористов, носивших под одеждой кинжалы. В большие праздники, когда в Великом Храме теснился народ, они притискивались вплотную к знатым и вспарывали им животы. С 48 года, когда постоянное Сжатие привело к страшному голоду, отряды зелотов стали хозяевами гор и лесов; это партизанское движение подспудно тлело 20 лет пока, наконец, не разразилось грандиозное восстание. Иудейская знать сполна заплатила за мучения Иисуса, были перебиты десятки тысяч «благородных», а тела первосвященников были брошены на съедение собакам. В деревнях убивали богатых, делили землю и освобождали рабов. Весной 70 года римские легионы начали осаду мятежного Иерусалима, в переполненном беглецами городе вскоре начался страшный голод. Улицы были покрыты трупами умерших голодной смертью, римские тараны беспрестанно били в городские стены. Через пять месяцев после начала осады римляне ворвались в Иерусалим и подожгли город; десятки тысяч людей, веривших, что господь спасет их и в последнюю минуту совершит чудо, собрались в Храме, единым криком призывая бога. Они сгорели вместе с Храмом, а те, кого пощадили огонь и голод, погибли в учиненной римлянами страшной резне – свидетели говорили, что погибло больше половины населения Иудеи.

Только массовые убийства могли на какое-то время сдержать революцию – но, как только нарождались новые поколения и давление снова возрастало, революция начиналась вновь. Через 60 лет после сожжения Иерусалима явился новый мессия, которого звали Бар-Кохба, «Сын Звезды», он поднял на восстание новые поколения и три года яростно сражался с римлянами. Легионы ещё раз прошли Палестину огнем и мечом, обратив полстраны в пустыню; Иудея на время затихла, и центр борьбы переместился в другие провинции.

В конце II века пришло время, когда Сжатие распространилось на западные области Империи, и в борьбу включились огромные массы крестьян в Галлии и Испании. Страдая от малоземелья, голода и ростовщической кабалы, крестьяне бросали свои наделы и уходили в отряды «разбойников». К галльским «разбойникам» присоединились бежавшие от тягот службы солдаты, многотысячные отряды повстанцев хозяйничали по всей Галлии и нападали на города. Новое Сжатие должно было породить новую грандиозную революцию, революцию, которая завершится победой христианского социализма. Эта революция началась в правление императора Коммода (180-192 гг.). Долгие войны, беспорядки в провинциях, недобор налогов оборачивались для Рима пустой казной, и Коммод попытался вернуться к политике земельных конфискаций, проводившейся императорами I века. Знать сразу же попыталась убить императора – но неудачно; в ответ начались казни сенаторов, Коммод увеличил жалование солдатам и правил подобно Нерону и Домициану. В конце концов, император был задушен в своей спальне, и сенатские историки сделали всё, чтобы представить его сумасшедшим маньяком.

Однако знати не удалось вернуть власть. Так же как в 68-69 годах, против нее выступили гвардейцы и стоявшие на границах армии; овладевший Римом полководец Септимий Север (193-211 гг.) расправился с аристократией и провозгласил Коммода богом. Север и его сын Каракалла (211-217 гг.) попытались исполнить требования провинциалов: они даровали римское гражданство всему населению Империи и дали всем право на получение земли после службы. Однако после убийства Каракаллы к власти снова пришла

знать, а затем началось время дворцовых переворотов и военных мятежей, когда императоров, провозглашенных сенатом, через год-другой сменяли императоры, поднятые на щитах солдатами. В конце концов, государство распалось, и в провинциях утвердились враждовавшие друг с другом «тираны»; всё погрузилось в хаос, границы Империи оказались открытыми, и в глубь страны хлынул поток варваров. Вместе с обитателями зарейнских лесов, германцами, на Рим устремились кочевники причерноморских степей, скифы и сарматы; это были одетые в броню всадники, пронзавшие врагов длинными копьями. Доселе непобедимые легионы не выдержали натиска новых противников, и волна нашествия затопила все Средиземноморье. Это была катастрофа, какой ещё не знал римский мир; многие цветущие города обратились в развалины; голод и разорение породили страшную чуму, которая царствовала среди руин, убивая тех, кто уцелел в войнах. Исполнилось пророчество Иисуса: «Восстанет народ на народ и царство на царство, и будут глады, и моры, и землетрясения...»

Собрав все силы, солдатские императоры сумели отстоять от варваров Рим и Италию. Император Галлиен провел военную реформу и, придав пехоте полки панцирной конницы, вернул легионам их мощь. В 270 году солдаты избрали императором Аврелиана, в прошлом простого воина по прозвищу «рубак»; Аврелиану удалось разгромить варваров и снова объединить Империю. В 280-х годах другой император-воин, сын раба Диоклетиан (284-306 гг.), сумел, наконец, закрыть границы Империи и восстановить пограничные валы. Сотни тысяч плененных варваров были поселены у этих валов с обязательством защищать их от вражеских вторжений, у них в тылу на случай прорыва или мятежа стояли римские мобильные армии. Уцелевшие города оделись в крепостные стены, вся страна превратилась в военный лагерь. Крестьяне, землевладельцы, ремесленники – все были прикреплены к месту жительства и платили огромные военные налоги. Революция III века привела к катастрофе и гибели большей части населения, но, в конце концов, породила то, что она должна была породить – новую колоссальную Империю, военное государство, построившее народ в шеренги и указавшее каждому его место.

Это была социалистическая империя, где все были формально равны, и любой мог стать офицером и императором. Крестьяне получили землю – но вместе с тем были прикреплены к этой земле и были обязаны отдавать большую часть урожая. Помещики были задавлены налогами до такой степени, что бросали свои поместья и скрывались в бегах; их ловили и секли на базарной площади. Большая часть земли принадлежала государству; массы ремесленников работали в обширных государственных мастерских, и государственные чиновники одно время даже устанавливали цены на рынках и заработную плату. Новая Римская Империя была похожа на древние империи Востока: императоры провозглашали себя живыми богами; они носили диадему и требовали, чтобы подданные падали перед ними ниц. Те, кто не признавал в них богов, подвергались гонениям – и среди гонимых были христиане, последователи распятого Иисуса Христа.

Христиане верили, что снятый с креста Иисус воскрес и вознесся на небо, наказав ученикам-апостолам нести людям святую веру. Апостолы ходили по городам и деревням, передавая окружающим «благие вести», или «евангелия» – рассказы о жизни и вере Иисуса. Эти рассказы вместе с посланиями апостолов верующим составили «Новый Завет», новые заповеди, которые дополнили древнюю Библию. Беднякам хотелось верить в грядущее Царствие Небесное – и они объединялись в христианские общины; тайно молились в подземельях-катакомбах и готовились ко Второму Пришествию. Катастрофа III века заставила многих поверить в близкий конец света; в христианские общины стали приходить богатые люди, торопившиеся спасти свою душу благотворительностью. Со временем христиане стали терпимее относиться к богатым и отказались от былых строгих нравов; они уже не говорили об общности имущества, безбрачии, аскетизме и постоянных молитвах – этих принципов придерживались лишь отрешившиеся от мирской жизни святые монахи. Однако братское отношение друг к другу, милосердие к бедным и страждущим осталось традицией, скреплявшей христианские общины и привлекавшей к ним новых членов.

Во времена Диоклетиана христиане составляли довольно значительную часть населения Империи, и вскоре настало время, когда императоры стали искать их поддержки – ведь социалистическая Империя не могла устоять без поддержки народа. Монархи во все времена нуждались в поддержке народа и народного бога; именно народ возносил их к вершинам власти в грозные годы революций; теперь, когда революция свершилась, императоры пытались встать рядом с любимыми народом богами; они выбирали между Митрой-Солнцем, Юпитером и Христом – и, в конце концов, избрали Христа. По легенде, во время борьбы за трон преемнику Диоклетиана Константину (306-337 гг.) явилось видение креста, окруженного сиянием и надписью: «Сим победиши». Константин приказал водрузить крест на знамена своих легионов и действительно одержал победу. С этого времени императоры стали покровительствовать христианам; Константин объявил воскресенье – «день воскресения Христова» – выходным и праздничным днем; в 325 году он созвал в городе Никее первый церковный собор, на котором был утвержден «Символ веры» – изложение основ христианства.

Победа христианства означала окончательную победу революции. Церковь стала символом единения, братства и милосердия; она не только утешала, но и кормила бедных. Императоры передали церкви огромные средства, множество домов и обширные земли; на эти средства создавались больницы, странноприимные дома и раздавалось вспомоществование беднякам; любой нищий мог прийти в храм и получить тарелку супа или монетку на пропитание. Церковь взяла на себя роль системы социального обеспечения, и отныне государство обеспечивало каждому кусок хлеба. Теперь, когда государство приняло в свое лоно церковь, оно предстало перед людьми, как община верующих, скрепленная узами любви и братства, а император – как глава этой общины и наместник бога на земле. В V веке императоров стали короновать в церкви, а затем в тронном зале между тронами императора и императрицы появился высокий трон для Господа Бога; на этом троне лежала Библия и Господь незримо присутствовал при всех решениях верховной власти. Стремясь удалиться из приверженного старым богам аристократического Рима, Константин построил на берегу Босфора новую столицу – «Город Константина», Константинополь. Отныне у Империи было две столицы, старая и новая, и иногда бывало по два императора-соправителя, один из которых правил в Константинополе, а другой – в Риме. Вера в Христа продолжала триумфальное шествие по Средиземноморью, и, в конце концов, император Феодосий (379-395 гг.) издал указ, запрещающий поклоняться другим богам. Толпы ликующих христиан высыпали на улицы и принялись крушить мраморные изваяния Юпитеров и Аполлонов; на площадях происходили схватки между христианами и язычниками; многие храмы были сожжены, другие перестроены в церкви.

С этого времени в римском мире не стало других богов, был только один бог и один закон. Священник с амвона призывал верующих жить, как братья во Христе, любить друг друга и делиться всем, что имеешь – и стоящим в церкви казалось, что настало Царство Небесное. Но за стенами храма бушевала война, страну грабили варвары, повсюду свирепствовали голод и мор; мир добра сражался с миром зла, и сквозь шум сражения едва долетали слова, произносимые в храме:

– Возлюбите ближнего своего, как самого себя...

ГУННЫ ИДУТ!

*Судьба Востока вновь затрубила
в страшную трубу, возвещая об
ужасных опасностях...*

Аммиан Марцеллин.

И исус Христос призывал к всеобщей любви посреди мира, объятого войной и ненавистью. Босые монахи с крестом и Библией шли к одетым в шкуры варварам, призывая их любить ближнего своего – и иногда к ним прислушивались. Грек Ульфила создал

германскую письменность, перевёл Библию и окрестил живших на нижнем Дунае готов. С готами можно было говорить о богах и заключать договоры – но дальше на восток начиналась Великая Степь, где господствовали другие обычаи. Там поклонялись мечу: втыкали обнаженный меч в землю и кланялись ему, как верховному богу. «У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, – писал римский историк Марцеллин, – и они ничем так не хвастаются, как убийством людей». Степь буквально кипела от бесконечных яростных войн: чтобы быть сытым, здесь нужно было убивать других. Здесь шло постоянное соревнование в умении убивать; здесь создали боевую колесницу, и здесь появились первые всадники. Сражаясь за жизнь, степные всадники все теснее и теснее прижимались к крупу своих лошадей, они превращались в кентавров, полулюдей-полуконей из древних греческих мифов. «Приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошадям, они исполняют на них все обычные для них дела, – свидетельствует римский историк, – на ней каждый из этого племени днюет и ночует, покупает и продает, ест и пьет, и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон».

Рождение народа кентавров было великим и грозным событием человеческой истории. Люди-кентавры ничем не походили на людей-земледельцев: у них были другие обычаи, другой образ мыслей и другая жизнь: это был **ДРУГОЙ ВИД ЛЮДЕЙ**. Первыми всадниками были скифы; первых кентавров, которые могли спать на своих лошадях, звали гуннами. «Все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей, – писал Аммиан Марцеллин. – Они так дики, что не употребляют огня, а питаются полусырым мясом, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами, и нагревают парением... У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить голод, холод и жажду». Скифы первыми научились стрелять из лука верхом на лошади – гунны создали тяжелый лук, стрела из которого пробивала доспехи. Это было страшное открытие, подарившее гуннам господство над степью; во II веке до н.э. они овладели всей восточной частью Великой Степи, а затем волной двинулись на запад. Спасаясь от страшных врагов, степные племена Средней Азии хлынули в Индию и Иран, а гунны устроились на завоеванных ими просторах к северу от Тянь-Шаня. Они обитали здесь до начала IV века, когда с востока нахлынули новые завоеватели, – неведомые всадники, сидевшие в седлах, опираясь на стремяна, и рубившие противников саблями.

Гунны не имели седел, стремян и сабель; огромная орда поднялась и, уходя от врагов, двинулась в Европу. «Они сокрушали все, что попадется на пути», – писал римский историк. В 375 году гунны обрушились на готов и, покорив часть из них, отбросили остальных к берегу Дуная; сотни тысяч обьятых ужасом беглецов бросались в реку, пытаясь как-нибудь переправиться на другой берег. Правивший в Константинополе император Валент разрешил готам поселиться в долине Дуная с тем, чтобы они охраняли границы империи, – однако императорские чиновники не смогли обустроить беженцев. Готы голодали, продавали в рабство своих детей – и, в конце концов, поднялись на восстание. В 378 году готское ополчение встретилось под Адрианополем с римской мобильной армией, которую возглавлял сам император. Готы сражались с мужеством обреченных – и одержали победу; Валент погиб в сражении; Балканы стали добычей варваров, которые разорили страну так, что в ней «не осталось ничего, кроме неба и земли».

Преемнику Валента Феодосию удалось оттеснить готов к Дунаю и возобновить договор об охране границ – но Адрианополь остался в памяти народов, как символ заката римской воинской славы. Римляне уже давно потеряли ту воинственность, которую они унаследовали от своих предков-арийцев; так же, как в Египте и Двуречье, привычка к мирному земледельческому труду, в конце концов, обернулась отсутствием мужества. В римскую армию стали набирать жителей провинции, полуварваров и просто варваров, которые целыми племенами переселялись из-за Дуная и Рейна. До поры до времени эти варвары верно служили Империи, но после Адрианополя они почувствовали свою силу и стали

диктовать свои условия. Готы не хотели жить по соседству с гуннами на Дунае; в 401 году они снова поднялись, избрали своим вождем молодого воина Алариха и пошли на Рим. Римский командующий Флавий Стилихон вызвал для защиты «вечного города» войска с рейнской границы; ему удалось отразить первый натиск готов – но на севере уходящие от гуннов германские племена перешли Рейн и ворвались в Галлию. «Вся Галлия пылала, как гигантский костёр», – писал современник.

Флавий Стилихон был германцем, выслужившимся в римской армии, и его войска состояли по большей части из германцев – ибо мало кто из римлян был способен держать в руках оружие. Германцам Стилихона и германцам Алариха ничего не стоило договориться между собой – но тем не менее Стилихон защищал «вечный город», его мраморные храмы и церкви, где поклонялись Христу. «Настоящие римляне» не верили Стилихону, они обвинили его в сговоре с Аларихом и убили у входа в церковь; после этого германцы отказались защищать Италию, и, когда Аларих снова двинулся к Риму, ему навстречу вышел лишь святой отшельник с Библией и крестом. Аларих сказал отшельнику, что не может бороться с судьбой, что какая-то неведомая сила влечет его в Рим. С вершины холма он смотрел на великий город, на огромные соборы и золоченые купола терм, на тенистые парки, мраморные храмы и парившие над всем этим изящные акведуки. «Неведомой силой», увлекавшей его, было золото: подступив к Риму, он потребовал все золото, все серебро и все драгоценности – все, что было в городе. «Что же ты оставишь жителям?» – спросили послы римлян, и Аларих коротко ответил: «Жизнь!»

Получив несколько тонн золота и серебра, варвары отошли от города, но через год вернулись. Кто и как открыл готам городские ворота – до сих пор в точности не известно; ночью 24 августа 410 года под рев грозы варвары ворвались в «вечный город». Великий Рим был взят врагами – впервые за свою тысячелетнюю историю. Это была катастрофа, поразившая весь римский мир, заставившая содрогнуться людей во всех областях Средиземноморья. Повсюду говорили о наступающем конце света, миллионы людей стояли на коленях и в слезах молились Господу Богу. «Сердце горит во мне, голос мой пропадает и рыдания прерывают слова, – писал святой Иероним. – Факел мира потух, и в одном сраженном городе погибает весь мир человеческий».

Но конец света не наступил. Готы три дня грабили захваченный город, его роскошные дворцы, храмы и церкви – а затем внезапно оставили Рим, сгрузили награбленное в огромные телеги и двинулись на юг. Аларих хотел переправить свое племя в Африку, подальше от гуннов – но не смог; в конце концов, готы ушли из Италии и основали свое княжество в южной Галлии, на берегах Гаронны. Через Галлию сплошным потоком двигались уходившие от гуннов германские племена: алеманны, бургунды, свевы; племя вандалов было унесено этим потоком на другой берег моря – в Африку. Над Европой почти безраздельно царили гунны; они облюбовали для поселения благодатную Венгерскую равнину и каждый год опустошали набегами земли от Рейна до Балкан. Прозванный «бичом божьим» вождь гуннов Аттила покорил десятки племен; в 451 году огромная орда ворвалась в Галлию. Германцы, которым было некуда отступать, объединились, чтобы встретить гуннов; огромное варварское ополчение возглавлял полководец Аэций, «последний герой Рима». В яростной битве на Каталаунских полях германцам удалось остановить дотоле непобедимых гуннов; на поле боя осталось больше ста тысяч трупов – это была одна из самых кровавых битв истории. Аттила отступил; через год в день своей свадьбы он неожиданно скончался на брачном ложе; покоренные племена восстали, и держава гуннов распалась.

Однако народы и племена, приведенные в движение гуннами, продолжали крушить остатки Империи; в 455 году Рим был захвачен вандалами, которые 14 дней грабили город, а потом сожгли то, что осталось «Вечного города». После ухода вандалов в Италии хозяйничали командиры варварских наемников, возводившие на престол и свергавшие императоров; в западных провинциях господствовали германцы, а в Константинополе правили свои императоры, которых не заботила судьба Рима. В 476 году вождь наемных

дружин Одоакр низложил последнего римского императора Ромула Августула и отправил его корону в Константинополь. Италия превратилась в одно из варварских королевств – такое же, как королевство готов в Галлии и королевство вандалов в Африке. «Вечный город» опустел, лишь кое-где в развалинах обитали люди, на форуме росла трава и паслись свиньи. Вокруг возвышались полуразрушенные мраморные дворцы и лежали свергнутые с пьедесталов статуи; среди руин огромных терм жили отшельники, сеявшие пшеницу в некогда роскошных садах. На закате, когда солнце опускалось среди ничего не поддерживавших колонн, они собирались на вечернюю молитву и, склонившись головой в прах, пели старый псалом отверженных:

Для чего, Боже, отринул нас навсегда?
Возгорелся твой гнев на овец твоих?
Знамений наших не видим, нет уже пророка,
И нет с нами того, кто знал бы, что будет...

ГРАД БОЖИЙ

Римский мир рушится, но не склоняется наша высоко поднятая голова!

Иероним.

Христиане с давних времен проклинали Рим, этот оплот язычников – и в то время как одни горевали, другие радовались его падению. Святой Августин написал книгу о граде земном и граде Божьем; град земной – символ зла и насилия – отождествлялся с Римом, а град Божий – со святой христианской церковью: град земной пал, но град Божий стоит нерушимо. Многие христиане называли Градом Божьим Константинополь – вот он, Новый Рим, он стоит, и высоко поднимается его глава! Западные провинции стали добычей варваров, но Империя устояла, и жители восточного Средиземноморья по-прежнему называли себя римлянами. По-прежнему процветали огромные города, шумели рынки и толпа на ипподроме приветствовала императора: «Многие лета августейшему!» Когда гунны отступили в свои степи, императоры сумели организовать оборону границ; как и раньше, вдоль пограничных валов селили германцев-федератов, а в тылу стояли мобильные армии – но теперь это были не римские легионы, а разнородная наемная конница. «Мы поставили волков вместо сторожевых собак», – предупреждал императора Аркадия один из его сановников – однако жители Востока уже давно разучились держать в руках оружие; только малоазиатские горцы-исавры еще сохраняли свою воинственность – но они были столь же ненадежны, как варвары. Так же, как на Западе, варварские наемники пытались захватить власть, и одно время императоров ставили на престол готы, а потом – исавры. В 491 году восставшие жители Константинополя изгнали исавров, и с этого времени императоров возводили на царство не воины, а беспокойное население столицы. На огромном ипподроме, вмещавшем сотни тысяч людей, во время состязаний происходили встречи императоров с народом: толпа могла приветствовать, а могла и освистать самодержца или начать скандировать: «Другого императора ромеям!» Зрители делились на две партии болельщиков, поддерживавших возниц в голубых или зеленых одеждах; если, к примеру, побеждали колесницы «зеленых», то недовольные «голубые» могли затеять драки на трибунах; если одна партия освистывала императора, то другая его приветствовала. Иногда «голубые» и «зеленые» объединялись, чтобы потребовать снижения налогов, и императорам приходилось идти на уступки – однако это приводило к сокращению жалования федератам и военным мятежам в провинциях.

Тяжелые военные налоги были не единственным бременем, лежавшим на жителях христианской Империи. К концу V века Восток оправился от военных бедствий, но вслед за

восстановлением деревень снова пришло время перенаселения и малоземелья. Обремененные долгами крестьяне продавали свою землю ростовщикам и становились арендаторами-колонами. Снова вошло в силу сословие крупных землевладельцев-сенаторов; сенаторы пользовались налоговыми льготами и в обмен на землю предлагали крестьянам свое покровительство, «патронат». Передав свои надел патрону, крестьяне становились его колонами, освобождались от казенных налогов и какое-то время могли сносно существовать – пока хозяин не увеличивал свои требования. Патронат был официально запрещен, но провинциальные чиновники не исполняли законы; они сами, как могли, обирали народ и выступали в роли патронов. Повсюду возникали огромные поместья новоиспеченных земельных магнатов с величественными дворцами, парками и собственной военной стражей.

История повторялась, всё это – разорение крестьян, обогащение помещиков, Сжатие, голод – всё это уже было во II веке до н. э., а потом во II веке н.э. За каждым Сжатием следовала революция и гражданская война, в которой гибла большая часть населения; богатые подвергались резне, их землю делили между бедняками – и в опустевшей стране на некоторое время воцарялся мир. Но через полтора-два века численность населения возрастала в несколько раз и снова начиналось Сжатие, снова бедняки продавали свою землю богатым, снова нищие брели по дорогам и голодные поднимали знамя очередной революции. История распадалась на циклы длиной в полтора-два века: революция, война, передел земли, столетие мирной жизни, многократный рост населения, нехватка земли, голод, скупка наделов богатыми, еще голод – и снова революция, война, гибель половины населения и передел земли. Историки называют эти циклы развития **ВЕКОВЫМИ** или **ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ЦИКЛАМИ**. Каждая революция порождает монархию, которая пытается дать землю крестьянам и установить справедливость, но очередное Сжатие сводит на нет благие устремления монархов: ведь они не могут обеспечить землей народившиеся новые поколения и не могут удержать крестьянина, когда он в голодный год отдает свою землю за мешок зерна. Кроме того, обнищавшие крестьяне не могут платить налоги, а армия, не получая денег, поднимает мятежи – все эти беды накатываются одна за другой, и мало кто может противостоять им. Однако истинный монарх и в трудную минуту не должен опускать рычаги управления, он должен действовать решительно и властно – так, как действовали Септимий Север или Юстиниан.

Юстиниан был сыном бедного пахаря из маленькой деревеньки в македонских горах, набожным крестьянским парнем, привыкшим к скудной пище и тяжкому труду. Когда его дядя Юстин, выслужившийся из солдат офицер гвардии, по прихоти судьбы стал императором, он вызвал племянника в столицу и усадил его учиться наукам. Выучившись, Юстиниан стал помогать неграмотному дяде управлять государством, но при этом не оставил своих деревенских привычек, скромно одевался, постоянно постился и ходил в церковь. В церкви он познакомился со своей будущей женой Феодорой, знаменитой красавицей, которая в прошлом была актрисой, развлекала толпу на ипподроме и, по слухам, много грешила – а теперь вела благочестивую жизнь и замаливала грехи перед богом. Бог был той силой, которая направляла Юстиниана: император повсюду ссылался на божественное вдохновение и все свои указы ставил под покровительство Господа. Позднее, одержав великие победы, Юстиниан воздвиг себе огромную конную статую и начертал на ее пьедестале слова из Библии: «Он воссядет на коней Господних и езда его будет во спасение».

В 527 году Юстиниан унаследовал императорский престол и попытался навести порядок в управлении; многие вельможи потеряли свои посты, а их поместья были конфискованы, чтобы пополнить пустую казну. Привыкшим уклоняться от налогов столичным торговцам и ростовщикам пришлось платить недоимки – это вызвало недовольство многочисленных константинопольских буржуа. В 532 году в столице вспыхнуло восстание; знать подстрекала народ и раздавала бунтовщикам оружие и деньги. Юстиниан был осажден во дворце, а на ипподроме сенат и «народ» избрали нового императора. Юстиниан уже думал о бегстве, но Феодора остановила его: «Нет лучшего погребального покрова, чем царская пурпурная мантия», – сказала императрица, и Юстиниан

решил сражаться до конца. Были вызваны гвардейские отряды, которые ворвались на ипподром и устроили страшную резню; погибло 30 тысяч восставших – и с этого времени никто не думал о сопротивлении реформам. Привыкшие воровать чиновники были заменены, и новые служилые приносили присягу на Библии; под угрозой Страшного Суда Божьего они клялись управлять «без обмана и подлога», «неподкупно и без насилия». К губернаторам были приставлены церковные старосты, епископы, которые следили за соблюдением закона и «божеской справедливости». Вместо прежних разрозненных и противоречивых законов был создан единый кодекс, до сих пор являющийся образцом для юристов; новые законы вывешивались на всеобщее обозрение в церквях. Священники пересказывали неграмотным суть законов и объясняли, что налоги собираются государем не для себя, а для содержания войска и защиты верующих, что их уплата – это дело благочестия, священный долг. Подати были тщательно расписаны в зависимости от состояния плательщиков, и, если бедняк не мог уплатить налог, за него платили зажиточные соседи.

После подавления константинопольского мятежа Юстиниан расправился с восставшей знатью; ее поместья были конфискованы и превращены в монастыри. Это стало уроком и примером для богатых; опасаясь конфискации или гнева Божьего, они сами дарили и завещали свое имущество монастырям. Едва ли не на каждом холме теперь возвышался монастырь или церковь, повсюду виднелись кресты, и страна принимала видимый облик Града Божьего, о котором некогда писал Августин. Юстиниан предписывал монахам жить скромно и целомудренно, прилежно изучать Библию и трудиться на полях. При каждом монастыре была больница, богадельня для стариков и нищих и странноприимный дом для странников. Юстиниан, перед которым сановники простирались ниц, общался с монахами как с равными, до хрипоты спорил с ними о делах церкви, а иногда, случалось, смиренно выслушивал резкую отповедь какого-нибудь святого пустынника. Император посылал монахов проповедовать Слово Божие к варварам на Дон, в Эфиопию, на Кавказ – и потом с почетом принимал новообращенных варварских царей, осыпал подарками и вводил их в дом Божий, в Святую Софию.

Святая София была символом Града Божьего, новым Великим Храмом, построенным Юстинианом вместо давно разрушенного храма в Иерусалиме. Это было новое чудо света, огромный купол Святой Софии возвышался на 55 метров, и входящему в Храм казалось, что он парит в воздухе: колонны терялись в игре света, и огромный изображенный на куполе крест казался сверкающим в небесах. По ночам расцветенная церковь возвышалась над городом, как сияющая гора, и, завидев ее на горизонте, моряки преклоняли колена и молились во славу Господа. Святая София была центром христианского мироздания, символом Священной Империи, твердо стоящей посреди варварского мира. Юстиниан построил множество крепостей и превратил всю страну в один укрепленный лагерь; из этого лагеря выходили мощные армии, наносившие тяжелые удары варварским королевствам. Знаменитый полководец Велисарий разгромил вандалов в Африке и готов в Италии, войска Империи вступили в разрушенный Рим и водрузили свои знамена на руинах форума.

Воюя с варварами под знаменем святой веры, Юстиниан столь же решительно преследовал неверующих внутри Империи. «Еретики» подвергались дискриминации и гонениям: «Справедливо лишать земных благ тех, кто не поклоняется истинному богу», – говорил Юстиниан. Последние язычники, преподававшие в знаменитых философских школах Афин, были вынуждены бежать из страны; Лицей и Академия были закрыты. Вслед за философами, спасаясь от обвинений в ереси и колдовстве, из Империи бежали астрологи; в Константинополе было арестовано несколько юристов и медиков, на улицах сжигали «эллинские» книги. В школах теперь учили, что, как писано в Библии, земля лежит посреди океана и накрыта, как шатром, двумя куполами неба. В центре мира расположен Иерусалим, а далеко на Востоке, за Индией, находится рай, и ветры доносят оттуда запах благовоний; там берут начало четыре великие реки: Тигр, Евфрат, Нил и Ганг. Историю начинали от рождения Адама, потом рассказывали о Давиде, Соломоне, пришествии Христа и победе

Святой веры. Театральные пьесы с их языческими богами сошли со сцены, и театры постепенно опустели. Одежда стала больше походить на монашескую, женщины повязывались платками и закрывали лицо. Гимнасии, где раньше занимались физическими упражнениями, теперь исчезли; чтобы обсуждать новости и общаться, люди собирались в церквях; в церквях знакомились, венчались, отпевали умерших – церковь стала центром всей обыденной жизни. Церковные праздники превратились в народные гуляния; на Пасху, праздник воскресения Христова, царь с блистающей свитой направлялся в Святую Софию; улицы наполняли восторженные толпы народа, и тысячи людей пели:

Опять весна прекрасная приходит нам на радость,
Неся от бога силу в дар ромейскому владыке...

«Крестные ходы», церкви на зеленых холмах, крестьяне, работающие в поле вместе с монахами, светящаяся громада Святой Софии – таков был Град Божий, построенный императором Юстинианом. Стены того града возвышались непоколебимо почти столетие. Вокруг него бушевали варварские нашествия, приходил голод и мор – но Град Божий стоял прочно. Красные флаги с ликом Иисуса реяли над бастионами оборонительных линий вдоль Дуная; поутру солдаты выходили на молитву, и могучая песня неслась над великой рекой и над холмами – до горизонта:

Бог нам прибежище и сила,
Скорый помощник в битвах...
И поклонятся ему все цари,
Все народы будут служить ему.

ШТУРМ ГРАДА БОЖЬЕГО

Спаси, Господи, люди твоя...
Молитва.

Юстиниан не напрасно строил укрепления и готовился к последнему бою. С крепостных башен христианские воины видели, как горит степь и как из ее глубин вырываются одна за другой новые орды. Это были племена беглецов, они бежали от надвигавшейся с востока новой лавины: спустя два столетия по дороге гуннов на Европу шли потомки тех страшных всадников, которые изгнали их из степи. Это были авары, могущественный народ воинов, которые сидели в седлах и, приподнявшись в стремени, рубили врагов саблями. Прорвавшись через Восточную Европу, авары увлекли за собой живших в лесах славян; огромная орда обосновалась на излюбленной кочевниками Венгерской равнине и принялась опустошать Европу от запада до востока. Почти каждый год авары поднимались, и, гоня перед собой десятки тысяч славян, обрушивались на пограничные укрепления; Балканы превратились в поле боя, деревни были выжжены, население спасалось в крепостях или бежало в Азию. Так продолжалось тридцать лет, имперская армия изнемогала в этой борьбе, и близился тот момент, когда оружие выпадет из рук. Народ был уже не в силах платить военные налоги: ведь Сжатие продолжалось, население увеличивалось и крестьяне беднели. Юстиниан построил Град Божий, но не мог остановить ход истории: рано или поздно снова должно было прийти время голода и восстаний – и в конце VI века это время пришло. Восстание в Египте вынудило императора Маврикия (582-602) уменьшить налоги, и это привело к невыплате жалования армии. Дунайская армия подняла бунт и пошла на Константинополь, Маврикий был свергнут и убит, страна погрузилась в пучину гражданской войны.

Это была катастрофа, похожая на катастрофу III века. Оказавшиеся открытыми

границы Империи были сразу же сметены врагами. С севера наступали авары, а с запада – персы. В 626 году союзники встретились под стенами Константинополя. Аварский хакан предложил населению покинуть город, захватив с собой лишь рубаху и плащ: «Вы ведь не можете, – говорил хакан, – обратиться в рыб и искать спасения в море, или в птиц и улететь на небо». Однако Константинополь был неприступен, и после кровопролитного штурма хакан приказал отступать. Персы тоже ушли на восток; императору Ираклию (610-641) удалось нанести им ряд поражений, и Персия погрузилась в междоусобицы. Однако в 636 году на поле боя явился новый противник – арабы. После Великой Северной Степи Аравийская Степь представляла собой второй по величине кочевой очаг: так же, как на севере, здесь шла постоянная война за выживание и отсюда исходили волны нашествия. В 620-х годах бедуины аравийских степей объединились под знаменем новой веры, ислама, и по законам степи объединение кочевников породило новую грандиозную Волну.

Изнуренная войнами Империя не выдержала нового сокрушительного удара. Последние воины Ираклия приняли бой и погибли в великой битве при Ярмуке, арабская волна затопила восточное Средиземноморье. Волна нашествия поглотила остатки цивилизации Древнего Мира, неприступной осталась лишь последняя крепость, Константинополь. За тройной каменной броней здесь хранились сокровища прошлого: рукописи античных писателей и заветы христианского социализма. Окружающие земли стали добычей варваров, на развалинах древних городов здесь сражались между собой новые народы, среди руин Спарты строили свои землянки славянские поселенцы.

Наступила новая эпоха – Средневековье.

Глава VII. История Других Миров

СТРАНА, РАСПОЛОЖЕННАЯ БЛИЗ РАЯ

*Бог, разделивший чудеса творения
на десять частей, семь из них
назначил Индии и Китаю.*

Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии.

В мире, над которым светило солнце, был Запад и был Восток, была цивилизация Запада и цивилизация Востока. Запад – это были Греция и Рим, это были античная культура и христианство. Восток – это были египетские пирамиды и Вавилонская башня, а потом мир ислама и сказок «Тысячи и одной ночи». Восток и Запад были соседними мирами, связанными тысячью нитей; цивилизация Запада пришла с Востока; с Востока пришли земледелие, храмы, письменность, ремесла. Восток был родиной земледелия, и отсюда земледельцы расселялись во все стороны света, разнося вместе с драгоценными семенами свою культуру. Почувствовав нехватку земли, новые поколения шли осваивать дальние поля за линией горизонта, шли на запад и на восток – потому что восточнее Востока тоже были земли, реки и горы! Там, на другом краю света, располагались другие миры, почти что неведомые людям Запада, загадочные миры Индии и Китая. Об этих мирах ходили легенды, где сказочное переплеталось с реальным. Легенды говорили, что в Индии вечное лето, что там растут огромные деревья с листьями в щит воина, что гигантские слоны вырывают эти деревья с корнем, что они могут встать передними ногами на крепостную стену и раскачивать хоботом башни. Говорили, что два летних месяца там идут ливни и грозы, страну затопляют потоки воды, и, спасаясь от потопа, десятки змей заползают в дома – так что людям приходится уходить из своих жилищ. Рассказывали, что там так тепло, что люди могут ходить нагими и жить под деревьями – как во времена райской жизни; что повсюду растут благовонные травы, воздух наполнен ароматом и, наверное, где-то там, поблизости,

расположен рай. Должно быть, первые земледельцы действительно приняли эту страну за рай; они пришли из выжженных степей Средней Азии, преодолели покрытые снегом горы и в VI тысячелетии вступили на благодатные берега Инда. Почти три тысячелетия ничто не омрачало жизни в раю: «Весна была приветливой и солнечным было лето...» Щедрое солнце Золотого века сияло над колоссящими полями и деревнями, разбросанными по равнинам и нагорьям. Высоко в небе пел жаворонок, и пахарь шел за парой волов, напевая старую песню о зерне и хлебе:

Просыпайтесь люди, вместе с птицами,
Пойдемте все вместе возделывать нашу землю...

Потом, как и везде, наступило Сжатие. Появились города, ремесла, торговля, огромные крепости и храмы – на берегах Инда родилась новая цивилизация. Народ, создавший эту цивилизацию, историки называют дравидами; когда-то давно дравиды жили по соседству с шумерами и их города были похожи на города шумеров: узкие улочки среди глухих стен, а за стенами – внутренние дворики в окружении кирпичных строений. Приморские города торговали с городами шумеров, и большие вязаные из тростника корабли плыли вдоль пустынных берегов Персидского залива с грузом из меди, тканей и слоновой кости. Дравиды научились выращивать индийский рис и ткать ткани из хлопка – на Западе думали, что эти ткани делают из растущих в Индии деревьев. Дравиды имели и свою письменность, но их иероглифы до сих пор остаются нерасшифрованными, и мы ничего не знаем об их преданиях, о том, кто жил в огромных дворцах и кому поклонялись в храмах.

Города дравидов располагались вдоль берегов Инда, там, куда впервые вступили пришедшие из-за гор земледельцы. Дальше на юго-восток начиналась страна джунглей, там не было больших поселений и лишь маленькие деревни колонистов постепенно продвигались в глубь тропического леса. Освоение джунглей было трудным делом: только сильная родовая община могла расчистить участок влажной, переплетенной лианами чащи. Такие общины вместе возделывали землю и поровну делили урожай между сородичами: они жили так же, как древние охотники, которых нужда приучила к равенству и братству. Сопротивление джунглей затрудняло продвижение земледельцев на юг и поначалу люди теснились в долине Инда; здесь вырастали города, дворцы и могучие крепости – свидетельство того, что Золотой Век давно подошёл к концу.

В XVII-XVI веках до н.э. на мир земледельческих цивилизаций Азии и Европы обрушилась Большая Волна. Сокрушая всё на своем пути, арийские племена ворвались в Северную Индию: «В один день Индра и Агни разрушили девяносто девять городов дасью», – говорится в арийском гимне. Раскапывавшим разрушенные города археологам открылась страшная картина: в домах, на площадях – повсюду лежали скелеты их защитников. Индская цивилизация погибла; жители сопротивлявшихся городов были принесены в жертву арийским богам – сохранилось известие об одном таком жертвоприношении в десять тысяч человек. Многие пленные были обращены в рабов: слово «враг» («дасью») стало означать раба. Остальные туземцы превратились в зависимых «шудр», подобно плебейм и пэрикам шудры жили в своих деревнях и платили господам дань.

Арийские роды, «ганы», поделили между собой завоеванную страну и обосновались в укрепленных частокколами поселках. Среди тростниковых хижин в центре поселка располагался загон для скота; сюда пригоняли на ночь скот, который днем пасся на окрестных пастбищах. Поле вокруг поселка обрабатывали рабы-дасью; так же, как скот и земля, они принадлежали всему роду; в те времена ещё не было частной собственности и все было общим. «Будучи объединены общим скотом, общими мыслями, они вместе боролись», – говорит предание о древних ариях. Так же, как в Великой Степи, арии проводили жизнь в борьбе, в походах и войнах; боевые колесницы год за годом выезжали из укрепленных поселков и устремлялись в набег на дальние, ещё не покоренные племена

«дасью». Сражавшихся на колесницах знатных воинов называли кшатриями, они носили красные одежды и перед сражением пили вселяющий бесстрашие священный напиток, «сому». Пехотинцев-простолюдинов называли вайшьями; они одевались в желтое и шли в бой следом за колесницами. Во главе ополчения выступал «раджа», опытный воин из числа кшатриев, которого народное собрание избирало в вожди. Ночью накануне похода устраивались кровавые жертвоприношения, воины закалывали десятки рабов и множество скота, пили сому и пели гимны, а жрец-брахман гадал о воле богов. У ариев было множество богов и некоторые из них – со времен совместной степной жизни – были общими с греками, римлянами и персами. Греческого Зевса арии звали Дьяус, а персидского демона зла Ахримана – Айрьяманом; так же, как персы, арии приносили жертвы, сжигая их на священном огне. Царем арийских богов был Индра, богом огня – Агни, а богом-охранителем – Вишну (или Кришна). Шудры и дасью поклонялись Шиве, которого арии сначала считали злобным богом своих врагов, но со временем причислили к своим божествам. Жрецы-брахманы хранили заклинания-"веды", с которыми нужно было обращаться к богам, и передавали их от отца к сыну. Они жили в мире богов и проводили время в молитвах – в то время как кшатрий украшал себя золотыми цепями, брахманы ходили нагими, в уборе из длинных волос и отворачивались от роскошных яств. Когда появлялись внуки и наступала старость, брахман уходил в лес и вел жизнь отшельника – он не нуждался в благах этого мира. Брахманы говорили, что боги ведут счет заслугам людей, их благим деяниям и молитвам, и этот счет называется «карма». После смерти душа человека вселяется в тело новорожденного, брахмана, кшатрия или раба – в зависимости от кармы умершего; при плохой карме душа может оказаться в теле животного или попасть в ад.

В новой жизни женщина могла стать мужчиной, а мужчина – женщиной. Индийские женщины сохраняли свободолобивый характер степных амазонок; в отличие от женщин Вавилона и Греции, они не закрывали лицо и не проводили жизнь взаперти. Женщина могла иметь несколько мужей – так же, как мужчина нескольких жен. Вооруженные луками девушки составляли свиту вождя и, подобно амазонкам, сражались в битвах. Невеста и жених сами выбирали друг друга и клялись друг другу в верности; после смерти мужа-воина жена в знак верности должна была взойти на его погребальный костер.

Такова была жизнь ариев – как её описывали древние предания, передававшиеся седыми брахманами. Брахманы заучивали наизусть тысячи строк из обращенных к богам вед – и множество песен, составляющих знаменитые поэмы «Махабхарату» и «Рамаяну». «Махабхарата» рассказывала о вражде двух знатных арийских родов, а «Рамаяна» – о приключениях царевича Рамы и его жены Ситы. Это были сказания о героях и о кровавых битвах – о том, что составляло жизнь ариев. Арии не боялись смерти в бою – ведь смерть означала для них новое рождение. Боги были милостивы к ним, они помогли им завоевать страну, расположенную близ рая, – и в благодарность арии воспевали хвалу богам. Отблески жертвенного огня падали на лица мужчин и женщин, на бронзовые тела, украшенные цветами и драгоценностями. Темные джунгли дышали теплым и влажным дыханием тропической ночи, жрец разносил чаши с пьянящей сомой, сладостным напитком богов. Прекрасные амазонки танцевали в отсветах пламени, а могучие воины тянули мощный, как небо и земля, гимн «Ригведы»:

О два мира, дайте богатства нам,
Чтоб наградой сладости завладели мы!
Славу, сокровища, завоюйте нам!

ПРИШЕСТВИЕ ЦАРЕЙ

*Счастье царя – в счастье подданных,
в пользе подданных – его польза...*

Каутилья. «Артхашастра».

В начале I тысячелетия до нашей эры страна ариев, «Арьяварта», была страной маленьких укрепленных поселков, затерянных в глубине джунглей. Арии были хозяевами этой страны, а покоренные туземцы – плебеями-шудрами и рабами; арийский порядок был везде одинаков и везде, в Индии, Греции или Риме, везде были господа-завоеватели и склонявшиеся перед ними рабы. Однако со временем господ становилось всё больше, а военной добычи – всё меньше, и пехотинцам-вайшьям пришлось, в конце концов, взяться за мотыги и стать землепашцами. Земля вокруг поселка была поделена и превратилась в собственность, причем вайшьям достались небольшие наделы, а брахманам и кшатриям – обширные поместья. Точно так же поделили рабов и скот; среди господ появились богачи и бедняки, которые жили немногим лучше, чем шудры. Знатные стали чураться простолюдинов и не выдавали за них своих сыновей и дочерей; так появились четыре замкнутые «касты»: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Каждая каста имела свой цвет: брахманы – белый цвет неба, кшатрии – красный цвет крови, вайшьи – желтый цвет, получающийся от смешения красного и белого. Цветом шудр был черный – видимо потому, что, в отличие от бледнолицых ариев, шудры имели темную кожу. По легенде, сотворивший людей бог Брахма создал брахманов из своих уст, кшатриев – из своих рук, вайшьев – из бедер, а шудр – из запачканных в грязи ног. Шудры были предназначены служить трем другим кастам.

Между тем, время шло, века сменяли друг друга, и к V веку укрепленные поселки ариев разрослись в небольшие города-государства, похожие на греческие полисы. Так же, как в Древнем Риме, в каждом городе был свой царь-раджа, свой сенат и народное собрание, но собрание собиралось редко и власть принадлежала богатым и знатым. Тростниковые хижины кшатриев превратились в деревянные дворцы, наполненные множеством слуг; в городах появилось много ремесленников – преимущественно бедняков-шудр, которые пытались прокормиться работой на знатных. Появились ростовщики и торговцы – и не только индийские торговцы; в индийские города стали приезжать купцы из Вавилона, пришельцы из далекого центра древней цивилизации, вновь нашедшие дорогу в благословенную страну на Востоке. Вслед за купцами Индия увидела пришедших с запада воинов «царя царей» Кира. В конце VI века персы прошли через горные проходы на северо-западе и овладели долиной Инда; здесь была учреждена новая провинция Мировой Империи. К местным царям были приставлены писцы, собиравшие налоги для «царя царей»; они познакомили индийцев с достижениями цивилизации – с письменностью, монетой и искусством сооружения каменных зданий. По приказу царя Дария мореход Скиллак спустился на корабле вниз по Инду и после тысячелетнего забвения вновь нашел морские пути в Вавилон и в Египет. Индия вступила в контакт с цивилизованным миром.

Персы владели долиной Инда больше столетия; потом, в 327 году, пришли македоняне и греки. Покоритель полумира Александр Македонский был восхищен огромными реками и буйством тропической природы; он хотел завоевать и этот мир, но его усталые воины не могли идти дальше. Подчинив несколько индийских городов, Александр ушел на запад; в соседней Бактрии он оставил гарнизоны и наместников, которые вскоре стали независимыми и основали собственные царства. Греко-бактрийские цари долгое время владели долиной Инда и совершали походы в глубь Индии; индийцы научились у греков строить украшенные скульптурой храмы, полюбили театральные представления и узнали о шарообразности Земли. Персы и греки принесли в Индию идею о всемогущей царской власти, призванной охранять справедливость, – и эта идея попала на подготовленную почву: в IV веке в долине Ганга началось Сжатие. Дошедшие до нас отрывочные сведения о тех временах говорят о голоде и войнах, о людях, продающих себя в рабство за еду, о шудре Махападме, который, неведомо как, захватил власть, истребил знатных и основал большое царство. После Махападмы правил Чандрагупта (317-293), утвердивший на престоле династию Маурьев; Маурьи были самодержавными монархами, жившими в огромных дворцах и подражавшими

персидским «царям царей». Самый могущественный из этих монархов, Ашока (268-231), раздвинул границы своего царства далеко на юг и в знак своей власти установил по всей стране колонны с каменными львами на вершинах. Один из мудрецов тех времен, ученый брахман Каутилья, оставил после себя трактат «Артхашастра», или «Наука политики», – учебник для царей, рассказывавший о принципах управления государством. Главное для царя – это крепко держать жезл власти и наказания, писал Каутилья, если этот жезл опущен, то среди людей устанавливается «порядок рыб», когда сильные поедают слабых. С помощью жезла власти царь побуждает людей исполнять свои обязанности; он отбирает честных чиновников, которые собирают справедливые налоги, устанавливают заработную плату и цены на рынке. Царь должен содержать детей, стариков, больных и убогих, писал Каутилья, он должен строить оросительные системы и наделять бедняков землей, а в случае голода – отбирать зерно у богатых и раздавать бедным. «Наука политики» учит, как, обвиняя знатных в святотатстве и преступлениях, конфисковывать их богатства – эти методы широко применяли все монархи, от Рима до Индии. Нужно подсылать к знатым тайных осведомителей под видом святых отшельников или гетер, говорил Каутилья, нужно, чтобы всё, что происходит в домах, на рынках, на улицах было известно царю через осведомителей; осведомители – «глаза и уши царя», тайные осведомители помогают раскрывать преступления, поддерживать порядок и мир среди людей. «Мир и труд – это основа благополучия», – говорил Каутилья.

Справедливые цари облегчили участь угнетенных сословий, шудры во многом сравнились с вайшьями, было запрещено порабощение за долги. Так же, как цари Египта и Двуречья, индийские монархи собирали десятки тысяч крестьян на строительство оросительных систем. Руководствуясь советами Каутильи, царь Чандрагупта создал большое искусственное озеро, которое он назвал «Великолепное»; это позволило оросить обширные пространства и дать землю крестьянам. Они вместе стояли на берегу озера: царь, бронзовую грудь которого украшали золотые цепи и святой брахман с длинными, по пояс, седыми волосами. Они смотрели на своё творение, и седой брахман говорил царю:

– Счастье царя в счастье подданных, в пользе подданных – его польза... Царь должен содержать детей, стариков, больных, убогих и незащищенных... Он должен защитить земледельцев... Он должен очистить торговые пути... Если люди охраняются царем, то преданные своим занятиям, они благополучно живут в своих обителях... Каков царь, таковы и его подданные...

ПРИШЕСТВИЕ БУДДЫ

*Некоторые не знают, что нам суждено
здесь погибнуть. У тех, кто знает
это, сразу прекращаются ссоры.
«Дхаммапада».33.*

З авершив «Науку политики» и исполнив свое предназначение, Каутилья, как все брахманы, должно быть, ушел в джунгли, чтобы провести конец жизни в благочестивых размышлениях. В лесах было много пещер и укрытий, где жили отшельники, поклонявшиеся разным богам; одни из них молились и изнуляли себя постом; другие, принимая различные позы-асаны, впадали в гипнотический полусон. Некоторые из отшельников – их звали йоги – достигли совершенства во владении своим духом и телом, они могли надолго задерживать дыхание и останавливать сердце, а потом пробуждаться к жизни – впрочем, их уже мало интересовала жизнь. Йоги стремились достигнуть «освобождения» и вечного покоя – и этого же пытался достичь Будда.

«Просветленного» Будду в юности звали Сиддхартхой Гаутамой; он жил в VI веке и был сыном раджи племени шакьев. Отец воспитал Гаутаму в дворцовых стенах; великолепный дворец и парк, нарядные мужчины и прекрасные женщины – таков был мир молодого царевича. В 18 лет он женился на юной красавице Ясодгаре – но отец, опасаясь

чего-то, по-прежнему не выпускал его из дворца. В конце концов, сын выпросил у отца разрешение посмотреть на город и на людей – своих будущих подданных; был назначен торжественный выезд, и улицы разукрасили цветами. Повсюду звучала музыка, народ радушно приветствовал царевича – но вдруг Гаутама заметил сидящего на обочине иссохшего старца. Он остановил колесницу и подошел к нему: «Это человек?» – спросил Гаутама. «Да, – отвечал возница, – такими в старости становятся все».

Эти слова прозвучали для Гаутамы, как удар грома: он ничего не знал о старости и о смерти. И он бросил всё: свою юную жену, своего отца и бежал из дворца в лес – он хотел узнать у отшельников, как спастись от смерти. Шесть лет он бродил по лесам, расспрашивая монахов; он постился, молился богам, многие дни сидел под деревом в позе йога и, наконец, достиг «освобождения»; стал «просветленным», «Буддой». Будде открылась «благородная истина», о которой он рассказал людям. Будда говорил, что вся жизнь – страдание: «Рождение – страдание, болезнь – страдание, смерть – страдание: присутствие того, кого мы ненавидим – страдание, отдаление того, кого мы любим – страдание. Короче, привязанность к существованию – страдание». «Вот, о люди, благородная истина прекращения страдания, – говорил Будда. – Оно достигается полным прекращением жажды жизни, прекращением, которое состоит в отсутствии всякого сильного чувства, с полным отказом от этой жажды, с уходом от неё, с уничтожением желания».

Будда сорок лет ходил по городам и деревням, проповедуя, что освобождение от желаний и чувств приносит успокоение, «нирвану». Его последователи сидели под деревьями в позах йог и предавались самогипнозу; они погружались в состояние полного безразличия к окружающему миру; они не знали радости и печали, не знали страданий. Многие из них угасали в гипнотическом сне – о них говорили, что они ушли в «нирвану». После сорока лет проповеди ушел в нирвану и сам Будда – но его ученики продолжали проповедовать «благородные истины». Монахи бродили по деревням с чашками для сбора милостыни, и благочестивые крестьяне подавали им пригоршни риса, а благочестивые цари строили в лесах большие монастыри. На могилах знаменитых монахов насыпались большие, облицованные камнем курганы, «ступы», а пещеры отшельников превращались в украшенные барельефами пещерные храмы. Так продолжалось несколько столетий; радости и печали окружающего мира не волновали живших в лесах монахов. На рубеже нашей эры в Индию вторглись кочевники-юэджи, уходившие от овладевших Великой Степью гуннов. Города и деревни обратились в море огня; бедствия людей достигли предела, и отшельники, в конце концов, вышли из лесов, чтобы помочь людям. Первым из вернувшихся в мир святых монахов был «излучающий свет» Локешвара. «Когда Локешвара, будучи на вершине горы Сумеру, уже достиг нирваны и был готов погрузиться в вечное ничто, – говорит предание, – он услышал вдруг доносившиеся издали крики и стоны. Поразмыслив над этим, он понял, что это стенания несчастного страдающего мира, который он оставляет и для которого он – единственная опора, единственное прибежище. И тогда Локешвара решил, что не покинет мир, пока в нем остается хотя бы одно страдающее и не достигшее освобождения существо».

Монахи стали помогать бедным, лечить больных и учить крестьянских детей; они повернулись лицом к миру. «Сколь не бесчисленны живые существа, – присягал монах, – я клянусь спасти их всех». Это новое учение называлось «махаяана», или «большая колесница» – в отличие от прежнего учения, «хинаяны», или «малой колесницы». Старое учение могло дать освобождение лишь немногим – ведь только немногие могли достичь нирваны и взойти на «малую колесницу», теперь же освобождение стало доступно всем, к кому нисходили монахи и кто соблюдал правила благочестия. Главным из этих правил была щедрость и сострадание к бедным, «ко всем живым существам». Локешвара говорил то же, что и Христос: «Я принесу освобождение всем страдающим и несчастным». Локешвара говорил то же, что и Христос, – и всемогущие цари Индии были вынуждены прислушаться к его словам – так же, как цари Рима внимали учению Христову. Вождь завоевавших Индию кочевников, Канишка, поклонился Будде и окружил себя святыми монахами; святой Васумитра стоял

рядом с Канишкой – так же, как некогда Каутилья рядом с Чандрагуптой. «Пусть все существа будут счастливы», – говорил всемогущему царю святой отшельник:

Какие ни есть существа на свете
Сильные, слабые – все без остатка
Те, что далёко, и те, что близко,
Пусть все существа счастливы будут!
Пусть никто не унижит другого,
И никому не ответит презреньем,
В гневе, иль в чувстве нерасположенья,
Не пожелает другому несчастья...

СТРАНА НА КРАЮ СВЕТА

*Всё скачут и скачут четыре коня,
И длинен великий извилистый путь.
Шицзин .*

К северу и к востоку от благодатной долины Ганга поднималась неприступная стена гор, уходящих вершинами в облака. По преданию, на вершинах этих гор, Гималаев, обитали бессмертные боги, и где-то там, на севере, был расположен рай, где росли золотые цветы и реки текли в золотых берегах. Гималаи были стеной, у которой кончался мир, известный вавилонянам и грекам, а Индия была последней страной, за которой не было ничего. Так думали древние – но в действительности за Гималаями располагался **ДРУГОЙ МИР**. Там были обширные плодородные равнины, там текли могучие реки, на берегах которых стояли многочисленные города – и жители этих городов ничего не знали о мире Запада. Они называли свою страну Поднебесной и думали, что она ограничена «четырьмя морями»: Восточным, Южным, Песчаным и Скалистым. «Скалистое море» – это был Тибет, горная страна по ту сторону Гималаев, а «Песчаное море» – пустыня Гоби, восточная окраина Великой Степи. В центре Поднебесной располагалась Великая Равнина, по которой текла Желтая река, Хуанхэ. Так же как Нил, Хуанхэ несла со своими водами огромное количество плодородного ила и, разливаясь, затопляла обширные прибрежные низменности. Южнее простирались покрытые лесами горы, а за ними – долина другой великой реки, Янцзы. Это была страна джунглей, где водились слоны и носороги, а берега рек покрывали непроходимые заросли бамбука. Широкие реки несли свои воды к теплому морю, окаймлявшему Поднебесную с юга и востока; субтропические леса подступали здесь к самой кромке прибоя и среди скалистых берегов прятались укромные бухты. Именно в этих местах, по преданию, вышли из моря на сушу первые люди, «имевшие тела морских змей-драконов». Это были «люди Дракона», аустронезийцы, – загадочный народ, первым научившийся делать мореходные каноэ и украшавший их резными драконовыми головами. Историки до сих пор спорят, откуда пришли люди Дракона, и где была их древняя родина – впоследствии их родиной стало море, которое давало им пищу. Аустронезийцы были народом моряков и рыболовов; кочуя по морям в поисках богатых рыбой мест, они заселили все острова и побережья теплых морей и дали начало многим новым народам – в том числе современным индонезийцам. На берегах Индии аустронезийцы познакомились с земледелием и всюду, куда ни забрасывала их судьба, они выжигали небольшие участки леса и сеяли драгоценные зерна риса. В V тысячелетии маленькие деревни аустронезийцев появились и на китайском побережье, в таких деревеньках обычно бывало лишь два длинных дома на сваях с выгнутыми в форме лодки крышами. В одном доме жили мужчины, в другом, разделенном перегородками на комнаты – женщины и дети. В то время, как мужчины ловили рыбу, женщины совместно обрабатывали мотыгами рисовые поля. Рис давал постоянные урожаи, а

хороший улов был делом случая – поэтому решающее слово в деревне принадлежало женщинам. Женщины выбирали себе мужей, которые иногда приходили в их комнаты в «длинном доме», и из числа женщин выдвигали вождей. Изобилие риса сделало людей добрыми и счастливыми на несколько тысяч лет – это было время Золотого Века, время сельских праздников и теплых майских ночей. «У них есть обычай, – писал путешественник об одной из таких сохранившихся с древности деревень. – Каждый год весной мужчины и женщины, нарядно одетые, вместе танцуют при луне. Мужчины идут впереди и дуют в тростниковые флейты, женщины сзади отвечают им звоном колокольчиков. Потом каждый уходит с тем, кого любит, они дразнят друг друга, смеются, поют и расходятся только с рассветом...»

Золотой век продолжался около трёх тысячелетий, до середины II тысячелетия до нашей эры. Земледельцы постепенно освоили долины рек – и в особенности благодатную Великую Равнину по берегам Желтой Реки. Здесь выросли многочисленные и многолюдные селения, жители которых сеяли просо – рис не годился для климата этих мест. На берегах Желтой Реки росли тутовые деревья, листьями которых питались гусеницы, свивавшие коконы из тонких шелковых нитей – и местные крестьяне издавна разводили этих червей и ткали шелк. Оторванные от Большого Мира, жители Поднебесной не знали истинной цены золота и считали главным сокровищем не золото, а яшму, нефрит. Из нефрита делали ритуальные сосуды и жезлы вождей – легендарных правителей династии Ся. По преданию, один из этих правителей, Юй, научил людей рыть каналы, строить дамбы и умирять бурные разливы Желтой Реки. Однако мирная жизнь Золотого Века была прервана внезапной катастрофой. В XVII или в XVIII веке до нашей эры на долину Хуанхэ обрушилось страшное нашествие из Великой Степи. Это произошло в те времена, когда изобретение колесницы породило затопившую полмира Большую Волну – и Поднебесная не избежала участи других стран.

Ворвавшиеся на Великую Равнину колесницы принадлежали воинственному и жестокому племени шан. Так же, как и в других странах, завоеватели поработили часть покорённого населения, а остальных заставили платить дань: они называли туземцев «народом-скотиной», «чуминь», или «толпой», «ванминь». Согнав толпы рабов, завоеватели возвели на берегу Желтой Реки могучую крепость – «Великий Город Шан»: в те времена не умели делать каменную кладку, и стены «Великого Города» были из утрамбованной земли – рабы насыпали землю между деревянных рам и трамбовали её каменными колотушками. Каждую весну сотни колесниц отправлялись из Великого Города в поход на ещё не покорившиеся племена; из походов приводили тысячи пленных, которых приносили в жертву великому предку шанов, Владыке Неба Тянь Шан-ди. Вожди шанов были прямыми потомками Владыки Неба, и их звали Сыновьями Неба или «ванами». Могилы «Сыновей Неба» напоминали подземные дворцы, наполненные слугами, наложницами и сотнями рабов. Из тел принесённых в жертву людей сооружались целые «скульптурные группы» – слуги, держащие над головами огромную чашу, или группы воинов с луками. После смерти Сыновья Неба становились богами-духами, им приносили подношения и к ним обращались с молитвами. Впрочем, по поверьям, духами становились и простолюдины – поэтому китайцы поклонялись своим предкам и строили маленькие родовые храмы и алтари. Духи предков – это и были китайские божества, и, чем большей властью обладал человек на земле, тем более почётное положение занимал он на небе.

Племя шан постепенно разрасталось, от древнего «царского» рода отделялись младшие роды во главе со своими вождями, «хоу»; сыновья Неба выделяли им земли, и они устраивались в укрепленных поселках на равнине. Поля вокруг посёлка, по очереди впрягаясь в сохи, обрабатывали принадлежавшие роду тысячи «ванминь»; «мы пашем на твоих полях, десять тысяч нас работают попарно», – говорится в одной старинной песне.

Так же как индийские арии, племена шан делились на три сословия: жрецов-шаманов называли "у", и их цветом был голубой цвет неба; воины, сражавшиеся на колесницах, звались «большими людьми», «дажень», и их цветом был красный цвет крови.

Простолюдины-пехотинцы были «маленькими людьми», «сяожень», а покорённых «ванминь» называли также «черноволосыми» – потому что у них были черные волосы и тёмная кожа. Бледнолицые и бородатые завоеватели были очень не похожи на туземцев, и те с ужасом передавали, что у шанов была «белая кожа и на лице росли волосы». «Чернь» не допускали к таинствам и обрядам «белых людей», им запрещено было есть мясо и пить возбуждающие напитки. Непокорённые южные племена считались варварами – хотя именно от этих варваров жители Великой Равнины узнавали о достижениях Большого Мира. Аустронезийцы продолжали плавать вдоль берегов тёплых морей и привозили в Китай новые виды зерновых и новые породы скота; благодаря этим морским странникам на Желтой реке появились буйволы и свиньи из Индии, они принесли сюда гончарный круг, секрет иероглифической письменности, а позже, в VIII веке, тайну металлургии железа.

Но открытия и знания мало что значили перед лицом военной силы, перед движущимся по равнине строем боевых колесниц. Долина Желтой реки была открыта и беззащитна перед Великой Степью – и в XII веке Степь нанесла второй удар. Новые завоеватели, племена чжоу, разрушили «Великий Город Шан» и стали новыми хозяевами «толпы». За одно-два столетия новые завоеватели перемешались со старыми, и жизнь почти не изменилась – по-прежнему тысячи пленных приносились в жертву у алтарей и по-прежнему отряды колесниц уходили в набеги на юг. Всё было, как тысячу лет назад: перед отрядами несли бунчуки из воловьих хвостов, воины надевали красные одежды и под звуки нефритовых гонгов пели старую песню колесничих:

Ровны и покойны щиты боевой колесницы,
И задний ложится на ось, и передний ложится,
Могучие кони подобраны в каждой четвёрке,
Могучие кони обучены строю возницей.

РЕВОЛЮЦИЯ

*Если реку запрудить, а она прорвет
запруду, то от этого непременно
пострадает множество людей.
Народ подобен реке.
Сыма Цянь. Шицзи.*

Песни колесничих воинов оглашали Великую Равнину вплоть до середины I тысячелетия – затем наступило время перемен. Население постепенно росло, деревни становились всё более многолюдными и, в конце концов, стала ощущаться нехватка земли. Среди благородных родов начались войны за земли, и возглавлявшийся Сыном Неба союз родов-племён распался на родовые княжества. Эти княжества были похожи на греческие полисы и индийские ганы, их центрами были укреплённые города, в них было народное собрание, но на деле вся власть принадлежала знати. Почувствовав земельную тесноту, сражавшиеся на колесницах «большие люди» стали требовать выделения своей «заслуженной доли» – так появились знатные кланы, «дафу», владевшие обширными поместьями. Младшие родовичи получили при разделе по несколько дворов «ванминь» и превратились в благородных воинов-«ши»; впрочем, были и такие, которым пришлось самим пахать землю. Земля общин «ванминь» тоже была поделена между крестьянами; первое время она регулярно переделывалась (эта система называлась «цзинь-тянь»), а потом превратилась в частную собственность.

Мир стремительно изменялся, среди крестьян появились богатые и бедные; опутанные долгами бедняки отдавали свою землю ростовщикам и уходили на заработки в города. Города стали большими и многолюдными, с огромными деревянными храмами и обширными ремесленными кварталами. Ремесленники ткали шелк и шерсть, ковали

железные топоры и мотыги; купцы доставляли на оживленные рынки товары из окрестных стран. Рынки были сосредоточием городской жизни, от них расходились улицы, тянувшиеся между тростниковыми обмазанными глиной заборами. Легкие дома за заборами тоже строились из тростника и бамбука, и в них не было никакой мебели – её заменяли плетёные циновки. Стены богатых домов украшались вышитыми шелками, а крыши выкладывались черепицей; опорные балки покрывались лаком. Богачи угощали гостей рисовой брагой (винограда в Китае не знали) и подавали на стол мясо, которое было разрешено есть лишь «дафу». Разбогатевшие купцы ездили в отделанных золотом колесницах и соревновались в числе слуг с вожжами знатных кланов – отныне деньги давали и власть, и знатность; всё измерялось звонкой монетой – этой новой мерой всех вещей.

Обедневшие аристократы с неприязнью смотрели на новых богачей, выскочек из числа купцов – но им приходилось приспосабливаться к новой жизни. Младшие члены знатных кланов становились солдатами-наёмниками, а жрецы открывали школы и учили всех желающих тому, что ещё недавно составляло тайну аристократии – родовым обрядам и преданиям. Одним из первых частных учителей был знаменитый Конфуций, Учитель Кун, или по-китайски Кун-цзы (551-479 гг.). Конфуций принадлежал к обедневшему знатному роду, долгое время был жрецом, а затем решил открыть частную школу. Он учил главным образом ритуалам, «ли», – и одновременно ездил по стране, собирая сведения об обрядах, записывая предания и народные песни. Он оставил после себя «Книгу ритуалов», «Лицзы», «Книгу песен», «Шицзин», два сборника летописей, «Шуцзин» и «Чунцю», и утерянную ныне книгу об обрядовой музыке, «Юэцзин». Он записал все, что до той поры передавалось из уст в уста, и остался в памяти поколений как великий мудрец и первый китайский философ – хотя он не придумал ничего нового, он лишь собирал и записывал древние предания.

Конфуций учил, что, как принято в благородных родах, сын должен свято почитать отца и беспрекословно ему подчиняться, что младшие должны быть покорны старшим, а старшие – заботиться о младших. В те времена ещё не было разницы между родом и государством, ваны и хоу были старшими родичами, простолюдины – младшими, и родовое княжество представляло собой «большую семью». Отношения в этой семье были отнюдь не идиллическими, и страдавшие от голода «младшие» с ненавистью взирали на дворцы «старших» – так что обстановка не благоприятствовала проповеди «братской любви». Простолюдины прислушивались к другим проповедям и к другим Учителям – таким, как Учитель Мо, Мо-цзы. «Простой народ имеет три бедствия, – говорил Учитель Мо. – Голодающие не имеют пищи, замерзающие не имеют одежды, уставшие не имеют отдыха... Мой замысел состоит в том, чтобы уничтожить это... Кто не работает – тот не ест!» Середина I тысячелетия стала временем народных восстаний и революций; в 543 году революция охватила центр Сжатия, княжество Чжэн, расположенное посредине Великой Равнины. Избранный народом «первый министр» Цзы Чань приказал «провести межевые каналы на полях» – то есть поделить между крестьянами земли знати. Началась гражданская война; крестьяне объединились в «пятёрки» и «десятки» и создали народное войско, сумевшее остановить боевые колесницы аристократов. В 536 году на огромном бронзовом треножнике «Синшу» был вырезан текст новых законов – законов, которые не делали различий между простолюдинами и знатью. Аристократы были лишены своих регалий и ритуальных одежд, их замки были сожжены, разбитые дружины скрывались в лесах.

Отняли наши одежды и спрятали их,
Отняли наши поля и отдали их «пятёркам»,
Мы поддержим того, кто убьёт Цзы Чаня!

– говорилось в песне «благородных». Революция свершилась, победившие крестьяне работали на своих новых полях; их детям не угрожал больше голод, и они приветствовали Цзы Чаня криками: «десять тысяч лет жизни!» – так, как потом приветствовали императоров

и царей.

Мы имеем детей и младших братьев,
Цзы Чань заботится о них.
Мы имеем поля,
Цзы Чань преумножает их.
Если Цзы Чань умрёт,
Кто будет руководить нами?

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

*В то время, как император смотрел
на широкие просторы и созерцал их
красоты, мы, сопровождавшие
его слуги, вспоминали об основах
пути, приведшего его к славе.*
Надпись на горе Чифу.

"Речи Цзы Чаня облетели Поднебесную от ближних мест до дальних", – говорит летопись «Цзочжуань». Революция, подобно пожару, перебрасывалась с одного княжества на другое, и к середине V века охватила всю Поднебесную. Она породила пять царств, в которых у власти стояли самодержавные государи, правившие в соответствии с заветами Цзы Чаня. Цзы Чань основал учение о законах, школу «фацзя», которая утверждала, что нужно править, опираясь на наказания и подчиняя людей государственной дисциплине. Объединённые в «пятёрки» и «десятки» крестьяне были обязаны помогать друг другу, вместе платили налоги и вместе отвечали, если кто-то из их «пятёрки» совершит преступление. О «благородных» и «знатных» больше ничего не было слышно – революция перепахала Поднебесную и уравнила всех; население страны называли «поравненным народом». Одетые в форменные халаты чиновники проводили переписи, наделяли неимущих землёй и рассчитывали потребности крестьянских хозяйств. Государство осуществляло закупки зерна и выдавало его беднякам в годы голода. "Ныне учёные мужи говорят об управлении чаще всего так: «Дайте бедным и неимущим землю, чтобы обеспечить тех, у кого ничего нет», – писал знаменитый учёный Хань Фэй-цзы.

Хань Фэй-цзы жил в III веке, он был крупнейшим представителем школы «фацзя» и работал во «Дворце наук у Западных Ворот» – академии, созданной в столице царства Ци для учёных разных школ. Во «Дворце наук» работали тысячи учёных, они пользовались почётом, жили в больших домах с высокими воротами и выезжали на богато убранных колесницах. Здесь изучались различные социальные системы и вырабатывались экономические проекты, – одним из них был знаменитый проект восстановления надельной системы («цзинь-тянь»), принадлежавший последователю Конфуция Мэн-цзы. Наблюдая за ходом истории, учёные из «Дворца наук» пришли к тем же выводам, к которым на другом конце света пришли Платон и Аристотель, – они открыли, что движущей силой событий и причиной всех бед является ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ.

– В древности... усилий не прилагали, а для жизни хватало, – писал Хань Фэй-цзы. – Народ был малочисленным, а запасов было в избытке. Поэтому в народе не было борьбы, не применялось строгих наказаний, и народ управлялся сам собой. Ныне же иметь пять детей не считается слишком много, а у каждого из них имеется ещё пять детей; дед ещё не умер, а уже имеется двадцать пять внуков. Поэтому-то народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах, трудится изо всех сил, а пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идёт борьба, и, даже ужесточив наказания, не избежишь смут".

Пять царств выводили эту внутреннюю борьбу вовне: они собирали огромные армии и сражались за земли Великой Равнины; эпоха IV-III веков называлась «Эпохой Сражающихся

Царств». Это была битва гигантов, Сражающиеся царства изнемогали в этой борьбе: в войска мобилизовывалось все мужское население, отряды женщин строили полевые укрепления, а подростки дети обслуживали обозы. Вслед за атакующими частями шли каратели: если один из «пятерки» проявлял трусость, то казнили всю «пятерку». Полководцы писали военные трактаты о том, как заставить воинов сражаться: «Бросай своих солдат в такое место, откуда нет выхода, и тогда они умрут, но не побегут». В ход шли самые тонкие хитрости: например, князь Юэ послал своему врагу, князю У, бесподобную красавицу Си Ши. У-ван увлекся ею, и в то время, когда он предавался любовным утехам, его войска были разбиты.

В конце IV века в войны, происходившие на Великой Равнине, вмешалось ещё одно царство, расположенное на западе, за горами Тайхан, царство Цинь. Это царство было основано в VIII веке вторгшимися из Великой Степи племенами жунов; так же как некогда племена шан, жуны подчинили местное население и поделили страну между своими родами. Цинь было отсталым царством, здесь ещё не было городов и денег; вожди жунов, как когда-то вожди шан, совершали на могилах предков человеческие жертвоприношения. В середине IV века в страну жунов приехал Шан Ян, чиновник одного из восточных царств, убедивший вождя Сяо-гуна преобразовать своё варварское княжество по образу соседних культурных государств. Шан Ян создал сильное царство и вошёл в историю, как мудрый министр и автор знаменитого трактата «Шан цзюнь шу», книги, по которой учились править многие китайские императоры. Утвердив абсолютную власть циньских князей, Шан Ян дисциплинировал знать и сформировал мощную армию. В III веке эта армия начала наступление на Серединные царства; это было время грандиозных сражений, в которых участвовали сотни тысяч воинов. В 260 году маршал Бай Ци окружил близ Чанпина огромную армию царства Чжао; чжаоские солдаты голодали больше месяца и, не сумев вырваться из окружения, сдались в плен. То, что произошло затем, поразило ужасом Поднебесную: четыреста тысяч пленных были живыми закопаны во рвах под Чанпином. В конце концов, циньцам удалось сломить сопротивление Серединных царств; в 221 году циньский князь Ин Чжэн объединил страну и был провозглашен Ши-хуанди – Первым Императором. «Эпоха Сражающихся Царств» закончилась.

Цинь Ши-хуанди создал Мировую империю, огромное Серединное государство, охватившее почти все земли между «четырьмя морями». Раньше этот мир был разделён между «сражающимися царствами» – теперь была только Империя и обитавшие на окраинах варвары. Ши-хуан любил, взойдя на гору, смотреть на свою страну, на бескрайние равнины и многоводные реки, на огромные города и желтые квадраты полей. Он побывал во всех областях и всюду лично проверял дела местных чиновников. «Император установил единые обычаи для Империи и с этой целью изъездил много мест по воде и по суше, – говорит древняя надпись. – В заботах о черноголовых император трудился, не покладая рук». Крестьяне были обеспечены землёй, а чиновники не смели злоупотреблять своей властью. Были построены мощные каменные дороги между провинциями, «чидао»; ширина «чидао» равнялась 50 шагам, а посередине проходила ещё одна, возвышающаяся над остальной частью, дорога, по этой дороге мог ездить только сам Император. Были завоеваны обширные территории на окраинах, войска Империи вышли к Южному морю, и безземельные крестьяне Великой Равнины получили наделы в новых провинциях. Ши-хуанди считал, что Мировой Империи под силу деяния, достойные богов; чтобы оградить страну от набегов из Великой Степи, он задумал возвести огромную стену поперек континента – «стену в 10 тысяч ли». Было мобилизовано два миллиона крестьян, рабочие отряды бесконечным потоком шли на север; им вслед тянулись обозы с одеждой и продовольствием – чтобы обеспечить строителей, у земледельцев отнимали 2/3 урожая. Условия жизни строителей Стены были поистине страшными: голая промерзшая степь, открытая всем ветрам, полуголодные пайки, плети надсмотрщиков, налёты диких варваров. Мобилизованные крестьяне бежали тысячами, беглецов ловили и замуровывали в стену. На выдвинутые в степь смотровые вышки садили наблюдателей из числа преступников; чтобы их бегство не поставило строителей под внезапный удар орды, им отрубали ноги.

Приближенные предупреждали Ши-хуана о том, что великие стройки доведут народ до изнеможения – но он не желал слушать, он свято верил во всемогущество социалистической Империи и обвинял всех сомневающихся в конфуцианстве – в приверженности к старым порядкам, делившим людей на аристократию и простонародье, «старших» и «младших», «отцов» и «сыновей». В ответ на заговоры знати он приказал сжечь конфуцианские книги и варить в котлах ученых-конфуцианцев. Перейдя грань разумного, он мобилизовал ещё 700 тысяч рабочих на строительство колоссальной гробницы в горе Лишань. Они выдолбили огромную гору, залили стены бронзой и спустили вниз предназначенный для императора саркофаг. «Склеп наполнили привезённые и опущенные туда копии дворцов, фигуры чиновников всех рангов, редкие вещи и необыкновенные драгоценности. Мастерам приказали сделать луки-самострелы, чтобы они стреляли в тех, кто попытается прорыть ход и пробраться в усыпальницу. Из ртути сделали большие и малые реки и моря, причем ртуть самопроизвольно переливалась в них. На потолке изобразили картину неба, по полу – очертания земли. Светильники наполнили жиром жень-юев в расчёте, что огонь долго не потухнет.»

Летом 210 года Ши-хуанди скончался, возвращаясь в столицу после инспекционной поездки на восток. Страшась надвигающихся событий, чиновники скрыли его смерть. Гроб был установлен в закрытую колесницу, чиновники подходили к ней и делали обычные доклады – до тех пор, пока кортеж не прибыл в столицу. В глубокой тайне гроб был доставлен к секретному входу в гробницу и спущен внутрь горы Лишань. По старому обычаю вместе с императором захоронили сотни его наложниц. «Погибших было множество, – писал древний историк. – Когда гроб императора уже спустили вниз, кто-то сказал, что мастера, делавшие все устройства и прятавшие ценности, знают всё и могут проболтаться о скрытых сокровищах. Поэтому, когда церемония похорон завершилась и всё было укрыто, заложили среднюю дверь прохода, после чего спустили наружную дверь, наглухо замуравав всех мастеровых и тех, кто наполнял могилы ценностями, так что никто оттуда не вышел. Сверху посадили деревья, чтобы могила приняла вид обычной горы». Подобно возводившим пирамиды фараонам, Ши-хуан довёл до изнеможения свою страну – и после его смерти народ поднялся на восстание. Повстанцы осадили столицу, и преемник Ши-хуана, повязав шею верёвкой, сдался крестьянскому вождю Лю Бану. Страна распалась на «сражающиеся царства» и шесть лет содрогалась от яростных войн. Города обратились в развалины, погибло около половины населения Великой Равнины. В 202 году Лю Бану удалось подчинить новых «ванов» и «хоу» и восстановить в Поднебесной мир – однако власть новой династии Хань была слабой и вассальные князья часто поднимали мятежи. Ханьские князья во многом напоминали князей эпохи Чжоу; они содержали свои дружины, а во времена мира совершали во дворце Сына Неба древние ритуалы и давали вассальные клятвы. Казалось, что на Великую Равнину вернулось прошлое – но это была лишь иллюзия. События развивались по одним и тем же незыблемым законам; четыре десятилетия покоя наполнили Поднебесную новыми поколениями, и демографическое давление быстро повысилось. К середине II века население возросло более чем вдвое и снова подошло к роковой черте: началось Сжатие.

ИМПЕРИЯ ХАНЬ

*Над полем боя солнца диск взошел
Опять на смертный бой идут солдаты...*
Ли Бо.

События четырехвековой давности вернулись на сцену и замелькали перед глазами историков со скоростью киноленты. Снова дробились крестьянские участки, снова обездоленные сыновья продавали последнее и уходили в город, снова разрастались ремесленные посады и умирали на дорогах безработные «иньминь». Огромные города

вставали из пепла и впитывали в себя массы голодных батраков. Одни из них становились ремесленниками или мелкими торговцами, другие – «странствующими наёмными работниками», «лююнь», третьих нанимали предприимчивые купцы, железнодобытчики и солепромышленники. «Могущественные купеческие роды пользовались доходами от гор и морей посредством добычи железной руды и выпаривания соли, – писал философ Фань Куан. – Одна семья владела тысячью и более людей, в большинстве своём бродягами, покинувшими родные места».

Торговые дома занимались также чеканкой монеты, ростовщичеством и скупкой земель. «Они берут двойные проценты», – сообщает «История Хань». «При неурожае крестьяне вынуждены брать в долг с обязательством возместить его в двойном размере, – свидетельствует цензор Чао Цо. – И вот есть такие, кто продает свои поля и жилища, своих сыновей и внуков, чтобы рассчитаться с долгами». Кулаки и ростовщики скупали участки разорившихся крестьян, от них не отставали и титулованные сановники, стремившиеся вложить деньги в недвижимость. В деревне быстро разрастались поместья богачей. «У богатых поля тянулись одно за другим, а у бедняков не было даже и столько земли, чтобы воткнуть шило... – говорил ханьский министр Дун Чжун-шу. – Некоторые обрабатывали поля богачей-миroeда, внося арендную плату в размере половины урожая, поэтому бедняки постоянно носили отрепья и питались тем же, что и скотина...»

Эта картина обнищания и всеобщей ненависти дополнялась набегами гуннов. В конце III века обитавшие в степях Гоби гунны объединились в мощный племенной союз и овладели всей восточной половиной Великой Степи; они преодолели «стену в 10 тысяч ли» и постоянными набегами опустошали Северный Китай. Сжатие принимало облик смерти, приходившей с разных сторон, от голода и варварских набегов, – и людям Поднебесной оставалось одно из двух: умереть или сплотиться плечом к плечу в новой могущественной Империи.

Министры ханьских Сыновей Неба хорошо знали, что нужно делать – книги Шан Яна и Хань Фэя лежали на столе у каждого. В 154 году первый министр Чао Цо предложил лишить князей власти и утвердить императорское самодержавие. Семь вассальных князей восстали и потребовали казни Чао Цо. Император испугался и отослал князьям голову своего верного министра, но через месяц войска мятежников были разгромлены, и проект Чао Цо был проведен в жизнь. Абсолютная власть стала инструментом для строительства новой Империи. Страна была разделена на области и уезды, в которые были назначены новые, послушные центру, чиновники. Чтобы противостоять гуннам, была создана новая армия и вся страна превратилась в единый военный лагерь. Земли помещиков, ростовщиков, князей были конфискованы и розданы крестьянам; производство железа, соли и вина было национализировано; государство планировало, регулировало и направляло всю жизнь общества.

Создателем новой Империи был Сын Неба У-ди (140-87); подобно Ши-хуану он лично инспектировал провинции и выслушивал жалобы подданных. Чиновники отныне отбирались через открытые для всех экзамены, и каждый мог стать уездным начальником и даже министром. Командующий Северной Армией Вэй Цин был сыном рабыни – война уравнила простолюдинов и благородных. Гунны, хозяева Степи, были страшной силой, и, чтобы отбросить их и направить их нашествие на запад, нужна была сила Империи, основанной на равенстве. Сотни тысяч солдат сражались на фронте в тысячи ли, пытаясь изгнать гуннов за Великую Стену. Это была битва людей с кентаврами – ведь гунны были неотделимы от своих лошадей; они рассыпались по степи, исчезали и внезапно появлялись, со всех сторон осыпая врагов свистящими стрелами. Страшные луки гуннов били на 400 метров, и стрелы пронзали латы навылет. Китайские армии уходили в степь и не возвращались:

Над полем боя солнца диск взошёл,
Опять на смертный бой идут солдаты,
Здесь воздух неподвижен и тяжёл,

И травы здесь от крови лиловаты...

– писал тысячу лет спустя великий поэт Ли Бо.

Император У-ди искал союзников среди враждебных гуннам степных племён; он знал, что далеко на западе живут неподвластные гуннам юэджи – и отправил к ним своего посла, гвардейского офицера Чжан Цянь. Чжан Цянь должен был пройти многие тысячи ли по степям и пустыням, пробраться мимо гуннских кочевий и достичь мест, где заходит солнце. Это была почти неисполнимая задача, Чжан Цянь был вскоре захвачен в плен гуннами, обращён в раба и десять лет доил коз для своих хозяев. Потом ему удалось бежать, и он пошёл по пустыне на запад – он пытался во чтобы то ни стало выполнить поручение государя. Он преодолел покрытые снегом перевалы и неожиданно увидел перед собой **ДРУГОЙ МИР** : широкие реки и многолюдные города с храмами и дворцами. Он был потрясён: ведь китайцы считали, что города и храмы есть только в Поднебесной, а там, на западе – только пески и горы. В этом другом мире росли невиданные деревья, там были пряности и виноград – и, что особенно заинтересовало гвардейского офицера, – там выращивали прекрасных лошадей, столь необходимых для борьбы с гуннами. Чжан Цянь заключил договор с вождём юэджи и пошёл по пустыне назад – и снова был захвачен в плен, снова бежал и, в конце концов, вернулся в столицу Чанъань. Он доложил императору о существовании другого мира – и император У-ди приказал своим генералам пробить коридор между двумя мирами. В 102 году знаменитый полководец Ли Гуан-ли с 60-тысячной армией прорвался через принадлежавшую гуннам пустыню и открыл дорогу на запад – впоследствии эту дорогу стали называть Великим Шёлковым путём.

С этого времени на Великом пути «один караван не выпускал из виду другого». На запад шли верблюды гружёные шёлком, железом, лаковыми изделиями; на восток везли стекло, пряности, косметику и гнали породистых лошадей. «Небесные кони», приумножившиеся на конских заводах Поднебесной, позволили отбросить гуннов далеко от Великой Стены, и северные области Китая превратились в цветущий край, новую родину для сотен тысяч переселенцев. Был снова завоёван южный Китай, и ханьские знамёна развивались повсюду – от хмурых утёсов Кореи до цветущих долин Вьетнама. Могущество Империи, казалось, не знало границ: полмира лежало у её ног, а остальная половина присылала посольства с дарами. Сын Неба У-ди принимал послов в пышном одеянии, облокотясь о нефритовый столик; дворцовые фонтаны наполнялись вином, а на деревьях развешивали куски жареного мяса. Для развлечения послов был вырыт огромный пруд Кунминчи, посредине пруда находился каменный кит, который ревел и бил о воду хвостом. Картина величия и могущества дополнялась сказочными деталями и вращалась в памяти потомков как блестящая феерия Великого Прошлого. Память снова и снова возвращалась к этому прошлому в тягостном и томном раздумье:

Пруд Кунминчи – подвиг ханьских времён...

Знамёна и штандарты У-ди обращены на восток...

– вспоминал десять веков спустя великий поэт Ду Фу. Память о былой славе воодушевляла поэтов и в то же время навеивала на мысли о бренности этой славы – ибо расцвет не вечен, и за временами побед всегда приходят времена упадка.

СУДЬБА ИМПЕРИИ

*Вещи, достигнув своего предела, начинают приходить в упадок.
Сыма Цянь.*

И мперия достигла вершины славы, отбросила гуннов и отгородилась от них Великой Стеной. Отныне миллионы крестьян могли спокойно обрабатывать свои поля, им не угрожали набеги и голод, и Поднебесная несколько десятилетий могла наслаждаться покоем. Преемники великого императора У-ди продолжали политику колонизации и наделяли

нуждающихся крестьян земель на окраинах – хотя постепенно масштабы колонизации уменьшались, а правители всё больше склонялись к тому, чтобы почивать на лаврах и проводить жизнь в гаремных покоех. Вновь приближенные ко двору конфуцианские мудрецы учили, что императору достаточно «в молчании сидеть лицом к югу» – порядок установится сам собой с помощью «духовной внутренней силы». Политика государственного регулирования была постепенно оставлена, и люди снова стали жить по законам буржуазного общества. В деревнях снова началось перенаселение, и ростовщики скупали земли бедняков; дворцы богачей снова украшались вышитыми шелками, а умирающие от голода люди лежали в полях и на дорогах. Учёные сановники понимали причины происходящего и пытались вернуться к государственному регулированию, остановить «зло скопления земель». В 8 году нашей эры первый министр Ван Ман отстранил от престола малолетнего императора Пин-ди и провозгласил о начале новой эры и новой династии.

– При прежних династиях воля неба нарушалась, – гласил императорский указ, – отношения между людьми повергались в хаос и нарушался принцип – **ЧЕЛОВЕК ПРЕВЫШЕ ВСЕГО...** У богатых собаки и лошади имели пищу с избытком, бедным же не хватало для пропитания отрубей и отбросов, они доходили до крайности и совершали преступления... Отныне все, кто не имеет земли, должны получить её в соответствии с законом...

Ван Ман попытался произвести уравнилительный передел земли в соответствии с принципом «цзинь-тянь», принадлежавшим древнему мудрецу Мэн-цзы, – однако богатые и знатные воспротивились реформам. С тех пор, как императоры стали управлять «сидя лицом к югу», местные чиновники стали думать лишь о личной наживе, они породнились с богатыми и знатными и выполняли лишь те указы, которые им нравились. Нити управления империей были потеряны – а между тем, демографическое давление всё возрастало, население Поднебесной достигло 60 миллионов, и в стране свирепствовал голод. В 18 году миллионы голодающих крестьян поднялись на восстание, повстанцы окрасили свои брови в красный цвет, они овладели низовьями Жёлтой Реки и истребили местных чиновников. На Юге подняла мятеж местная знать, в стране началась гражданская война. В 23 году столица была взята штурмом и Ван Ман погиб. В 28 году предводитель южан Лю Сю разгромил «краснобровых» и провозгласил себя «новым У-ди» – императором Гуан У-ди. Новому императору удалось усмирить знать, он освободил рабов и роздал землю крестьянам – это было нетрудно сделать, когда повсюду лежали запустевшие поля. Война унесла 3/4 населения Поднебесной, города обратились в развалины, повсюду белели черепа и кости – это была катастрофа, какой ещё не видела Поднебесная: демографическое давление взорвало и опустошило огромную страну.

В I веке нашей эры история началась сначала, начался новый **ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ**, который продолжался полтора века. За сто лет Поднебесная наполнилась новыми поколениями, деревни снова стали многочисленными, а города многолюдными. Затем вновь началось Сжатие, бедняки снова продавали землю ростовщикам, дворцы знати украсились вышитыми шелками, а умирающие от голода снова лежали в полях и на дорогах. Как и во времена Ван Мана, немногие честные чиновники пытались как-то помочь простому народу – но потерпели поражение и бежали, скрываясь в деревнях и лесах. Давление же всё возрастало, и численность населения снова приблизилась к 60 миллионам; повсюду свирепствовали голод и чума, и среди голодающих ходили новые пророки, указывавшие на небо. Одним из этих пророков был «великий маг» Чжан Цзюэ, создавший секту, которая называлась «Путь Великого Равенства», «Тайпиндао». В 184 году члены «Тайпиндао» повязали головы жёлтыми повязками и поднялись на борьбу – началась гражданская война, продолжавшаяся 20 лет и унёсшая 7/8 населения Поднебесной. Великая Равнина опустела:

Выйдешь из дому – ничего не увидишь,
Белые кости покрывают равнину...

– горестно причитал среди развалин случайно уцелевший поэт. Империя раскололась. На юго-западе, в Сычуани, «тайпины» создали своё царство Шу. Правивший здесь легендарный мудрец Чжугэ Лян боролся с помещиками и ростовщиками, для бедняков устраивались приюты, где они могли получить кров и пищу. На юго-западе, в царстве У правили богатые и знатные, а в долине Хуанхэ, в выгоревшем и опустошённом центре Сжатия утвердилось новая военная монархия, империя Вэй. С помощью «чистых чиновников» полководец и император Цао Цао пытался восстановить здесь систему государственного регулирования.

Три царства на протяжении полувека сражались друг с другом – и, как когда-то в «Эпоху Сражающихся Царств», огромные армии устилали телами солдат поля многодневных сражений. В 280 году вэйский император Сыма Янь сумел объединить Поднебесную и основать новую империю Цзинь. Сыма Янь претворил в жизнь старый проект Мэн-цзы и восстановил систему «цзинь-тянь», каждому крестьянину было выделено 120 му (5 га) земли и на какое-то время Поднебесная успокоилась. Население стало вновь расти и снова поднялись из руин города – однако процветание продолжалось недолго. В начале IV века в Великой Степи произошли роковые события: кочевники научились пользоваться стременем и седлом. Привстав в стременах, степной всадник мог вложить в сабельный удар всю массу своего тела – это было новое оружие, погубившее цивилизацию Древнего Мира. Орды новых кентавров лавиной обрушились на окружающие страны – от Запада до Востока. Империя Цзинь погибла, города обратились в груды развалин, возле которых возвышались воздвигнутые завоевателями курганы из черепов.

Выйдешь из дому – никого не увидишь,
Белые кости покрывают равнину...

ПРОЛОГ СРЕДНИХ ВЕКОВ

*Маздак говорил: "Кто богат и силен,
не выше бедняги, что нищим рождён".*

Фирдоуси. Шахнамэ.

К атастрофа, разрушившая государства Древнего Мира, была вызвана новым **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ОТКРЫТИЕМ** кочевников – изобретением стремени и седла. Стремя и седло породили всадника и коня, и от этого союза явился на свет новый народ кентавров. Так же, как все кочевники, новые кентавры с детства были приучены убивать; они выросли в яростных сражениях между родами и племенами – и вот теперь они предстали перед окружающим миром, сидящими в сёдлах и опирающимися на стремяна, одетые в кольчуги и вооружённые длинными копьями. Стремя и седло позволили использовать новое страшное оружие, саблю; привстав в стременах, всадник обрушивал на римского легионера или китайского пехотинца удар, рассекавший его от плеч до пояса. Стремя, седло и сабля породили Большую Волну, подобную арийской Волне II тысячелетия; орды жестоких завоевателей обрушились на земледельческие страны, обращая в пепел города и деревни. Цивилизация Древнего Мира погибла, повсюду виднелись развалины и засохшие каналы, на дорогах и в полях белели кости, и лишь изредка можно было встретить уцелевшего крестьянина, пахущего поле для нового господина.

Закованные в кольчуги всадники-рыцари стали господами нового мира, мира Средних Веков. В V-VIII веках на обширных просторах Евразии началась новая эпоха, эпоха рыцарей и крепостных рабов. Однако была одна страна, которая раньше других приняла удар тяжёлой кавалерии, и история которой стала прообразом будущего – этой страной был Иран. Поэтому, чтобы завершить историю Древнего Мира, нам остаётся рассказать об этом

прологе Средних Веков.

В середине II века до нашей эры гуннская волна обрушилась на обитавшие в центральной Азии племена саков и юэджей. Гунны обладали всепокрушающим Новым Оружием, тяжёлым луком из кости и дерева, и, уходя от страшной опасности, юэджи двинулись в Индию, а саки – в Иран. После первого столкновения с родственными им племенами парфян саки вошли в Парфянский союз; они передали парфянам военную технику гуннов, тяжёлый лук и чешуйчатый панцирь. В 120-х годах до н.э. на Ближнем Востоке появились первые рыцари-"неранимые", восседавшие на огромных, облачённых в доспехи, «нисейских» конях. Эти рыцари не только поражали врагов из луков; у них были длинные четырёхметровые копы, с которыми они бросались на врагов, удерживаясь на коне без стремян и сёдел – должно быть, с помощью каких-то забытых ныне приспособлений. Новая тяжёлая конница обеспечила парфянам победу в долгой борьбе с державой наследников Александра, Селевкидов; кочевники овладели Двуречьем и вышли к Евфрату.

Нашествие кочевников оставило после себя сожжённые деревни и развалины городов, парфяне разрушили Вавилон и увели в плен его жителей. С гибелью городов пришла в упадок древняя культура и письменность, был забыт алфавит, и немногие уцелевшие писцы пользовались словами как иероглифами. На опустевшей равнине возвышались замки завоевателей, в них обитали главы парфянских родов, «великие» и «знатные», владевшие тысячами порабощённых крестьян. Рядовых рыцарей-родовичей звали «азатами», «свободными»; они получали от «великих» в кормление несколько крестьянских дворов и по первому зову шли за ними в поход. Каждое лето рыцарские дружины уходили в набеги за Евфрат, приводя оттуда толпы новых рабов. Иногда «великие» собирались и вместе выбирали царей из царского рода Аршакидов, но чаще воевали друг с другом, штурмуя замки и опустошая деревни – совсем как в средневековой Европе.

В 53 году до н. э. в этот мир средневековья неожиданно вторглись римские легионы под командованием Марка Красса – того самого Красса, который подавил восстание Спартака. С 40-тысячным войском Красс двинулся в Двуречье напрямик, через пустыню, и близ города Карры встретился с парфянской конницей. Парфянские всадники окружили построенные огромным квадратом легионы и целый день осыпали их стрелами; от этих стрел не было спасения: они пробивали щиты и доспехи, прикалывая руки к щитам, а ноги к земле. Когда римская конница попыталась атаковать, то навстречу ей устремился железный строй рыцарей с длинными копьями, которые пронзали римских всадников вместе с конями. Когда на поле боя спустилась ночь, уцелевшие римляне бросили своих стонущих раненых и попытались бежать – но не смогли уйти далеко; в конце концов, Красс вступил в переговоры с врагом и был убит парфянами, а его воины почти все погибли.

Отбросив римлян, парфяне вновь погрузились в усобицы, которые тянулись столетиями – пока в 228 году очередная распря не привела к смене династии – власть перешла к вассалу парфян, царю персов Арташиру, основателю династии Сассанидов. Оттеснённые парфянами в южные горы, персы сохранили там свои древние традиции – и, придя к власти, они принялись восстанавливать древние города и храмы огня. Цари снова стали называть себя наместниками великого Ахурамазды и, пытаясь подчинить «великих», завели множество чиновников. Они разделили свой народ на четыре сословия: жрецов-магов («асраван»), благородных воинов («артештаран»), писцов («дипиран») и зависимых крестьян («ваштриошан»). Но в остальном ничего не изменилось – по-прежнему возвышались над равниной замки и по-прежнему порабощённые крестьяне терпеливо несли свою ношу. Придворные маги восхваляли этот порядок, а среди народа постепенно распространялось учение жреца Мани, говорившего, что мир захвачен силами Тьмы и призывавшего людей «очиститься» и ждать пришествия Князя Света. Очистившиеся «совершенные» манихеи жили подобно первым христианам: они отрекались от собственности, от семьи и всех земных благ. Богатым и знатым не нравилось, что их правление называют царством Тьмы, и, в конце концов, Мани был казнён, с него сняли кожу, набили её соломой и подняли на виселицу.

Столетие текло за столетием, население постепенно увеличивалось, снова разрастались сёла и вставали из руин города – и, в конце концов, в середине V века началось новое Сжатие. Всё чаще стали повторяться голодные годы, бедняки закладывали и продавали свои участки. В 480-х годах разразился страшный голод, который длился семь лет. Шахиншах Пероз отменил налоги и приказал знатым открыть для народа свои амбары – но это не спасло положения; крестьяне бунтовали и жгли имения знати. Простолюдинов возглавлял жрец Маздак, повторявший многое из того, что когда-то говорил Мани. Маздак проповедовал, что «бог создал блага на земле для того, чтобы люди поровну делили их между собой...»

Маздак говорил: "Кто богат и силён,
Не выше бедняги, что нищим рождён,
На роскошь, богатства положен зарок,
Основа – бедняк, а богатый – уток,
И равенство в мире возникнуть должно,
В излишестве жить непохвально, грешно".

Так передавал идеи революции великий поэт Фирдоуси. Молодой шахиншах Кавад (488-531) внял проповеди Маздака и сделал его своим советником. «По всей стране бедняки отнимали у богатых жилища, женщин, имущество»; они хотели сделать всё общим и имели общих жён. Замки знати были разрушены, многие знатные роды погибли.

Революция Маздака породила новую Персидскую Империю; рабы получили свободу, а повинности крестьян были точно установлены. Благородные рыцари-азаты были подчинены суровой дисциплине, они не смели взять со своих крестьян лишнего и регулярно вызывались на смотры. «Царь царей» сам становился в первую шеренгу воинов и предъявлял своё оружие проводившему смотр полководцу – и однажды был даже наказан за неполадки в снаряжении. Эти порядки сохранялись и после смерти Маздака, который пал жертвой борьбы за престол. Преемника Кавада, Хосрова (531-579) прозвали Аноширваном, «Справедливым»; он уменьшил налоги и прославился военными победами. У сына Хосрова, Хормизда, «не было других желаний, кроме улучшения положения слабых и справедливого отношения к ним со стороны сильных, – писал арабский историк. – И уравнились в его царстве сильный и слабый». Однако рыцарское сословие «артештаран» не смирилось с военной дисциплиной и с тем, что его равняют с «чернью»; знаменитый полководец Бахрам Чубин поднял военный мятеж, Хормизд был свергнут и ослеплён. Сын Хормизда, Хосров (591-628), расправился с мятежниками и правил больше 30 лет; в его правление были завоёваны Сирия и Египет, персидские рыцари не раз разбивали свои шатры на берегах Босфора. Однако, когда победы сменились поражениями, рыцарство снова восстало, и шахиншах был убит. В этот самый момент, когда благородные рыцари вновь овладели властью, на страну обрушилась Арабская Волна. В 636 году рыцарское ополчение вышло навстречу арабам на равнину Кадисии; оно гнало перед собой связанных цепями крестьян-пехотинцев. На равнине установили трон для предводителя «благородных», эранспахбеда Рустама – и к этому трону подвели посла арабов, бедуина Зухру в рваном бурнусе.

– Я предлагаю вам войну или ислам, – сказал Зухра надменному рыцарю.
– Что же такое ислам, – спросил полководец, – что это за вера?
– Основная часть её, лучше которой нет, это свидетельство, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк его.
– А ещё? – допытывался Рустам.
– А ещё, – ответил Зухра. – **ВСЕ ЛЮДИ БРАТЬЯ ПО ОТЦУ И МАТЕРИ, АДАМУ И ЕВЕ.**

Над равниной Кадисии повисло молчание. Рыцари в шлемах с перьями с ненавистью смотрели на нового Маздака, явившегося к ним из глубины степей.

– Нет, – наконец, промолвил Рустам, – ты ошибаешься, посол, люди не братья. С давних времён персы не позволяли никому из подлых простолюдинов выступать против знатных. Иди, посол, и готовься к бою.

Битва при Кадисии продолжалась три дня, на четвёртый день ураган понёс чёрный песок в лицо персам. Ветер из пустыни опрокинул трон Рустама, двадцать тысяч рыцарей с султанами остались лежать под чёрным песком на равнине. Первая рыцарская держава погибла. Потух священный огонь персов в Ктесифоне, в развалины превратилась великая столица Эраншахра. Вырвавшиеся из пустыни орды суровых воинов прокатились по городам и странам, достигнув Океана на западе и далёкой Индии – на востоке. Ислам победил и его победа означала пришествие новой эпохи – Средневековья.

ИТОГИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

И так, нам предстоит еще раз окинуть взором мир древней истории – чтобы, наконец, подвести итоги и перевернуть последнюю страницу.

Началом дней и точкой отсчета истории человечества было освоение земледелия и скотоводства – Неолитическая Революция, которая неузнаваемо изменила мир древних людей и положила начало новому виду *Homo sapiens*, виду людей-земледельцев. Поначалу земледельцы жили маленькими родовыми общинами, вместе возделывали поля и поклонялись богу-предку в родовом храме. Когда обнаруживалась нехватка земли, общины производили выселки и осваивали новые земли – так постепенно они продвигались на запад и восток, в долины Дуная, Инда и Ганга. На древней родине земледелия, Ближнем Востоке, постепенно становилось все более тесно, и крестьянские общины приступили к осушению нильских и месопотамских болот. Это потребовало объединенных усилий сотен людей, но, в конечном счете, ирригация подарила людям невиданные прежде урожаи и изобилие. Разросшиеся деревни превратились в города, а общинные храмы – в возвышавшиеся над равниной зиккураты. Однако со временем началось перенаселение, стал ощущаться недостаток земли и поля общины были поделены между крестьянами – при этом храму был выделен большой участок, который по-прежнему возделывали сообща. Демографическое давление постепенно возрастало, после очередного раздела отцовского поля между сыновьями наделы становились настолько мелкими, что на них нельзя было прокормиться. Крестьяне брали зерно в долг под проценты, и, не будучи в силах расплатиться с долгами, в конце концов, теряли свою землю. Появились массы безземельных и нищих, они арендовали землю у богатых соседей или шли в города, надеясь прокормиться ремеслом. Рядом с лачугами бедняков выросли дворцы богачей, помещиков и ростовщиков, скупавших крестьянские земли и благодаря своему богатству захвативших власть в общине. В конце концов, началось Сжатие – время постоянного голода и войн между общинами за землю. Войны породили военную диктатуру и Империю Саргона Великого, «социализм в солдатских сапогах». Пришедшие к власти цари утвердили обычай Справедливости, регулярную отмену долгов, освобождение долговых рабов и возвращение земли беднякам. Во времена III династии Ура большая часть земли была приписана к общинным храмам, и общинники, как и раньше, до раздела земель, обрабатывали эти земли совместно – но теперь храмовые общины лишились самоуправления и превратились в государственные хозяйства, а общинники стали рабочими, получавшими продовольственные пайки.

Храмовые хозяйства, «рабочие отряды», чиновники-жрецы и писцы – таков был облик шумеро-египетского социализма. Над обществом возвышался царь-бог, фараон или лугаль, мобилизовавший десятки тысяч людей на строительство огромных ирригационных систем. Могущество царей-богов позволило объединить усилия колоссальных людских масс и, в буквальном смысле слова, извлечь из воды землю Шумера и Египта, создать на месте болотистой равнины кормившие народ хлебные поля. Вслед за ирригационными системами были созданы колоссальные пирамиды и зиккураты – символы Империи, объединившей усилия миллионов. Этот образ Великой Империи распространился по всему миру и вызвал

подражание в Микенской Греции, в Индии, а позднее – в Индокитае и, может быть, даже в далекой Империи Инков, – повсюду мы находим пирамиды, храмовые хозяйства и царей, называющих себя богами.

Крушение великих империй III-го тысячелетия было вызвано первой Волной – нашествием, обрушившимся на мир земледельцев из Великой Степи. Земледельцы не были единственным видом *Homo sapiens*, населявшим нашу планету. В Великой Степи обитали скотоводы, сохранившие агрессивные традиции древних охотников. Условия высокого давления и постоянные войны делали кочевников необычайно выносливыми и агрессивными, а занятие скотоводством побуждало их обращаться с покоренными, как со скотом. В то время, как привыкшие к мирному труду земледельцы постепенно разучились убивать, война была частью жизни кочевых племен. Вплоть до недавнего времени всемирная история была историей борьбы двух видов людей, и успех в этой борьбе обычно принадлежал кочевникам – благодаря их умению убивать и их союзу с лошадью. Начало этому союзу положило освоение степняками боевой колесницы, следующей ступенью было освоение всадничества, затем – изобретение седла и стремян. Каждый новый шаг на этом пути приносил кочевникам новые преимущества и нарушал военное равновесие двух видов, на земледельческие области обрушивалась Волна могущественных и жестоких завоевателей. Волны нашествий разорвали на части историю земледельческих цивилизаций; каждая Волна влекла за собой демографическую катастрофу, большая часть населения истреблялась завоевателями, и в опустошенной стране история начиналась сначала.

Первая Волна из Великой Степи обрушилась на мир в середине II тысячелетия, завоеватели разрушили города и поработили уцелевшее население. Они создали «арийский порядок», при котором население делилось на господ, рабов-илотов и платящих дань пэриек-плебеев. «Арийская эпоха» на Ближнем Востоке продолжалась более пяти столетий – пока численность земледельческого населения не достигла прежнего уровня и снова не начиналось Сжатие. Сжатие породило новую Империю – Великую Ассирийскую державу, объединившую весь Ближний Восток. Ассирийские цари железной рукой перемешали и примирили в своей империи все народы Востока; каждый крестьянин получил своё поле – но буржуазные города сохранили самоуправление и постоянно восставали против социалистической монархии.

Ассирийская держава погибла в результате новой Волны из Великой Степи – нашествия скифов. Скифы первыми научились стрелять из лука верхом на лошади – и передали это искусство своим родственникам, мидянам и персам. В VI веке персы завоевали всю Переднюю Азию и, усвоив ассирийские традиции, создали здесь новую Мировую Империю. К середине I тысячелетия Сжатие распространилось за пределы первоначального очага цивилизации, Ближнего Востока. В VII веке появились первые греческие города, вскоре ставшие ареной революций и попыток установления «тирании». В отличие от замкнутых долин Нила и Евфрата, Греция была открыта для эмиграции – и под напором демографического давления греки вскоре заселили почти все берега Средиземноморья. Затем они сумели наладить ввоз зерна в обмен на ремесленные товары; демографическое давление упало и Греция стала преуспевающей страной торгово-промышленных республик. Это преуспевание продолжалось около двух столетий, но, в конце концов, снова наступило перенаселение и социальные революции привели к власти «тиранов».

В середине IV века соседи и родичи греков, македоняне, совершили новое Фундаментальное Открытие в военном деле – они создали непобедимую македонскую фалангу. Появление фаланги вызвало волну македонских завоеваний, Александр Великий покорил весь Ближний Восток и дошел до Инда. В результате социального синтеза здесь родилось несколько новых, «эллинистических» монархий, которые сумели совместить греческую культуру и социальные традиции Востока. За македонской волной последовала римская волна, связанная с изобретением римлянами маневренной тактики полевых сражений. Рим, доселе мало кому известный городок на берегу Тибра, стал господином Средиземноморья; захватив бесчисленные массы рабов, римляне создали в Италии рабские

плантации, а население покорённых провинций заставили платить дань. Однако в конце I века до н. э. Сжатие распространилось и на Италию, и римские бедняки поднялись против плантаторской знати; после кровавой столетней революции к власти пришли императоры, раздавшие италийские земли крестьянам и солдатам. Но в провинциях сохранились крупные поместья, долговое рабство и угнетение; в конце II века, распространяясь на запад, Сжатие достигло Галлии и Испании, вызвав здесь мощные восстания, приведшие к новой социальной революции и обновлению Империи. Новые императоры водрузили на свои знамена христианский крест – символ социальной справедливости и милосердия; мировая социалистическая религия, христианство, стала опорой Империи. По мере повышения демографического давления перенаселение распространялось на запад и на восток, вызывая повсюду голод и социальные революции. В IV-V веках до н.э. Сжатие достигло Индии и Китая, породив здесь новые монархии. Заполнение экологической ниши вынуждало древние общества принимать форму, обеспечивавшую существование максимального числа людей – и этой формой была социалистическая монархия, отнимавшая землю у богатых, чтобы дать её бедным. «Нынешние учёные мужи, – писал Хань Фэй-цзы, – говорят об управлении чаще всего так: дайте бедным и неимущим землю, чтобы обеспечить тех, у кого ничего нет».

Социалистические империи существовали бы тысячелетия, если бы не волны нашествий из Великой Степи, снова и снова обрушивавшиеся на сельскохозяйственные страны. В то время, как привыкшие к мирному труду земледельцы постепенно утрачивали былую воинственность, постоянно сражавшиеся за пастбища кочевники изобретали всё новые виды оружия. В IV веке появление седла, стремени и сабли породило новых кентавров и выбросило из Великой Степи целое скопище неведомых прежде народов. Это была новая катастрофа, волны нашествий с севера и юга захлестнули древний мир. Тяжелый лук, стремя, сабля приносили все новые и новые перевороты в военном деле, и с каждым таким переворотом на мир исторгалась новая Волна. Гунны, эфталиты, сяньби, авары, тюрки, арабы, венгры – волны жестоких завоевателей катились по развалинам Древнего Мира, выжигая все, что еще оставалось. Через два-три столетия земля поглотила пепелища городов, некогда оживленные долины заросли лесами, античная цивилизация была забыта, и мир вернулся к первоистокам. Только через тысячу лет творцы Возрождения открыли перед изумленной Европой тайны прошлого; были извлечены из монастырей и снова прочитаны греческие книги. Многие не поверили им – до сих пор существует теория, утверждающая, что Древнего Мира не существовало, что его летописи – это ошибки переписчиков, настолько они похожи на летописи Средневековья. Но мы знаем, чем объясняется это сходство – новый цикл демографического развития повторял предыдущие циклы. Снова началось Сжатие, появились города, науки, искусства, цивилизация. Потом пришел черед революций и Империй...

«Род уходит и род приходит, а земля остается навек...»

Приложение

Глава, предназначенная для посвященных

Книга, которую Вы держите в руках – и, может быть, уже прочитали – повествует о том, как законы истории играли судьбами миллионов людей и о том, как люди постигали эти законы. Сначала они описывали их простыми земными словами: «В древности усилий не прилагали, а для жизни хватало, – писал Хань Фэй-цзы, – народ был малочисленный, и запасов было в избытке. Ныне же иметь пять детей не считается слишком много, поэтому-то народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах. Поэтому в народе идёт борьба...»

Простые слова понятны всем, но не могут донести до людей всю глубину сокровенного знания. Настоящее знание доступно лишь немногим и передаётся на особом языке – языке математики. Эта маленькая глава предназначена для тех, кто понимает этот язык.

Обозначим p – коэффициент рождаемости (число рождений на тысячу жителей), а q – коэффициент смертности, тогда разность $r = p - q$ будет коэффициентом естественного прироста. В благоприятных условиях, когда этот коэффициент остаётся постоянным, рост численности населения N за время t описывается дифференциальным уравнением

$$dN/dt = rN.$$

Известно, что, если в начальный момент $t = 0$ численность населения составляла величину N то решение этого дифференциального уравнения будет иметь вид

$$N = N \exp(rt).$$

К примеру, в 1950-1980 годах общемировой коэффициент естественного прироста r был равен 0.018. Это означает, что за время t население вырастает в $\exp(0.018t)$ раз. За 50 лет оно вырастает в 2,5 раза, за 100 – в 6 раз, за 300 лет – в 220 раз! Скорость заполнения экологической ниши огромна и быстрое пришествие голода неизбежно – таков основной вывод из заложенной Мальтусом теории экспоненциального роста. Для историка это означает, что перенаселение было обычным состоянием человеческого общества на протяжении многих тысячелетий. Перенаселение и голод вызывают к жизни социалистическую Империю – и мы действительно видим, что реальностью древней истории было господство империй.

Голод меняет динамику воспроизводства населения – к естественной смертности q добавляется голодная смертность Q , которая компенсирует рост численности населения. В экологии обычно рассматривается простейшая модель воспроизводства, когда Q имеет вид $Q = rN/K$, где K – максимальная емкость экологической ниши. Это означает, что смертность увеличивается пропорционально величине $V = N/K$ – «заполнению» экологической ниши. Мы будем называть величину Q также демографическим давлением, а величину военной смертности – военным давлением. Пусть P – величина пищевых ресурсов местности, а w – минимально возможное душевое потребление. Тогда $K = P/w$ и

$$Q = rN/K = rw(N/P).$$

Таким образом, в общепринятой модели демографическое давление обратно пропорционально среднему потреблению продуктов питания P/N . Величину среднего потребления можно найти в демографических справочниках. В 70-х годах эта величина составляла в среднем в мире 2600 ккал, в странах Европы – 3200 ккал, в Мали – 1621, в Эфиопии -1752, в Индии – 1906 ккал. По этим количественным величинам можно судить о демографическом давлении и остроте политического положения в различных странах.

С учетом демографического давления дифференциальное уравнение примет вид

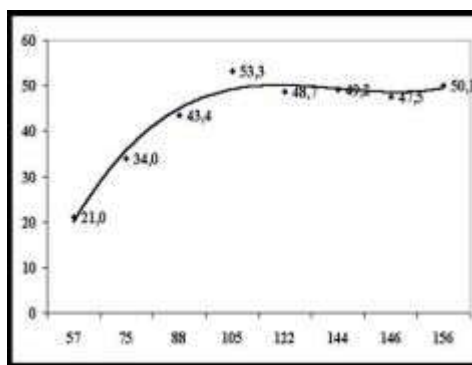
$$dN/dt = r(1 - N/K)N$$

Это уравнение называют логистическим, а его решение

$$N = K / ((K/N - 1) \exp(-rt) + 1)$$

– логистической кривой. На начальных участках логистическая кривая ведет себя подобно экспоненциальной кривой, но при приближении к величине K она довольно резко поворачивает к асимптоте $N(t) = K$ – популяция вступает в период экологического равновесия, характеризующийся постоянным голодом.

В общепринятой математической модели считается, что смертность возрастает прямо пропорционально заполнению экологической ниши V . Биологические эксперименты показали, что логистическая модель достаточно хорошо описывает динамику роста различных популяций животных. В 20-х годах было обнаружено, что ее можно применять также и для анализа роста населения в некоторых странах. Например, логистической кривой с $K = 60$ млн. описывается рост населения китайской империи Хань в I-II вв.н.э (см. рис.).

Конечно, реальные данные переписей могут давать отклонения от теоретических расчётов – это связано с действием случайных факторов, таких, как войны и засухи, однако, в целом, теория вполне согласуется с реальностью. Период, когда логистическая кривая идёт вдоль асимптоты, мы называем Сжатием – это время голода, когда голодающие крестьяне за бесценок продают свои наделы и уходят в города; в это время разрастается помещичья собственность, а государство переживает тяжёлый кризис. В конце концов, голод поднимает народ на восстание, и начинается гражданская война, приводящая к демографической катастрофе и гибели большой части населения. Катастрофа завершает ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ; гражданская война приводит к истреблению помещиков и рождению социалистической Империи – государства, которое наделяет крестьян землёй и пытается поддерживать социальную справедливость. Затем начинается новый демографический цикл, население начинает расти, логистическая кривая снова приближается к асимптоте, и снова приходит голод. Крестьяне, несмотря на запреты, продают за бесценок наделы, снова разрастаются помещичьи усадьбы, а монархия оказывается бессильной отвести приближающуюся катастрофу. Новая революция порождает новую Империю – может быть, лучше организованную и более справедливую, – но затем всё повторяется снова и снова.

Так выглядит история с точки зрения математики.